

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 4₍₃₀₎

2002

Чеслав Милош: Я СТАРОСВЕТСКИЙ ПОЭТ

Что известно в России о современной Польше

Частные мнения россиян о поляках

Польские довоенные очерки об СССР

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ЗЕРКАЛЕ ДОНОСОВ

Март 1968 г. в польском фильме

Стихотворения Мацина Барана

ВАРШАВА

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 4(30)

2002

АПРЕЛЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Александр Липатов 3
ТАК ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ДУМАЮТ
РОССИЯНЕ О ПОЛЬШЕ И ПОЛЯКАХ?
	Зыгмунт Зьонтек 9
СССР В ПОЛЬСКИХ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ (1920-1942)
	Славомир Поповский 14
ВОЗЛОЖЕНИЕ ЦВЕТОВ К НЕИЗВЕСТНОМУ ПАМЯТНИКУ
	Я — АНТИМОДЕРНИСТ 16
<i>Беседа с Чеславом Милошем</i>
	Виктор Кулерский 18
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
	Ежи Редлих 26
ОПЫТ ПОЛЬСКОГО «КРУГЛОГО СТОЛА»
	Мария Грачик 28
КАЛИТКА В РОССИЮ
	наши люди
СЕНАТОР ОЛЬГА КШИЖАНОВСКАЯ 30
	Владислав Бартошевский 36
УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ЗЕРКАЛЕ ДОНОСОВ
	РЕВОЛЮЦИЯ ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИИ 44
<i>1968 год. Хроника событий</i>
	Марцин Баран 51
СТИХОТВОРЕНИЯ
	Лешек Шаруга 51
МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ИДЕЕЙ
-

Збигнев Флорчак 55
Я ВЫШЕЛ ИЗ «ЗАХЕНТЫ» ПОТряСЕННЫЙ

Дорота Ярецкая 61
НОВОЕ РУССКОЕ ИСКУССТВО В «ЗАХЕНТЕ»

ГАЗЕТНЫЙ КИОСК
Кшиштоф Бурнетко 63
ПОЛЬСКИЙ «НЬЮСУИК»

Лешек Шаруга 66
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 69
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Кристина Пашек *(секретариат)*
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих *(зам. гл. редактора)*
Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевнионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевнионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
телефоны: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ: Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.15, кв. 49 Тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

**ВИБЛИОТЕКА NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Переводчики: И.Адельгейм, А.Базилевский, А.Бондарев, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, Г.Погожева, Е.Редлих, С.Филипчак, Е. Шиманская.

Фото ©: Д.К. (стр. 16), Agencja Gazeta - M.Mitor (стр. 30), Agencja Gazeta - S.Kamiński (стр. 36), T.Zagoździński - Archiwum Dokumentacji Mechanicznej (стр. 46, 50), zbiory Ośrodek „Karta” (стр. 49), W.Wierzejski - zbiory Ośrodek „Karta” (стр. 50, внизу страницы), W.Wilczek (стр. 51), Archiwum Muzeum Narodowego w Warszawie i Krakowie (стр. 55, 56, 57, 58, 59 60).

Александр Липатов

ТАК ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ДУМАЮТ РОССИЯНЕ О ПОЛЬШЕ И ПОЛЯКАХ?

В конце 2001 г. по заказу Российского информационного агентства «Новости» был проведен всероссийский анкетный опрос «Общественное мнение в России о российско-польских отношениях»¹. Его реализаторы из Московского Центра международных социологических исследований не дают информации о количестве, а также, что представляется особенно важным, критериях подбора респондентов. Завершающий же результаты опроса «Анализ» порой вызывает сомнения с точки зрения не только принципов обобщения и оценок самих по себе, но и внутренней логики осмысления полученных результатов.

Для наглядности приведем установочные суждения, которые вынесены в самое начало:

«Анкетный опрос в России, проведенный в конце 2001 года, выявил существенные изменения общественного мнения россиян по ряду проблем российско-польских отношений накануне визита Президента России Владимира Путина в Польшу.

Социологи Центра объясняют эти происшедшие изменения в общественном сознании россиян... как реакцию на трагические события после терактов 11 сентября в США».

Причем тут отношение россиян к Польше, понять трудно (как говорят в таких случаях поляки: «Где Рим, а где Крым?»). А вот связь с ослаблением и постепенным угасанием критики Польши в российских средствах массовой информации «накануне визита Президента» вполне логична и напрашивается сама собой.

Продолжим цитирование: «Социологи считают, что произошло своего рода духовное сближение России и Европы, России и Польши перед лицом терроризма. Об этом свидетельствует оценка более чем половиной россиян российско-польских отношений как «нормальных и даже дружественных». Хотя более четверти опрошенных все же считают российско-польские

отношения «напряженными», число сторонников такого мнения уменьшилось на целых 10 процентов (по сравнению с результатами весеннего опроса)».

Вопросы анкеты конкретны и связаны исключительно с российско-польскими отношениями: от политики до житейской прагматики. Столь же конкретны и ответы россиян. Мотив терроризма, столь актуальный для России, но отнюдь не для Польши, там полностью отсутствует. И это вполне естественно. Отсюда возникает вопрос: где же тот анкетный материал, который послужил основанием для выводов о сближении «России и Польши перед лицом терроризма»?

Изначально заданная направленность мышления аналитиков (воспользуемся советским языком) «на актуальный политический момент», хотя этого социологи Московского Центра международных социологических исследований или нет, ассоциируется со стилем работы (и языком) советской социологии как ока государева.

Начало исследования по сути и стилю выглядит не столько как беспристрастный научный анализ, сколько — опять-таки уместно воспользоваться советским языком — как идеологическое обеспечение готовящегося государственного мероприятия. Причем речь идет не только об изначально заложенном стремлении выдавать желаемое за действительное: поворот в политике президента вызвал не только положительные эмоции, но и взрыв антиамериканизма и антизападничества, которые «генетически» запрограммированы советской пропагандой минувшего времени, а ныне культивируются в целом спектре политических ориентаций: от КПРФ до православного фашизма.

Изначально заданной политизированной логике осмысления анкетного опроса противоречат сами его данные: по ходу уже конкретного рассмотрения ответов сами же аналитики отмечают: «По-прежнему высоким остается процент россиян, полагающих, что членство

¹ www.rian.ru

Польша в НАТО является главным препятствием развития российско-польских отношений. Процент убежденных сторонников такого мнения даже вырос с 43% до 49%.

Вторым фактором, препятствующим развитию отношений между Россией и Польшей, были названы противоречия между Православной и Католической церквями. Число людей с такими убеждениями — 19%».

Тем самым заявленное в начале аналитиками «духовное сближение» лишено реальной основы и повисает в воздухе как сугубо вербальное заклинание, наподобие прежних, типа «вечной дружбы между народами СССР и ПНР».

Попутно следует припомнить очевидную истину: язык науки должен быть предельно точен. В данном случае, учитывая особый смысл русского понятия духовности, духовной общности, более чем сомнительно его употребление в приведенном ранее контексте, связанном с политикой и прагматикой. А именно эти сферы превалируют в мышлении респондентов. Впрочем, сами вопросы тоже заостряют внимание анкетированных именно на политике и прагматике.

Помимо заявленной в начале «установочной» интерпретации² авторы опроса, рассматривая ответы, ограничиваются голой констатацией. Сама по себе она, в некоторой степени, может служить исходным материалом для дальнейших аналитических выводов. Так, например, 42% опрошенных полагают, что в российско-польской истории было больше положительного, чем отрицательного. Это несомненный результат воздействия учебников и пропаганды послевоенного времени (в довоенный период было иначе: «панская Польша», «белополяки», позднейшие антипольские репрессии, которым подверглась также КПП, массовые депортации до и после

² В этом плане целесообразно сопоставить стиль мышления российских аналитиков с проведенным в то же самое время польскими социологами опросом об отношении поляков к русским (www.gian.ru). Не вдаваясь в анализ их подхода (это заслуживает особого разговора), сразу же бросается в глаза: профессионализм польских ученых исключает то, что по традиции советских времен включают в круг своих обязанностей и повинностей организаторы российского опроса.

«освобождения» 1939 г. — все это было «на виду» и «на слуху»). Советские люди ничего не знали о пражской резне (наоборот, в учебниках констатировалось, что Суворов гуманно обошелся с жителями этого восточного предместья Варшавы), политике царизма на польских землях, АК, Катynie, Варшавском восстании, «малой гражданской войне» после 1945 г., обстоятельствах создания и истории функционирования системы ПНР³. Поэтому-то вполне логично, что по мнению 64% Россия не должна испытывать чувства вины перед Польшей.

Развитие туризма в последние годы советской власти, свободные выезды в наше время способствовали расширению представлений россиян о поляках. С этим по-видимому связано, что почти четверть респондентов считает: послевоенное сотрудничество было выгоднее СССР, чем Польше.

Заслуживают внимания ответы на вопросы прагматического свойства. Это и интерес к польским продуктам (29%), и явный упадок спроса на польскую парфюмерию, косметику, текстиль, обувь как следствие ухода Польши с российского рынка, и ее неспособность конкурировать здесь с западными, корейскими, китайскими и турецкими фирмами.

Тем не менее остается интерес к этой стране: отсутствие польской прессы в России и ограниченная информация об этой стране ощущается 55%.

Симптоматичны для по-прежнему живучей традиции неразделенной любви русских к Польше ответы на вопросы об отношении к этим своим западным соседям: 35% испытывают чувство симпатии, 24% — уважение, 13% — интерес. Неприязнь испытывают только 2% (9% относятся с безразличием, 11% затрудняются с ответом).

Эта безответная предрасположенность к полякам связана с притягательной силой польской культуры и польского национального характера. А недоумение, вызываемое польским отношением к России, имеет своей причиной незнание той части своей национальной истории, которая вторгалась в историю других народов, в том числе

³ См. А.Липатов. „От «ублюдка Версальского договора» до «братской страны соцлагеря» (государственное искусство и идеологические стереотипы)“ // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.

поляков.⁴ Эта лакуна в российском самосознании взывает не только к пересмотру российских учебников, формирующих массовые представления, но и к историко-культурологическому информированию российского политического класса и самих средств массовой информации. В этом ключ к постижению опыта связей с Россией других народов, к пониманию тех их болей, унижений и комплексов, которые, пользуясь расхожим оборотом наших квасных «патриотов», «бросили в объятия НАТО» всех без исключения «братьев-славян» — от «братской» католической Польши до еще более «братской» (ибо православной) Болгарии.

В этом и ключ к пониманию того, почему гимны дружбы времен соцлагеря обернулись траурными маршами, когда Старший Брат оказался не в состоянии этот лагерь стеречь.

Понимание других способствует углублению самопонимания. Русских всегда притягивало в поляках то, чего им, начиная с Московского периода, самим не доставало. В давние времена это государственная система шляхетской демократии и, связанные с ней такие национальные черты, как чувство личной свободы, собственного достоинства, независимого отношения к государству — оно было для личности, а не личность для него. Отсюда личностная энергичность и личностная независимость, породившая уже в XVI в. — эпохе польского Ренессанса — расцвет науки (имена Коперника и Фрыча Моджевского обрели европейскую известность, их труды издавались и переиздавались на Западе), искусства и литературы (международная слава польских латиноязычных поэтов и Я.Кохановского), которые сперва дали импульсы развитию культуры Украины, Белоруссии и Литвы (входивших в Речь Посполитую), а в следующем столетии — интеллектуальной жизни, литературе и искусству Московского государ-

ства.⁵ С тех пор это присутствие польскости в русскости просматривается вплоть до наших дней. В советские времена сильнейший импульс «польский дух» обрел у нас во времена «оттепели».

Неугасимость исторического ощущения притягательности польской культуры в России отражает в определенной степени и проведенный опрос. Россиянам в поляках нравится уважительное отношение к женщине (21%), энергичность и деловитость (18%), чувство собственного достоинства (13%), патриотизм (10%). Высокий процент первого пункта может свидетельствовать отнюдь не только о превалировании мнений женщин-респонденток, но и являться одним из примеров притягательности того, чего нам не хватает. У поляков «героический период» социализма был несравненно короче, а эталоны шляхетской культуры, обретшие межсословный и общенациональный статус несравненно сильнее. Не было здесь и тех массовых репрессий, которые уничтожили в России носителей высокой культуры. Поэтому-то полякам удалось сохранить то, что мы утратили.

Осознавая ситуацию нынешней России в сопоставлении с нынешней Польшей, а тем самым критически переосмысляя период общественно-экономической трансформации в своей стране, респонденты видят упущенные российским политическим классом возможности. Цитирую Анализ Центра международных социологических исследований: «... в глазах россиян сегодняшняя Польша стала стабильной европейской страной с развитым средним классом и со средним уровнем жизни. По мнению 20% опрошенных, Польша — европейская страна с высоким уровнем жизни... Большинство опрошенных (почти 70%) оценили свой уровень жизни в России как «низкий», за «чертой бедности». Чуть больше четверти опрошенных россиян (27%) оценивают свой уровень жизни как «средний», и лишь 5% назвали свой уровень жизни «высоким»... Не случайно некоторые респонденты на вопрос анкеты «С чем Вы связываете свое представление о Польше?» — отвечали: «с лучшей, чем в России, жизнью, с хорошо организованной, обустроенной страной». Отсюда, по-видимому, и желание 66% опрошенных посетить Польшу.

⁵ См. «История литератур западных и южных славян». Т.1. М., 1997.

⁴ Из новейших работ на эту тему см.: „Polacy i Rosjanie. Czynniki zblizenia”. Red. M.Dobraczyński. Warszawa — Toruń 1998. „Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание”. М., 2000. „Поляки и русские в глазах друг друга”. М., 2000. „Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków”. Warszawa, 2000. M.Filipowicz. „Wobec Rosji”. Lublin, 2000. A.Nowak. „Polska i trzy Rosje”. Kraków 2001.

Характер анкетирования не позволяет судить, насколько эти суждения сформировались на основе непосредственных наблюдений респондентов, побывавших в Польше, а насколько они опираются на высказывания других и сведения, почерпнутые из литературы и средств массовой информации. Во всяком случае следует отметить, что в выступлениях наших специалистов на темы общественно-экономической трансформации Польша неизменно присутствовала как удачный, а поэтому заслуживающий внимания опыт. Имя Л.Бальцеровича было на слуху у всех интересующихся этой проблематикой.

Анализ Московского Центра международных социологических исследований, а точнее констатация, суммирующая ответы респондентов, после «правильного» установочного вступления обрамляется «правильным» заключением, постулирующим «дальнейшее развитие» российско-польских отношений. И вступление, и заключение, ассоциируясь с передовой статьей советских газет, в то же время оставляют ощущение вклеенного между ними бухгалтерского подсчета, заменившего исторический, культурологический, политологический и социологический аспекты анализа ответов на анкету. Сам же ее тип и отсутствие данных о численности, а главное — принципах отбора реципиентов — вызывают вопросы о степени репрезентативности отражения и качества того, что квалифицируется как общественное мнение.

Мнение означает сложившиеся суждения, основанные на определенной информации, которая подвергается осмыслению, а тем самым предполагает оценочность. Само тестирование — мгновенные ответы на поставленные вопросы (которые могут играть провокационную роль) — то есть так называемый «фокус», либо заполнение анкет в рамках относительно определенного времени — эти два типа, создавая разные психологические ситуации, могут вызывать разные ответы у одного и того же респондента. Как проводилось данное анкетирование опять-таки неизвестно. Отсюда проблематичность самой оценки объективности результатов анкетирования.

При составлении анкеты, учитывая психологический аспект, для авторов и респондентов должна быть проведена грань между рефлексией, сформировавшимся суждением и

предрефлексивным (или — внерефлексивным) высказыванием, что позволит дифференцированно осмыслить конечный результат тестирования.

Все вышесказанное может свидетельствовать в пользу необходимости сотрудничества социологов с психологами при составлении анкет и в процессе самого анкетирования.

Общественное мнение в свете примененной авторами методологии — некий винегрет, в котором все (мнения представителей разных социальных групп) перемешано по одному рецепту, вследствие чего получается некое усредненное по отношению к составляющим ингредиентам блюдо. Но какое отношение само это блюдо имеет к изначальной — реальной — ситуации, когда эти ингредиенты существовали в отдельности, являя собой симбиоз мнений представителей отдельных слоев, а не их синтез, сумму слагаемых, а не среднее арифметическое?

Отчуждаемое от социальной реальности и выводимое аналитиками на бумаге единое общественное мнение существовало (и существует) лишь в нашем партийно-государственном сочинительстве, используется в пропаганде, навязывается ею в качестве стереотипа мышления и функционирует как миф, которым оперируют социотехники в интересах политических элит.

В нынешней России — по инерции ли, в силу ли сформированного в течение семидесяти с лишком лет советского типа мышления — по-прежнему распространено употребление (а по сути — злоупотребление) этого понятия как глобального, всеобъемлющего для народонаселения страны. Подразумевая, что его носители составляют нечто единое и цельное (ранее — «советский народ», теперь — «россияне») употребляющие это понятие только в единственном числе наши политологи и социологи тем самым сохраняют его институциональную привязанность и идеологизированный облик советских времен.

Общество в традиционном его понимании — то есть гражданское общество и именно с ним связанное общественное мнение было разрушено большевизмом в первые же годы однопартийной диктатуры. Нынешнее народонаселение России не являет, а в силу известных исторических факторов и не может являть собой некоего единого общества. Отсюда не может существовать и некое единое российское общественное мнение.

В постсоветской России по-прежнему «подавляюще» преобладает сконструированное в соответствии с ленинско-сталинской доктриной государственное общество. Уничтоженное большевизмом гражданское общество находится в стадии становления и не представляет собой некоей сложившейся целостности. Каждое из этих образований обладает свойственным именно ему общественным мнением, основанным на специфичной для данного типа общества аксиологии. В свою очередь эти мнения внутренне дифференцированы в границах социальной стратификации. Свойственные соответственно государственному и гражданскому обществам аксиологические представления обретают преломление и конкретизируются в оптике особенностей мышления определенной социальной среды и в соответствии с характером и уровнем ее культуры. Причем сама эта среда также может быть внутренне дифференцированной (например, гуманитарная и техническая интеллигенция; тендерный фактор; принадлежность к определенному поколению), что не может не накладывать отпечаток на тип мышления и широту горизонта представлений. К этому можно добавить партийную принадлежность или просто симпатию к определенным установкам того или иного общественного движения (что в нашей нынешней политизированной реальности играет весьма существенную роль), конфессиональную принадлежность, а также национальную и региональную специфику. Эта последняя в условиях огромного российского пространства играла и играет немаловажную роль, причем не только социально-экономического или культурного свойства. Так, например, согласно исследованиям российских этнологов последних десятилетий XIX — начала XX вв. в сельской глубинке срединной России не было полонофобии и антисемитизма. Крестьяне здесь в глаза не видели поляков и евреев. Для них это была некая абстракция, вакуум, в котором не могла найти питательной среды официальная (государственная и сопутствующая ей церковная) пропаганда. Если же речь идет о нынешней России, то поляки, являясь достаточно отвлеченным понятием для сельской глубинки центральной России, присутствуют в сознании

жителей Сибири, ибо сосуществуют с ними, начиная с XVIII в. Сюда они ссылались после очередных национальных восстаний, а при советской власти пришел черед их массовым депортациям с захваченных территорий.

Естественно, мнения и сами представления о поляках и Польше в этих частях России не могут быть идентичными, а сведение к общему знаменателю мнений, высказанных в разных частях страны, кроме искажения реальной картины на местах ничего дать не может.

Обратимся к выводам авторов опроса о степени знакомства россиян с польской культурой. Цитирую: «Из знаменитых поляков — у всех на слуху Папа Римский или Б.Брыльская, кинорежиссер А.Вайда, бывший Президент Польши и лидер профсоюза «Солидарность» Л.Валенса и другие».

Если воссоздавать картину общественного мнения по принципу винегрета, то получается то, что и получилось у составителей анкеты.

Что же дает такая методология и полученный в результате ее применения усредненный (процентный) показатель?

Если принимать выводы социологов Московского Центра международных социологических исследований всерьез, то складывается парадоксальный — в сопоставлении с тиражами книг (переводы с польского, работы о Польше), кинематографом, музыкальным репертуаром и т.д. — образ русского культурного сознания, уровня и самой степени открытости русской культуры. Если же использовать принципы исследования по социальным слоям, то перед нами характерный и естественный не только для России образ и уровень сознания массовой культуры. По полученным данным можно только догадываться, кто составлял основную массу респондентов, а отсюда и как готовился «винегрет», который должен отражать, «что думают россияне о Польше и поляках».⁶

⁶ Остается непонятным, почему вопреки общепринятым правилам, в опубликованных материалах отсутствуют сведения о количестве респондентов, их социальной принадлежности, возрасте, роде занятий и т.д. И здесь сравнение с указанной ранее работой польских социологов, увы, не в пользу профессиональной культуры специалистов Московского Центра международных социологических исследований.

Массовые российские издания, начиная с середины XIX в. и по сей день, книг Крашевского, Пруса, Ожешко, Сенкевича, а в новейшее время Ивашкевича, Домбровской, Лема, а также более скромные, но ставшие фактом культурной жизни российской элиты издания Шульца, Гомбровича, Мрожека, Хласко, двухтомной антологии «Польские поэты XX века» (не говоря уже о феномене нынешней массовой популярности в разных социальных слоях И.Хмелевской) продолжают давнюю, сложившуюся традицию и отражают непрекращающийся — несмотря на финансовые трудности — спрос на польскую литературу, а следовательно, ее продолжающуюся известность в определенных слоях народонаселения России. К этому можно добавить традиционный российский успех польской кинематографии (последний феномен — первая премия для К.Занусси на Московском кинофестивале прошлого года) или же российскую известность Г.Черни-Стефанской и К.Пендерецкого в музыке (особый аспект — польская эстрада: например, феноменальная популярность в России А.Герман). Примеры можно множить. Особо же следует констатировать неугасающий интерес к польскому языку, литературе, истории в наших вузах, новые популярные издания (например, «Исторический лексикон», «Энциклопедия литературных героев. Зарубежная литература XX в.», где Польше отведено видное место), публикации научных исследований, наличие научных институтов, занимающихся польской проблематикой. Этих

реалий достаточно для оценки эффективности использованной методики анкетирования и степени ее пригодности для осмысления подлинной картины присутствия польскости в русскости.

Принципы анкетного опроса и метод анализа Московского Центра международных социологических исследований принуждают к констатации общеизвестного: каждому слою населения свойственно свое, специфическое именно для него мнение, обусловленное его социальным статусом, уровнем образованности и т.д.

Рассмотрение же этого общего по принципу «винегрета» и выведенные отсюда проценты не имеют коррелят в реальной действительности. Более того, они ее искажают: внутренне дифференцированное трактуется как некая однородность, а полученные проценты характеризуют в целом то, что не является целостностью в социальном, а отсюда экономическом, политическом, культурном и т.д. планах бытия народонаселения одного государства.

Итак, актуальный вопрос — «Что думают россияне о Польше и поляках?» по-прежнему ожидает профессионального ответа, который необходимо искать, исследуя — отнюдь не по совокупности — мнения, представления и настроения отдельных социальных слоев народонаселения России. Они не составляют некоего единого общества. Поэтому-то их взгляды и не могут быть приведены к общему знаменателю (которого нет в природе) или же составлять процент от несуществующего целого.

Зигмунт Зьонтек

СССР В ПОЛЬСКИХ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ (1920-1942)

В отличие от литературы о польско-большевистской войне 1920 года или о лагерях (т.е. литературы, выросшей из горького опыта соседства с СССР) польские очерки о поездках в СССР рождались из искреннего интереса к соседней державе. Как того и требует жанр, их авторы в основном старались возможно более объективно — в меру своего понимания, а также доступности и знания фактов — разобраться в новой действительности. Как правило, они знали, какие у поляков существуют стереотипы относительно России или СССР и нередко вступали с ними в полемику. Таким образом, в репортажах можно найти наиболее достоверный материал об устойчивости и эволюции традиционных представлений, так как их авторы сознательно стремились изменять стереотипы под натиском красноречивых фактов.

В первой половине 1930-х конфронтацию «русского» и «советского» в репортерских очерках определяло безусловно одобрительное, полное доброжелательного любопытства отношение авторов к наблюдаемой ими действительности. В процессе поездки оно могло проходить далеко заходившую проверку, однако ни разу не бывало полностью отброшено. Этот удивительный для сегодняшнего читателя подход в некоторой степени объясняется дипломатической осторожностью. Как писал Зигмунт Новаковский («В погоне за формой», 1934): «...я не хотел бы проявить дерзость по отношению к огромному государству, с которым сегодня (наконец-то!) нас объединяет дружба и общность интересов».

Свою роль сыграло и распространенное среди польских путешественников, особенно тех, кому были близки социалистические идеи, ощущение, что им нечего противопоставить смелости советских перемен. «Нам остается только ждать, — писал в конце книги «Вглубь СССР» (1933) Александр Янта-Полчинский. — Ибо словами фактов не опровергнешь. Те, кого не удовлетворяют формулировки, по которым мы живем, кто знает, что необходимы перемены и реформы (...) — те обязаны суметь противопоставить тому миру лучшую действительность (...) А пока ее нет (...) мы вынуждены молчать».

Однако самой главной причиной готовности одобрить СССР была естественная неприязнь к традициям царской России и уверенность, что созидание послереволюционного порядка дает реальную возможность порвать с ее наследием. Характерна точка зрения капитана Мечислава Б. Лепецкого, адъютанта Пилсудского и одного из самых популярных польских путешественников того времени. В двух своих наивно-оптимистических книгах — «Сибирь без проклятий. Путешествие по местам ссылки маршала Пилсудского» (1934) и «Советский Кавказ. Путешествие в Грузию, Армению и Азербайджан» (1935) — Лепецкий почти готов признать, что это долгожданное положение дел уже наступило. Он увидел Сибирь, переставшую быть пресловутой «величайшей тюрьмой мира», и Закавказье, которым «советская Россия начала управлять иначе, чем это делала царская. Никакой русификации, централизма, никакого национального притеснения». Подобные надежды порой сопровождались поисками оправдания большевистского террора и равнодушием к некоторым его жертвам. По словам того же Лепецкого, не случись революции, гонимые «бывшие люди», возможно, стали бы губернаторами, начальниками, администраторами в Польше, по-прежнему разделенной.

Самые дурные воспоминания о царской России и упование на окончательное преодоление ее традиций в гигантском труде созидания новой истории оказались двоякое воздействие на восприятие польскими путешественниками проявлений «русского» в советской жизни. Прежде всего — сделали их довольно бесчувственными к еще живым свидетельствам или еще свежим останкам и развалинам исторической культуры России. Конечно, поляки не оставались совсем равнодушными к ее уничтожению. Гуляя по улицам Москвы, они не обходили стороной руины храма Христа Спасителя или церкви, превращенные в склады, кинотеатры либо музеи. Они замечали разваливающиеся особняки, исторические интерьеры которых были распиханы по гостиницам и коммуналкам. Умилялись при виде последних старых официантов или извозчиков. Плакивали судьбу превратившихся в конторы центров

оживленной торговли и светской жизни, разрушение старого города, подвергнутого кардинальной перестройке, стирание всяких границ между «хорошими» и «плохими» районами. Отправлявшиеся «вглубь СССР» наблюдали угасание прежних торговых центров (Нижнего Новгорода, Рязани) или опустевшие станицы донских и кубанских казаков — символ уничтожения самостоятельной русской деревни. Однако все эти наблюдения делались как бы «на полях»; пишущие так или иначе смирились с разрушением многих форм традиционной русской жизни (считая его неизбежной платой за гигантскую перестройку), ибо формы эти были неразрывно связаны со структурой царской империи. Многим польским путешественникам поддержание какой бы то ни было памяти об имперском прошлом казалось явным недоразумением. Их удивляли царские орлы на кремлевских башнях — отчего же их сразу не заменили красными звездами? — и нетронутые сокровища кремлевской Оружейной палаты. Ванда Кранец («Дым над Азией», 1934) и Антоний Слонимский («Мое путешествие в Россию», 1932) считали, что эти сокровища следует использовать на важные общественные или государственные нужды.

Особое внимание к тем проявлениям «русского» в советской жизни, которые ассоциировались с имперским прошлым России, — это и есть вторая характерная черта польских текстов об СССР, что легко заметить, сравнивая их с путевыми очерками других иностранцев.

Так, Хьюберт Р. Никербокер, имевший репутацию одного из крупнейших западных знатоков советской действительности, в книге «Красная торговля. Пятилетка индустриализации советской России» сумел описать СССР как совершенно новый феномен государственного капитализма, вообще не упоминая о дореволюционном прошлом. Питающийся классовой ненавистью, опасный для всего мира экспансионизм этого государства, модернизирующегося и крепнущего на глазах, напоминает у Никербокера поведение хищного и хитрого индустриально-торгового картеля, а не прежнюю российскую политику. Лишь во вступлении польского переводчика можно найти пояснения о традиции Петра Первого и новом воплощении русского империализма.

Польская реакция на «русское» была несравненно более эмоциональной и характеризовалась стремлением убедить: она сочеталась с удивлением, опасением, предупреждением, предостережением, адресованными польскому читателю, а порой и с призывом к хозяевам СССР защитить свое рабочее государство от возвращающегося призрака прошлого.

Этот призрак имперской России польские путешественники обнаруживали не столько в инертном наследии непреодоленной традиции, сколько в предчувствии возврата к нему в результате провала новых идей, учреждений и социальных экспериментов. Это противоречит довольно распространенному мнению, будто бы поляки сразу сочли, что «советское» и «русское» — одно и то же. Наблюдения наших посланцев подтверждают скорее тезис о том, что связь между царской и советской империей заключалась не в простом наследовании русского образа мыслей или духовного склада. Прямая преемственность отсутствовала даже в столь, казалось бы, очевидном явлении, как пресловутый восточный коллективизм.

Никто из польских репортеров не воспринимал принуждение к коллективизму, как это назвал Станислав Мацкевич («Мысль в клещах», 1931), мгновенно ощущавшееся в однообразной московской толпе, в квартирах, в любом образовательном и воспитательном учреждении, в формах труда, науки и отдыха, как продолжение «исконно русского» подчинения личности коллективу, но как явление принципиально новое, глубоко революционное и, по мнению многих из них, положительное. В коллективизме они видели прежде всего радикальную попытку воплотить в жизнь идеалы социального равенства, равного доступа всех ко всем благам — от жилья и обуви до театров и университетов. А также здоровый идеал самовоспитания в коллективе и каждому доступное чувство социальной принадлежности и значительности. И, наконец, формулу социально-культурной эмансипации, предлагающую участие в совместном сотворении новой истории тем, кто веками был лишен такой возможности.

Конечно, наиболее проникательные энтузиасты коллективистских идеалов не ограничивались их иллюстрированием, но использовали их как строгий критерий фактической действительности. Проанализируем это более подробно на примере «Моего путешествия в Россию» (1931) Антония Слонимского. Слонимский, которого в этих идеалах очаровало сияние социалистической утопии, сразу же заметил все, что противоречило ей в жизни. Никуда не исчезли «прежние инстинкты, лишённые внешней красоты (...) Женщина, у которой есть чулки, с некоторой гордостью взирает на ту, у которой только носки. Женщины без носков иронически поглядывают на «оносоченных». В образцовом

Доме матери и ребенка писатель обнаруживает, что прием производится в соответствии с «иерархическим» списком, имеющимся во всех местах распределения благ и ничем не уступающим прежней табели о рангах. В суде или больнице человека без денег или блата презирают, он отдан на произвол бюрократии — худшей, чем были царские чиновники. Власть и ее наводящие страх вооруженные органы — армия и ГПУ — не испытывают никаких лишений, в то время как общество кормят главным образом верой в будущее, и ничем не отличаются от своих предшественников: Сталин вышагивает той же походкой, какой «мерили улицы Варшавы царские губернаторы», а что касается армии, то «социализм скользнул по стальным каскам русских солдат, пометил их красной звездой, но ничуть не изменил облик армии» (...) — «огромного жирного паразита на теле нищего народа».

Коллективизм бывших революционеров и наиболее активной молодежи рассчитан на фанатичных последователей, поэтому за тщательностью его соблюдения надзирает весь коллектив. Или же делает это по принуждению. Партийные чистки, охраняющие чистоту доктрины (не говоря уже об агентах ГПУ), напоминают инквизицию, а отступления от доктрины, зачастую вызванные незнанием того, какова она в данный момент, караются как ересь, что особенно болезненно для идейной молодежи: воспитанная в духе коллективизма, она больше всего боится осуждения коллектива и исключения из него. Как правило, этого можно избежать с помощью самокритики, т.е. покаяния. «Это церковное слово очень популярно в России», — добавляет автор, предостерегая и польского читателя, и самих хозяев СССР от победы прошлого над проектируемым будущим.

По мнению многих наблюдателей, революционная идея полной эмансипации в новом обществе оказалась искажена, будучи примененной к народам Азии, где, впрочем, оказалась в высшей степени нужной и творческой, составив полную противоположность методам царского режима, который давал этим поработанным народам в лучшем случае основные потребительские товары да специи. Живописно написала об этом Ханна Ленчевская-Борман: ««Они» приходят к «черному», дикому человеку, неграмотному рабочему и крестьянину, жителю девственных уральских гор, киргизских степей или эскимосу-самоеду. Они отвергли рубашки, ткани, табак и водку (...). Они поверили, что «черный» — такой же человек, как и «белый» интеллигент, что в нем таятся те же возможности (...). Они посвящают дикого человека в новую жизнь».

Но не слишком ли легко они в это поверили? — как будто спрашивают многие авторы восторженных рассказов об азиатской части СССР. «Они» завоевали массу сторонников, которые взамен за ощущение, что достигают чего-то великого, готовы на всяческие жертвы. Но новаторский социальный проект «им» приходилось приспособлять к самому низкому уровню, в столкновении с Азией племенных общин. Потому что, как пишет другая путешественница, павшие на Азию лучи света «озарили мрак, окутывавший ее со времен Чингисхана, вгрызлись в илистую толщу невежества и тупости покорных, пассивных племен» (В.Краген, «Дым над Азией»). Эта пробужденная, но по-прежнему склонная к покорности и рабскому подчинению Азия как будто вновь завоевывает Русь. Польские путешественники предчувствуют ее уже в Москве — в облике заполонившего улицы человеческого муравейника, однообразно и бедно одетого, вечно навьюченного какими-то мешками и сумками, что производит впечатление наезда кочевников. Господствовавшая в те годы мода на мужские тубетейки, которые шились из реквизированных священнических облачений, заведомо усиливала это впечатление.

Эмансипация Азии, казалось, настолько изменяла характер революционного обновления страны, что, по мнению некоторых наблюдателей, нельзя согласиться с распространенным мнением, будто речь здесь идет о наследовании традиций Петра Первого. Тадеуш Блешинский («Больше правды о Советах», 1933) напоминает, что, насильно модернизируя Россию, создатель Петербурга европеизировал ее, а нынешние властители, перенося столицу в Москву, потеряв на западе независимые прибалтийские государства, Польшу и Финляндию, революционизируя Азию, в сущности возвращаются к допетровской эпохе. Это тем более существенно, что напоминает о традициях монгольского ига, проще всего объясняющих сегодняшние блуждания духа коллективизма. Мельхиор Ванькович, особенно упорный апологет «вопроса о человеке» в советской перестройке, призывал не забыть, что «Россию отделиют от счастья варваров всего четыре столетия, тогда как Запад миновал этот кризис четырнадцать веков назад», и что «русская революция максимально усиливает эти русско-монгольские государственные традиции. Человек ничего не значит» («Оперенная революция», 1934).

Итак, залог нового поработания обнаруживали не в каких-то обстоятельствах, которые можно преодолеть, но в самой идее эмансипации, в сущности, содержавшей проект воссоздания в современной форме поработанного и полностью контролируемого общества. Особенно лаконично и горько

сказал об этом Александр Янта-Полчинский, рассматривая записи в музейной книге отзывов: «Пока ты послушен, можешь черпать из источников культуры, которую мы накачиваем в каждого, хочет он того или не хочет, лишь бы признавался: как он смотрит, как чувствует, что знает?...»

Автор здесь не подсказывает никаких аналогий — возможно, потому что уже и не надо. Они содержатся в самом языке — языке власти над человеком и презрения к нему, в языке, безусловно определяющем «русское».

Для полноты картины этого нового образа России в польском репортаже 1930-х необходимо также упомянуть два постоянных сюжета: во-первых, власть, во-вторых, политика по отношению к нерусским народам СССР.

Единовластие для поляков не было неожиданным. Генрик Кораб-Кухарский, который, будучи представителем французской прессы, смог посетить Советскую Россию уже в 1922 г., предсказывал («РСФСР. Впечатления от путешествия вокруг советской России», 1922), появление «нового, царского большевизма»: он считал, что революционера Троцкого может изгнать лишь «какой-нибудь новый Иван Грозный». Неожиданностью и одновременно самым ярким доказательством измены революционным идеалам в пользу царских традиций стало для авторов репортажей восстановление культа власти. Разрушение Церкви и традиционной религиозности, обосновываемое, в частности, их тесной связью с институтами царизма, привело в конечном счете к перенесению религиозных чувств на институты новой власти. Созидание ее массового культа по образцу религиозного включало, в частности, священные книги, пророков, иконы, догматы и прежде всего поклонение и слепое послушание властителю. По мнению, например, Слонимского, здесь нет ничего случайного: Кремль, словно Ватикан, объединяет резиденцию власти с музеем и национальным храмом; цитаты из классиков в печати, подобно библейским высказываниям, снабжаются точными библиографическими справками. Другой польский репортер отметил, что заглавия речей Сталина похожи на заголовки папских энциклик.

Политика по отношению к нерусским народам СССР поначалу представлялась многим польским репортерам доказательством действительного разрыва с традициями царской России. Среди авторов, попавших в Закавказье, в Республику немцев Поволжья, в Сибирь, не было никого, кто не заметил бы этого радикального поворота. Особое впечатление производили новые алфавиты — на основе латиницы! — которыми новая власть одарила народы, прежде не имевшие письменности. Видимо, лишь истинный знаток России сумел бы увидеть в этой децентрализации преддверие абсолютного централизма. Уже упоминавшемуся Мацкевичу и многолетнему корреспонденту «Газеты польской» Яну Отмару Берсону (автору книг «Минус Москва», 1935, «Новая Россия» и «Белый Кремль», 1936, «Советское моральное вооружение», 1937) показалось подозрительным, что лозунг «национальное по форме и социалистическое по содержанию» равно применяется ко всем народам — большим и малым, с тысячелетней историей и лишь осваивающим грамоту. Это мотивировалось полным их равноправием, но, в то время как для одних это означало начальный этап образования, которое вовсе не обязательно должно было ограничиться вбиванием в головы единственно верного учения, для других оно неизбежно сопрягалось с разрушением прежней исторической культуры. Мацкевич даже подозревал, что в этом таится дьявольский план уничтожения русского патриотизма, у которого отнимут всякое историческое содержание. Это подготовило бы почву для какой-то новой великодержавной идеологии, потому что только она сможет занять место уже начавшей исчерпывать себя революционной мифологии, особенно если наступят потрясения, заново пробуждающие патриотические чувства.

Берсону, комментировавшему события 1930-х по горячим следам (пока он наконец не был выдворен из Москвы), довелось удостовериться в точности этих предвидений. Если верить его впечатлениям, поначалу было неясно, пойдет ли нараставший в те годы патриотизм — сопровождавшийся отказом от революционных традиций (символом этого можно считать ликвидацию в 1934 г. общества политкатержан — последней организации борцов с царизмом) — по государственному или национальному пути. Почти в то же время Берсон отмечает первое, по его мнению, официальное употребление понятия «советский народ» (в связи с эпосом «Челюскина») и, по-видимому, первый акт чистки по обвинению в «оскорблении русского народа». Оба направления вели к великодержавной идеологии, но не все равно, чем гордится человек: принадлежностью к могучему государству или же к великой нации. Победа национального патриотизма означала победу имперской идеи XIX века, что привело бы к возрождению русификации внутри страны и опасности нападения на соседей. По мнению Берсона, эта идея и победила, хотя по-прежнему прикрывалась послереволюционной фразеологией. Право русского народа на доминирующую роль внутри СССР аргументировалось его особыми заслугами как

творца и защитника пролетарской революции. Государствам на бывших западных территориях — в частности, Польше и Финляндии — вновь были предъявлены упреки в чем-то вроде исторической измены, ибо они не произвели революцию по русскому образцу.

Война, по мнению поляков, и завершила притягие Советским Союзом традиций Российской империи, и позволила увидеть их по-новому. По мнению Ксаверия Прушинского, который, обладая дипломатической неприкосновенностью, наблюдал происходящее в Советском Союзе в 1942 г., образы вождей революции использовались в этот период уже только для идеологической обработки немецких военнопленных на случай, если Красная армия дойдет до Берлина и превратит Германию в государство-союзника. Героями этого времени оказываются в равной степени Александр Невский, Кутузов и Чапаев, а чаще всего повторяемым словом — «Родина». Рекорды популярности бьет «Петр Первый» Алексея Толстого — роман, представляющий собой апологию переворота, насилия и жестокости, дисциплины и фанатизма как непререкаемых компонентов великих исторических деяний. Это «мощный сноп яркого света, направленный на тот black-out [затемнение], в котором вот уже двадцать пять лет движется великая страна. В этом блеске, словно в кровавом свете факела, мы видим, что за идеалы сверкают в узких глазах народа, который, словно тяжкие собольи шкуры, словно тюремные кандалы, влачит за собой свое славянское и монгольское прошлое» («Ночь в Кремле»).

То, что образ эпохи Петра I был призван стать для молодой России источником самопознания, картиной ее ближайшего прошлого и будущего, вероятно, доказывает, что эта Россия уже погрузилась в традиции создателя империи. Но в то же время в своих репортажах — написанных, напомним, в 1942 г., т.е. до раскрытия Катыни, расторжения советско-польского договора 1941 г. и событий конца войны, — Прушинский стремится вызвать в читателе понимание, симпатию и уважение к этой стране. И это, несомненно, продиктовано не только дипломатическими соображениями, желанием преодолеть травмы сентября 1939 г. или искренним восхищением явленной в этой войне мощью и сопротивляемостью СССР. Это возникает скорее из ощущения, что поляки, больные своими двухсотлетними схватками с империей, на самом деле мало что знают о России как таковой, подлинной, исконной. На протяжении всей книги, начиная с прибытия и перелета через Сибирь, описывая затем пребывание в Москве (в том числе на приеме у Сталина) и степях, «сердце России», и вплоть до самого отъезда, Прушинский подчеркивает элементы тайны, особливости этой страны, с трудом поддающейся пониманию и зачаровывающей. Именно такую Россию — вместе с ее революцией — он как бы стремится извлечь из новой российской империи. Воспринимая, по своей привычке, наслоения истории в памятниках архитектуры, он мимоходом замечает: «Я, к сожалению, не видел старого Петербурга (...) но знаю, что он демонстрирует лишь европейский и немецкий лоск, который Петр Великий и целая династия Гольштейн-Готторпов навязывали России, пытаясь представить его как стиль Романовых. Ничего удивительного, что столица сразу после социалистической революции вернулась в город, где правили Иваны. Думаю, что национальная революция совершила бы то же самое».

Революция, таким образом, становится возвратом к национальным и культурным корням, включает огромные массы новых людей в историческую миссию. А корни эти близки и Польше, и Европе. Прушинский напоминает, что Россия родилась из Киевской Руси, присылавшей княжон на троны польских князей. Но более значительным представляется то европейское — лишенное немецкого элемента! — в русской традиции, что увидел Прушинский в храме Василия Блаженного, повсеместно считающемся неповторимо восточным, и столь же неповторимых формах Кремля, представляющего себя писателю символом России. Храм ассоциируется у него с богатой фантазией и безудержной пышностью некоторых португальских зданий, тоже отмеченных печатью Востока. Кремль напоминает ему Испанию. «Я знаю лишь два королевских замка, обладающих столь яркой индивидуальностью, — испанский Эскуриал и Кремль. Оба были созданы по образцу монастыря, на религиозной почве». Эта пиренейская аналогия перебрасывает мост между странами, которые на двух концах Европы соприкасались с Востоком, сосуществовали с ним и защищали от него центр континента.

Интересно рассмотреть репортажи Прушинского, опубликованные в большинстве своем сначала лишь по-английски и прочитанные польским читателем только в 1989 г., в контексте репортажей, сопутствовавших уже не формированию, а распаду СССР. Оказывается, в них по-прежнему ощущается стремление извлечь «русское» из-под «имперского», хотя уже отсутствует СССР, т.е. «советское».

Фрагмент доклада, который был представлен на научной сессии «Россия Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре», состоявшейся в Москве в октябре 2001 года. (Ред.)

Славомир Поповский

ВОЗЛОЖЕНИЕ ЦВЕТОВ К НЕИЗВЕСТНОМУ ПАМЯТНИКУ

Когда во время своего пребывания в Варшаве Владимир Путин решил возложить цветы к памятнику Польского подпольного государства и Армии Крайовой, русские журналисты попытались: что это такое — «АК»? Так что может оказаться, что жесты Путина, которых мы так ожидали, были восприняты в Москве не только как неожиданные, но и просто непонятные.

Незнание польско-российской и польско-советской истории проявил и сам Путин. Об этом говорил в своем интервью «Радио Зет» президент Александр Квасневский. Возле варшавского памятника воинам Советской армии оказалась студентка — поляка из Казахстана. Путин удивился: «Откуда поляки в Казахстане?» А, казалось бы, бывший офицер КГБ должен кое-что знать об акциях по переселению народов в СССР.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ, А НЕ МИРОВАЯ

В России (и во всем бывшем Советском Союзе) люди обладают более чем скромными знаниями об истории Польши и польско-российских отношениях, что является результатом многолетней пропаганды. Под конец 80-х из учебника истории для 4-го класса средней школы (то есть фактически начальной) практически невозможно было узнать, когда именно началась II Мировая война. Авторам учебника гораздо более важно было изложить историю Великой Отечественной войны (то есть советско-германской), а еще точнее — как коммунистическая партия (именно партия, а не бойцы и командиры) в этой войне одержала победу. Остальные события II Мировой войны просто не имели значения.

В учебнике новейшей истории XX века для 10-го класса средней школы сообщалось, что II Мировая война была войной империалистической. Не было никакого секретного протокола к «пакту Риббентропа—Молотова», а сам этот пакт СССР подписал только для того, чтобы выиграть

время и подготовиться к победоносной войне против фашистской Германии. В том же учебнике, наряду с информацией о деятельности коммунистического движения сопротивления и советских партизан, содержалась критика реакционной (по мнению авторов учебника) польской Армии Крайовой, которая в своей борьбе против коммунистов была готова идти на сотрудничество с немцами. Единственной целью Варшавского восстания, оказывается, было стремление не допустить, чтобы к власти в Польше пришли коммунисты. В результате Советский Союз не только освободил Польшу, заплатив за это жизнями сотен тысяч воинов Красной Армии, но и был вынужден сражаться с польскими антикоммунистическими силами, которые вели враждебные действия в тылу...

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ РИЖСКИЙ ДОГОВОР?

Подобные представления бытуют в России до сегодняшнего дня, и не только среди сторонников коммунистов. Просто старшее поколение так училось истории. Что же касается молодежи, то она знает о прошлом еще меньше. Недавно изданная «Отечественная история XX века» для 11-го класса (авторы В.Дмитренко, В.Есаков и В.Шестаков) вполне честно и правдиво излагает все, что касается советско-германского договора («пакта Риббентропа—Молотова» и позднейшего, подписанного 28 сентября 1939 г., советско-германского договора «О дружбе и границе»).

Но при этом события 17 сентября 1939 г. сведены к одной-единственной фразе о присоединении к СССР «территорий, которые по Рижскому договору 1921 г. отошли к Польше». При этом опять-таки ничего не известно, что это был за договор и почему он был подписан, ибо во всем учебнике нет ни единого упоминания о польско-большевистской войне 1921 года... Нет в нем и никаких сведений (не считая общих фраз, даже без упоминания названия страны) о репрессиях и депортациях населения или о расстреле руководителей компартии Польши. Из этого учебника российский школьник ничего не узнает ни о Катыни, ни о польском дви-

жении сопротивления и Варшавском восстании, а о военных действиях на территории Польши прочтет лишь, что решающие сражения за освобождение нашей страны велись только после начала Висло-Одерской операции (12 января — 3 февраля 1945). О Ялтинской конференции сказано, что «значительное место на этой конференции заняла проблема Польши». Вот, собственно, и все.

Гораздо серьезнее выглядит предназначенный для 10-го и 11-го классов учебник «Россия в XX веке» А. Левандовского и Ю. Щетинина. Польско-советской войне 1920 г. уделено несколько абзацев, более широко описаны также события, связанные с подписанием «пакта Риббентропа—Молотова». О приказе советским войскам вступить на территорию Польши сказано, что он был отдан в нарушение общепринятых норм международного права и подписанных СССР договоров. Даже удивительно, но из этого учебника школьники узнают, что плечом к плечу с Красной Армией сражались 1-я и 2-я армии Войска Польского, и получают хотя бы рудиментарные сведения о Варшавском восстании — вместе с кратким изложением принципиальных расхождений в оценке как его причин, так и поведения советских войск на подступах к Варшаве.

ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ В ОДНОМ РЯДУ СО СЛОВАЦКИМ

Это уже немало — например, в учебнике всеобщей истории «Новейшая история зарубежных стран» для 11-го класса (авторы А. Улуния и Е. Сергеев), который теоретически вроде бы должен содержать больше сведений о новейшей истории Польши, их меньше. Причиной является принятая авторами иная точка зрения, но учебник умалчивает даже о многих конкретных фактах. Крайне сжато описано восстановление независимости Польши и даже в двух абзацах представлена фигура Юзефа Пилсудского. Без упоминания самого названия «Катынь», рассказано о расстреле без суда и следствия двадцати тысяч польских офицеров, но в принципе учебник ограничивается представлением общих тенденций, типичных, по мнению авторов, для всех стран Центральной и Восточной Европы. Что-то вроде: было словацкое восстание, и примерно то же самое происходило и в Варшаве.

НЕПОНЯТНЫЕ ПОЛЬСКИЕ ПРЕТЕНЗИИ

Такой подход еще хоть как-то можно понять. Нравится нам это или нет, но для русских точкой отсчета может быть Америка, может — Германия,

Франция и Англия, но не такая несущественная страна, как Польша, в прошлом — российская провинция, а совсем еще недавно — сателлит Москвы. Проблема заключается в том, что при отсутствии элементарных знаний, вынесенных из школы, образ Польши формируют прежде всего средства массовой информации, зачастую далекие от беспристрастности и глубоко замешанные в текущие политические споры — не только польско-российские, но и внутрироссийские.

Примером может послужить многолетний спор о Катыни. Казалось бы, вопрос этот до конца выяснен и решен, но все равно в российской прессе не перестают появляться публикации с попытками поставить под сомнение бесспорные факты или — хотя бы косвенно — «скомпенсировать» собственную вину преступлениями, которые якобы совершили поляки по отношению к красноармейцам, попавшим в польский плен после войны 1920 года.

В результате отсутствие элементарных исторических сведений в сочетании с сознательным искажением информации о партнере приводит к тому, что в сознании русских по-прежнему господствуют старые представления о Польше и поляках, в которых доминируют исторически сформировавшиеся стереотипы.

Россия здесь не исключение. С подобными примерами мы сталкиваемся и на Украине: для значительной части населения Западной Украины боевики Украинской повстанческой армии (УПА) — это герои, а жителям восточной и центральной части страны они видятся как нечто чуждое и враждебное. Но и те и другие не видят никакой необходимости приносить извинения за преступления, совершенные этим формированием. В свою очередь в Белоруссии, в отношении которой мы не питаем особых надежд насчет оценки нашего общего прошлого, правительственные СМИ распространяют точку зрения, что поляки здесь были агрессорами и захватчиками. Получается, что скорее мы должны просить прощения у белорусов — а нам это кажется полным абсурдом.

Поэтому наши ожидания различных символических жестов, ведущих к примирению, в глазах русских и их ближайших соседей воспринимаются как абсолютно непонятные и потому раздражающие. И с этим фактом мы, ожидая подобных жестов, вынуждены считаться.

RZECZPOSPOLITA

Я — АНТИМОДЕРНИСТ

Беседа с Чеславом Милошом

— *В своем последнем сборнике стихов «Другое пространство» вы ищете язык, с помощью которого можно было бы описать считающуюся неприкосновенной сферу религиозной жизни. Меня поразило, что временами вы делаете это с точки зрения агностика.*

— Это правда. Я пишу стихи той частью своего естества, которую я назвал бы атеистической. Поэтому надеюсь, что моя книга — и для верующих, и для неверующих. Впрочем, я не согласен с тем, чтобы меня причисляли к религиозным поэтам. Пожалуй, о Ежи Шумик, написавший обо мне книгу, слегка перетянул одеяло на свою сторону... Главная тема моих стихов — это вопрос, откуда берется зло. На него нет ответа, но все же им стоит постоянно задаваться.

— *Польское католичество отталкивало вас тем, что использовало религию в качестве политического рупора.*

— В католичестве меня всегда отталкивала его связь с национализмом, особенно в 30-е годы. В последние годы отвращение у меня вызывало благословение, освящение всевозможных меропри-

ятий. Мне кажется, это какое-то вырождение религии. Конечно, религия связана с обрядностью, но сращения с политикой очень вредны.

— *Ваши нелады с Богом наводят на мысль о романтиках.*

— Я чувствую тесную связь с той эпохой.

Как написано в моем «Трактате», в 1820 г. я «бывал» в Щорсах, где находилась самая большая в Литве библиотека и где молодой Мицкевич читал Якоба Беме.

— *И после этого вы еще удивляетесь, что вас считают классиком?!*

— В самом деле, я питаю явную склонность к классике, по крайней мере если говорить о языке. Я всегда считал, что лучше всех по-польски писали Красицкий и Трембецкий, ну и, конечно, Мицкевич. Я люблю нашу литературу с того момента, как ей удалось преодолеть сарматское барокко.

— *О современной литературе вы выражаетесь прохладно: «Чем больше в ней артистизма, тем она скучнее».*

— Я испытываю неприязнь ко многим вещам, появляющимся в литературе. В Польше существует странное уважение к т.н. артистизму. Заключается оно в том, что все скучное по неизвестным

мне причинам считается художественно привлекательным. А все, что вообще невозможно понять, называют постмодернизмом. Поэтому сам себя я называю антимодернистским писателем. Однако в применении к последним десяти годам я стараюсь делать скидку: должно пройти некоторое время, прежде чем польские писатели сумеют отыскать в новой действительности свой собственный язык. Больше всего такого псевдоартистизма я вижу в польском театре. Меня раздражает и повсеместный эксгибиционизм искусства.

— Но ведь эксгибиционизм охватил всю культуру. Это подтверждают и программы типа reality show.

— Что ж, в этом же нет ничего нового! Человечество проходило это еще в древнем Риме, где устраивались зрелища копуляции на сцене или взаимного убийства гладиаторов. Скоро мы начнем показывать в прямом эфире, как убивают людей... Я думаю, что это величайший грех нашей цивилизации: секс и насилие легче всего доходят до людей неграмотных, которые перед ними беззащитны. Проф. Джордж Стайнер из Женевы даже предложил однажды... ввести цензуру, что, конечно же, не вызвало одобрения. Но это доказывает серьезность проблемы.

— Изменила ли Нобелевская премия жизнь профессора литературы в Беркли?

— Пожалуй, нет... Наверняка она изменила мое положение в Польше — меня, наконец, начали издавать. В Америке помимо лекций у меня было еще одно занятие: я ездил по стране с авторскими вечерами, на которых читал свои стихи. До Нобелевской премии я получил престижную в Америке литературную премию «Нейштадт», и мои акции повысились.

— Дело пошло!

— Еще как.

— Вам близко манихейское деление мира [на добро и зло]. Искусство рубежа веков тоже затосковало по нему.

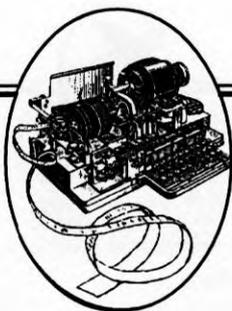
— Я замечаю это прежде всего в кино — взять хотя бы «Простую историю» Дэвида Линча или знаменитый фильм «Властелин колец». Я читал Толкиена в 60-е годы в Беркли — тогда это был культовый автор моих студентов. А ведь его книга — это история борьбы Добра и Зла, очень ясно очерченная и нравственно аскетическая. Толкиен был консервативным римским католиком и не вставил в нее ни слова о сексе. И все-таки длинноволосые битники из Беркли, на каждом шагу кричавшие о сексуальной свободе, просто помешались на нем.

— Рядовой поляк думает: хорошо этому Милошу, он небось здорово устроился благодаря своей премии. А как все обстоит на самом деле?

— Всю жизнь у меня были проблемы с деньгами. Я зарабатывал по-разному — как чиновник, дипломат, наконец, как преподаватель. Хорошо платили — особенно после Нобелевской премии — за вечера поэзии. Нобелевская премия — это не такие уж огромные деньги. Я не сказал бы, что могу иметь все. Да я бы этого вовсе и не хотел.

Беседу вела Юстина Кобус

Wprost

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

◆ Лех Валенса после возвращения с Олимпийских игр: «В Солт-Лейк-Сити я представлял Европу. Вместе с представителями других континентов, а также деятелями культуры, науки и спорта я нес олимпийский флаг. (...) И когда нес его, то думал, что быть представителем Европы — великая вещь, означающая, что польские дела замечены в нашем объединяющемся мире. Польша нуждается в успехе. Я хотел бы помочь ей в этом. (...) Теперь я могу сказать, что каждый человек хоть раз в жизни должен побывать на Олимпийских играх». (*«Политика», 16 февраля*)

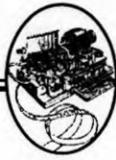
◆ Ярослав Курский, бывший пресс-секретарь Леха Валенсы, в 70-летие Бронислава Геремека, советника Леха Валенсы, интернированного в декабре 1981-го, а после восстановления независимости — министра иностранных дел: «Поразительно, почему в Польше люди масштаба Геремека проигрывают. Почему их отодвигают? Ответить попробовал Адам Михник (...): «Приходит такое время, когда люди, наделенные нравственным и интеллектуальным авторитетом, проигрывают. Но только благодаря таким людям демократия возможна и благодаря им она имеет смысл. У Сергея Ковалева нулевые шансы победить на президентских выборах Владимира Путина, но благодаря Ковалеву Путин был избран президентом демократически. Когда-то о Шимоне Пересе говорили, что Израиль для него слишком маленькая страна, что там он никогда не выиграет выборов». Что-то подобное произошло и с Геремек. Он человек такого формата, к которому польский политический класс не приучен. (...) Все, от левых до правых, при всех оговорках признают, что сегодня в Польше нет политика, у которого в мире была бы такая личная репутация, как у Бронислава Гереме-

ка. Геремек как таковой — целый институт, независимо от того, министр он сегодня или не министр. Это крупный польский козырь». (*«Газета wyborcza», 6 марта*)

◆ Андрей Шугуров из посольства РФ в Варшаве заявил, что Россия заинтересована в сотрудничестве Калининградской области с натовским многонациональным Северо-Восточным корпусом в Щецине. В состав корпуса входят польские, немецкие и датские подразделения. (*«Жечпосполита», 18 февраля*)

◆ На маневрах НАТО, проходящих на территории Польши, отрабатываются классические миротворческие действия, цель которых — разделить враждующие стороны и стабилизировать военное и политическое положение. В маневрах участвуют 20 тыс. военнослужащих из 13 стран — членов НАТО, а также военнослужащие из 11 государств-партнеров. На маневрах присутствуют наблюдатели ОБСЕ. Генерал Владимир Михайлов, главнокомандующий российскими ВВС, выразил тревогу по поводу маневров. (*«Жечпосполита», 2-3 марта*)

◆ О сотрудничестве в борьбе с терроризмом совещался в Харькове со своими российскими, украинскими и белорусскими коллегами глава Бюро национальной безопасности министр Марек Сивец. Польская делегация обратила внимание главы Совета безопасности Белоруссии на нарушения прав человека в этой стране. Министр Сивец заверил, что списки пропавших без вести в Белоруссии, которые получил президент Квасневский, не останутся без отклика. Переговоры касались также торговли оружием, которое, по сведениям мировой

прессе, Белоруссия поставляет в страны, поддерживающие террористов. (*«Жечпосполита»*, 21 февраля)

◆ «Недавно мы смотрели российский фильм о Владимире Путине (...) Теперь — фильм о Ельцине. Эти документы больше говорят о переменах в образе мыслей власть имущих российского государства, чем объемные научные труды. Во времена коммунизма у вождей не было частной жизни, даже когда они уходили со своих постов». (*«Антенна»*, 25 февраля)

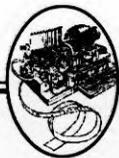
◆ «Современная русская культура в Польше совершенно неизвестна. А жаль. В этом убеждает последняя выставка в «Захенте» [см. статью Дороты Ярецкой в этом номере]. Может, это наше историческое предубеждение, может, польский комплекс, как утверждают русские. Факт, что вместе с коммунизмом из Польши вымело русское искусство и литературу. Потребовалось целое поколение, чтобы русские вернулись в «Захенту». (...) В III Речь Посполитую лишь 18 марта 2002 г. приехала первая серьезная выставка современного русского искусства. (...) Наши контакты с русской культурой сильно затруднены. В российском посольстве никто не способен указать учреждение, пропагандирующее их собственную культуру в Польше. Единственным стойким пропагандистом сегодня выглядит ларек №38 на варшавском стадионе Десятилетия [на базаре]. Поляки покупают там главным образом компакт-диск с гимном СССР в исполнении хора под управлением Александра». (*Анна Ковальчевская, «Ньюсуик-Польша»*, 10 марта)

◆ Из интервью с Чеславом Милошем: «Мой «Богословский трактат» в переводе на русский язык Натальи Горбаневской напечатан в очень хорошем журнале «Новая Польша». Его редактор Ежи Помяновский считает, что «Трактат» увлечет русских читателей, ибо они наделены врожденным религиозно-философским чувством. Добавлю также, что я очень серьезно изучал Достоевского и даже читал курс лекций о нем — и научился от него особому подходу к

религии. Он говорил, что никто из писателей не дал атеизму столько аргументов, как он, ибо он желал уверовать, но за высокую цену. А если говорить о Боге, умирающем на кресте, то Он — великая сила христианства; это, пожалуй, единственная религия, которая так высоко вознесла боль и страдание. Если поглядеть, что творится в мире, то все говорит в пользу религии страдания (...) если сегодня идет диалог между христианством и буддизмом, то по той причине, что обе эти религии проявляют внимание к страданию человека и вообще живых существ». (*«Газета wyborча»*, 18 февраля)

◆ Проф. Стефан Меллер сменил Анджея Залуцкого на посту посла Польши в России. Меллер — историк, специалист по Великой Французской революции. Он был консультантом Анджея Вайды на съемках кинофильма «Дантон». Награжден званием командора Пальмовой Ветви Французской Академии за заслуги перед французской культурой. В 70-80-е гг. был связан с демократической оппозицией. В 1996-2001 гг. был послом Польши во Франции Был заместителем иностранных дел в трех правительствах: Юзефа Олексы (1995), Ежи Бузeka (2001) и Лешека Миллера (2001). (*«Жечпосполита»*, 21 февраля)

◆ Из выступления председателя Польского национального банка Лешека Бальцеревича во время дебатов в Сейме: «ПНБ не будет рассматривать тот или иной политический нажим как довод при принятии решений о валютной политике (...) Валютная политика вносит вклад в долгосрочное развитие экономики, прежде всего поддерживая устойчивость цен (...). Однако она не может заменить структурные реформы, такие, как ликвидация правовых помех, не позволяющих предпринимателям создавать новые рабочие места, как ограничение чрезмерных социальных отчислений, отягощающих оплату труда, как оздоровление государственных финансов, как оздоровление убыточных предприятий. Положение Польши было бы куда лучше, если бы эти необходимые реформы не блокировались». (*«Жечпосполита»*, 2-3 марта)

◆ «Нападки правящей коалиции на политику центрального банка продиктованы различными расчетами. Одни всерьез верят, что валютная политика, если ее будет проводить правительство, принесет лучшие результаты. Эта вера вытекает главным образом из невежества. (...) Другие относятся к Совету валютной политики как к «мальчику для битья», существование которого позволяет отвести внимание от того факта, что за год-два мало что можно изменить в экономике с точки зрения ускорения роста производства». (Мацей Станчук и Ян Венецкий, «Жечпосполита», 2-3 марта)

◆ По данным доклада о деятельности Института национальной памяти, сделанного в Сейме его директором проф. Леоном Кересом, ИНП до сих пор получил на хранение «33 километра дел» (90% — это досье спецслужб), окончательно их длина (исчисляемая по корешкам папок) составит 95 километров. Следственный отдел ведет 241 следствие по делам о нацистских преступлениях, 836 — о коммунистических преступлениях и 64 — по другим преступлениям (в большинстве совершенным украинскими националистами). Допрошено свыше 5,5 тыс. свидетелей. В суды направлено 16 обвинительных заключений. 169 потерпевшим предоставлена возможность ознакомиться с их делами. Опубликовано 16 научных книг и 11 номеров бюллетеня ИНП. («Жечпосполита», 28 февраля)

◆ При обсуждении Сеймом доклада о деятельности ИНП депутаты от «Лиги польских семей» обвинили его директора Леона Кереса в том, что «преступления против поляков до сих пор покрыты тайной, но когда речь идет о мнимых преступлениях поляков, тогда не скрывают ни фактов, ни фамилий, а приговоры звучат прежде, чем началось судебное разбирательство. (...) Квасневский обвинил поляков в соучастии в массовом убийстве и много раз повторял, что поляки убили евреев в Едвабне. И это была, господин директор, кульминация побоев польского народа камнями, и пер-

вый камень, к сожалению, бросили вы» (депутат Антоний Мацеревиц); «Господин директор, благодаря вашим манипуляциям, умолчаниям, податливости евреи мира и Олек Квасневский прочитали «кадиш», молитву за умерших, вместе с проклятиями польскому народу во время едвабненского беспредела в июле 2001 года» (депутат Антоний Стрыевский). («Газета wyborча», 1 марта)

◆ «Это была травля, оплевание, полное лжи, передергивания, злой воли, невежества, наглости и ненависти. Оказалось, что в Сейме можно использовать — как это громогласно делали депутаты от «Лиги польских семей» — откровенно антисемитские аргументы, призывать к дискриминации и проповедовать презрение к гражданам Речи Посполитой непольской национальности, наконец, отказывать директору одного из конституционных учреждений польского государства в праве носить имя поляка». (Анджей Качинский, «Жечпосполита», 1 марта)

◆ Сейм одобрил доклад директора ИНП Леона Кереса о деятельности института в первой половине 2001 года. За предложение отвергнуть доклад, внесенное «Лигой польских семей», голосовало 90 депутатов; против — 307; 10 депутатов воздержались. («Жечпосполита», 2-3 марта)

◆ 750 известных ученых, священников, врачей, писателей, деятелей искусства, политиков, предпринимателей и журналистов (среди них Владислав Бартошевский, Анджей Вайда, Бронислав Геремек, Ханна Краль, Яцек Куронь, Станислав Лем, Тадеуш Мазовецкий, Ежи Помяновский, Вислава Шимборская, Марек Эдельман) написали в открытом письме маршалу Сейма Мареку Боровскому: «Во время заседания Сейма (28 февраля 2002) (...) по отношению к директору Института национальной памяти проф. Леону Кересу были допущены инсинуации, характеризовавшиеся ненавистью к другим народам и вероисповеданиям. Ни председательствовавший на заседании вице-маршал

Сейма, ни кто-либо другой из депутатов не возразил. Использование такого языка в парламенте носит исключительно фашистские традиции и предвещает такое же будущее. Мы обращаемся к вам, господин маршал, чтобы вы от имени палаты принесли извинения проф. Леону Кересу и нам всем за эти выходки, недостойные членов парламента». (*«Газета wyborча», 6 марта*)

◆ **Представитель по гражданским правам Анджей Цолль, представитель по правам детей Павел Ярос, председатель Конституционного суда Марек Сафьян и председатель Главной контрольной палаты Мирослав Секула** направили общее письмо маршалу Сейма Мареку Боровскому, требуя принять меры против нетерпимости и оскорблений в парламенте. (*«Жечпосполита», 8 марта*)

◆ В букинистическом магазине вблизи Сейма самый ходовой товар — старые фотографии из ликвидированных фотоателье с давними традициями. Их покупают люди, приходящие из Сейма, чтобы составить себе «галерею предков». «Единственное, чего такому выдвинувшемуся в салоны холую не хватает, — это галереи предков. (...) Я задумался: а что было бы, если бы вместо присвоения мнимых биологических праотцев у наших политиков в моду вошло устройство галереи идейных предков? (...) В наше время у собак родословные надежнее, чем у людей». (*Мацей Рыбинский, «Жечпосполита», 8 марта*)

◆ **«Закон теряет авторитет, становится невразумительным, грозит государству хаосом, законодательное искусство деградирует, — соглашаются правоведы и практики права, независимо от политических взглядов (...) ибо умножаются методы, достойные осуждения: изменение предписаний в зависимости от текущих интересов (положение о выборах), спешка (ночные голосования в Сейме), демагогия (повышение различных выплат под нажимом протестов и забастовок), сочинение законов между вторым и третьим чтением в**

Сейме, в то время как Сенат забывает о своем праве вносить поправки. (...) Правительства меняются, но сохраняются те же установки». (Жанета Семприх, «Жечпосполита», 22 февраля)

◆ «Закон о полиции до сих пор изменяли 26 раз, хоть принят он всего лишь в 1990 году. В закон о профессиональной и социальной реабилитации и трудоустройстве инвалидов поправки вносились 17 раз, а в закон о всеобщем медицинском страховании — 21. Оба эти закона были утверждены неполных пять лет назад. (...) В 2001 г. примерно на 150 законодательных предложений свыше половины приходилось на поправки к существующим законам. Некоторые законы перерабатываются, причем по несколько раз, в течение того же года, когда были приняты». (*Кишиштоф Бурнетко, «Тыгодник повсехный», 3 марта*)

◆ **Сейм смягчил закон о люстрации. Ограничено определение секретного сотрудничества со спецслужбами, подлежащего люстрации. Теперь в него входит лишь деятельность, направленная против Церкви, демократической оппозиции, профсоюзов и стремления польского народа к независимости. Из люстрации исключена разведывательная и контрразведывательная деятельность. («Жечпосполита», 16-17 февраля)**

◆ Отношения государства с Церковью никогда не были настолько безоблачными, как под властью «Союза демократических левых сил». Довольно неожиданно католическая Церковь приобрела самое большое политическое влияние за весь период III Речи Посполитой. Левые явно решили отнять у правых исключительное расположение иерархов. Пусть даже за счет части своего электората. (*«Политика», 16 февраля*)

◆ **«Визиты делегаций польского Епископата в Брюссель наносятся все чаще. Европейский союз явно считается с влиянием епископов в польском обществе». (Петр Семка, «Жечпосполита», 21 февраля)**

◆ 45% поляков в возрасте 20-29 лет не намерены уходить из родительского дома. В этом Польша не отличается от средних данных по Европе. (*«Впрост»*, 3 марта)

◆ 250 тыс. молодых людей уехали из Польши за последние два года. В то же время в Польшу вернулись свыше 200 тыс. человек, эмигрировавших в 80-е годы. В 1997 г., когда экономический рост превысил 7%, из Польши уехало около 30 тыс. человек. Сейчас темпы роста в семь раз ниже, чем в 1997 г., и размеры эмиграции сами собой объяснимы. Уезжают из Польши главным образом люди с исключительной мобильностью, а значит, ценные для страны, где о готовности сменить место работы и жительства заявляют лишь полпроцента граждан. Молодые профессионалы уезжают, возвращаются, снова уезжают. Все чаще получается так, что за свою профессиональную карьеру они сменяют несколько стран, иногда и больше десятка. Однако отъезд из страны молодых, хорошо образованных граждан может стать своего рода вотумом недоверия политическим верхам. (*«Впрост»*, 10 марта)

◆ Бургомистры и местные власти в восточных землях Германии предоставляют полякам льготы и привилегии, стимулируя их хозяйственную деятельность. Они рассчитывают, что благодаря полякам восточные земли оживут. В руки поляков уже перешла большая часть сферы услуг по ту сторону границы; они занимают жилье, оставленное немцами, переехавшими на запад. Впервые в истории происходит не онемечивание Польши, а полонизация Восточной Германии, сообщает Мария Грачик, а Стефан Братковский считает, что «мелкий польский предприниматель, привыкший выкручиваться в любых условиях, чувствует себя в сегодняшнем немецком окружении, как в раю экономической свободы». (*«Впрост»*, 24 февраля)

◆ 18% поляков (3,253 миллиона) — безработные. По данным Главного статистического управления, в январе 2002 г. безработица возросла с 17,4 до 18%; не имеют работы 41% лиц в возрасте 15-24 лет. (*«Жечпосполита»*, 22 февраля; *«Впрост»*, 4 марта)

◆ В 1997-1999 гг. малые и средние предприятия создали 25 тыс. рабочих мест, в то время как крупные частные предприятия — всего 77 тысяч. В то же самое время в государственном секторе 547 тыс. человек потеряли работу. (*«Ньюсуик-Польша»*, 24 февраля)

◆ По данным министерства финансов, общая сумма неуплаченных налогов в прошлом году была на треть выше, чем годом раньше, и превысила 4,5 млрд. злотых. Задолженность физических лиц (неуплата налогов с личных доходов) в сравнении с 2000 г. возросла на 25,4%. Налогоплательщики все чаще оказываются перед выбором: уплатить налоги и обанкротиться или заплатить торговому партнеру и продолжать хозяйственную деятельность. (*«Жечпосполита»*, 26 февраля)

◆ По предварительной оценке Государственного агентства иностранных инвестиций, в 2001 г. в Польшу сумма прямых капиталовложений из-за границы составила 7-7,5 млрд. долларов, что примерно на 30% меньше, чем в рекордном 2000 году. (*«Жечпосполита»*, 8 марта)

◆ «У нас свыше двух тысяч предприятий государственного сектора общей стоимостью почти 150 млрд. злотых. В каждом из них — правление из 3-5 человек и наблюдательный совет из 7-9 человек. В сумме около 25 тыс. должностей. Затраты на них можно оценить (без служебных машин, портативных компьютеров, сотовых телефонов, но со страховыми взносами) в 3 млрд. злотых. К этому можно прибавить различные агентства и фонды, а также умножающиеся дочерние компании. Деньги, расходуемые лишь на то, чтобы какому-то там числу партийных функционеров было на что жить, —

во всем этом далеко не самое важное. **Большой вред наносит использование денег этих фирм на партийные и частные цели».** (*Михал Зелинский, «Впрост», 24 февраля*)

◆ Александр Гудзоватый, посредник в поставках российского газа в Польшу, в прошлом году передал по сто тысяч злотых благотворительным фондам премьер-министра Лешека Миллера и жены президента Иоланты Квасневской. (*«Жечпосполита», 14 февраля*)

◆ **Торговый банк объявил счета лиц, занимающих государственные посты (в т.ч. президента, премьер-министра, министров и заместителей министров, маршалов Сейма и Сената, председателей Главной контрольной палаты, Польского национального банка, Верховного, Конституционного и Главного административного судов), а также их советников и членов семей, счетами повышенного риска Эти счета будут проверяться каждые три месяца, а в случае неясностей — контролироваться «в соответствии с требованиями программы борьбы с отмыванием денег».** (*«Жечпосполита», 18 февраля*)

◆ Гражина Копинская, директор «Программы против коррупции» при Фонде им. Стефана Батория: «За несколько последних лет, с того времени, как почти все было приватизировано, патология коррупции перешла в сферу государственных и муниципальных заказов, на стык государственного сектора с частным. Это, быть может, даже более опасно в социальном отношении, так как означает, что рак коррупции пускает метастазы в органы местного самоуправления. (...) Это разрушает ткань общества. (...) За последние годы благодаря нескольким неправительственным организациям, горстке неутомимых депутатов, благодаря СМИ, докладам Всемирного банка и Главной контрольной палаты атмосфера вокруг коррупции изменилась. В верхах власти уже нет былой вседозволенности».

 (*«Газета wyborча», 16-17 февраля*)

◆ **Польские белорусы, немцы, словаки боятся графы о национальности в формулярах приближающейся всеобщей переписи населения, которая начнется 21 мая. Этот вопрос ставится впервые после переписи 1921 года. По мнению пресс-секретаря Главного статистического управления, перечень вопросов соответствует международным стандартам и согласуется с рекомендациями ООН 1997 года.** (*«Жечпосполита», 27 февраля*)

◆ Министр внутренних дел и администрации Кшиштоф Яник на встрече с представителями национальных меньшинств призвал: «Не бойтесь признавать свою национальность во время переписи, ибо это укрепит у большинства сознание, что гражданское государство включает в себя разнородность». Яник также заявил, что Польша не будет ставить свое обращение с нацменьшинствами в зависимость от отношения других стран к живущим там полякам» (*«Жечпосполита», 28 февраля*)

◆ **Из интервью с министром Яником после встречи с представителями нацменьшинств: «Они нас попросту боятся. (...) Практически каждый второй голос в дискуссии был именно на эту тему. Это доказывает, что в глазах меньшинств мы, поляки, выглядим нехорошо Это свидетельствует и о том, какова наша терпимость (...) Думаю, наступил момент, когда государство (...) должно замечать и защищать меньшинства (...) Их замечали, но далеко не всегда относились к ним как ко всем остальным гражданам».** (*«Газета wyborча», 8 марта*)

◆ Несколько тысяч хасидов молились у могилы цадика Элимелека в местечке Лежайск в 216-ю годовщину его смерти. Элимелек, один из самых известных цадиков и самых знаменитых вождей хасидизма, в памяти евреев остался как мудрец и праведник, врачеватель душ, укротитель бесов, чудотворец и советчик. Хасиды съезжаются в Лежайск молиться у могилы Элимелека два раза в год. (*«Жечпосполита», 6 марта*)

◆ Почти 226 млн. человек побывали в Польше в 2001 году. В 2000-м их было 280 миллионов. В сравнении с 2000 г. возросло лишь число лиц, приезжающих с Украины. (*«Жечпосполита», 11 февраля*)

◆ Богдан Выжникевич и Мартин Петерлик из НИИ рыночной экономики: «Существует множество профессий, которыми [в Польше] занимаются граждане стран из-за восточной границы. Украинки, часто с дипломами медсестер или учителей, нянчат детей, заботятся о престарелых, убирают квартиры. Мужчины работают на строительстве и в сельском хозяйстве, на сезонных производствах — везде, где не требуется высокой квалификации. (...) Если в Польше исчезнет рабочая сила с Востока, рухнет множество предприятий. (...) Поляки не хотят работать за такую низкую плату, как пришельцы с Востока. (...) Социальные пособия в Польше нередко так высоки, что могут отбить у безработных охоту искать работу для заработка». (*«Газета wyborча», 5 марта*)

◆ В Польше нелегально трудятся по крайней мере 120 тыс. иностранцев. По мнению проф. Антония Райкевича, Польша зарабатывает на этом в год около 0,25% ВВП, т.е. около 1,8 млрд. злотых. В этих данных не учтены две самые доходные сферы: торговля и проституция, благодаря которым число нелегально работающих можно было бы удвоить. В год иностранцам выдают около 20 тыс. разрешений на работу. В 2001 г. были задержаны всего лишь 1982 нелегально работавших иностранца. (*«Впрост»*)

◆ Среди 4639 иностранцев, просивших в Польше политического убежища в 2000 г., было 1170 чеченцев. Положительное решение было принято по 26 делам. В 2001 г. среди 4508 просителей убежища 1491 человек были гражданами России, в подавляющем большинстве это были чеченцы. Статус беженца получили 207 человек. В действительности в Польше осталось около тысячи беженцев из Чечни — остальные уехали на Запад. (*«Жечпосполита», 21 февраля*)

◆ Национальные мафии из-за границы подчинили себе в Польше такие сферы, как торговля наркотиками и оружием, переброска людей через границу и проституция: албанцы из Косово и Македонии контролируют торговлю наркотиками; украинцы, азербайджанцы и чеченцы — оружием; украинцы и болгары — живым товаром; вьетнамцы — переброску людей через границу. Зарубежные преступники воспользовались тем, что польская полиция разгромила крупнейшие отечественные преступные банды, и откупили то, что от них осталось. (*«Впрост», 3 марта*)

◆ На встрече совета государств Балтийского моря в Светлогорске премьер-министр Лешек Миллер заявил, что польская политика контроля передвижений через границу должна соответствовать положениям, действующим в Евросоюзе, и Шенгенскому соглашению. Вводя визы в соответствии с графиком, которого требует ЕС, Польша отнюдь не намерена привести к новому разделу Европы. Поэтому визы будут легкодоступными, дешевыми и многократными. Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич отметил, что «в интересах Польши, Литвы и других европейских стран лежат высокие темпы развития Калининградской области», а также что «будущее области мы не должны рассматривать как исключительно российское дело». Он заверил: «Мы хотим сделать все возможное, чтобы визовая система не вызвала чувства изоляции у жителей Калининградской области». (*«Жечпосполита», 7 марта*)

◆ Представители Европейской комиссии заявили, что Брюссель не вступил в переговоры с Россией по поводу создания на территории Польши и Литвы «коридора», по которому жители Калининградской области могли бы проезжать без виз, направляясь в другие части России. По мнению комиссии, Россия не хочет принять к сведению, что по отношению к Калининградской области европейское законодательство будет применяться точно так же, как к любой стране, не входящей в ЕС. «Москве при-

дется подождать результата членских переговоров между Польшей и ЕС, Литвой и ЕС. После этого будет представлена общая позиция. Ничто не будет делаться за спиной стран-кандидатов. Не настало и время для трехсторонних встреч ЕС, Польши и Литвы». (*«Жечпосполита», 5 марта*)

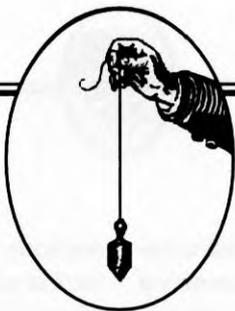
◆ «Русские хотели бы, чтобы после вступления Польши и Литвы в Евросоюз Калининградская область получила особый статус. Брюссель же ясно говорит, что для жителей области будут введены визы. Польша не желает отказаться от открытого доступа в область, через которую проходит четверть польского экспорта в Россию. И Вильнюс, и Варшава заинтересованы в том, чтобы прийти к соглашению. Но как согласовать интересы ЕС, которые мы через несколько лет будем представлять, с интересами России? (...) Чиновники Евросоюза говорят, что будущее Калининградской области решается в Москве. Президент Путин не хочет наделить область хотя бы ограниченной автономией, чтобы не создать прецедента для других регионов России. (...) Речь идет о выработке такой модели сотрудничества между Брюсселем и Москвой, которая позволит обеим сторонам учесть свои интересы. Польский государственный интерес состоит в том, чтобы не блокировать сотрудничества с Калининградской областью, не отрезать ее от мира, но в то же время не допустить осуществления российской идеи «коридора», т.е. особых решений для российских граждан». (*Рышард Малик, «Жечпосполита», 7 марта*)

◆ Бартош Тихоцкий, аналитик из варшавского Центра восточных исследований: «Москва настаивает на строительстве автострады Гродно—Гузев—Калининград через Августовскую пуцу на территории Польши. (...) Между тем такая автострада была бы для Польши излишней с экономической точки зрения: по ней будут идти прежде всего российские и белорусские гру-

зовики. Более того, эта автострада наносила бы ущерб и уникальной природе, и безопасности Польши (не случайно планируемая прочность поверхности автострады такова, что может выдержать груз танков, перевозимых на трейлерах) и Литвы, нашего стратегического партнера, сильная позиция которой по отношению к России опирается главным образом на транзит». (*«Тыждник повсехный», 24 февраля*)

◆ Президент Квасневский наградил кавалерским крестом ордена Возрождения Польши Магдалену Шварц, которая уже 25 лет опекает бездомных животных. В ее убежище площадью 40 гектаров живут пять отставных цирковых медведей, 17 отслуживших свой век лошадей, около 412 собак, 50 кошек, волчица, корова и козел. В ближайшее время предвидится прием еще четырех медведей с бывшей цирковой базы. В убежище находят себе место животные, претерпевшие в своей жизни многое, выброшенные, нежеланные, несчастные. Убежище не получает государственных дотаций и живет на пожертвования людей доброй воли и на сбережения самой Магдалены Шварц, которые уже подходят к концу. (*«Кошачьи дела», 2002, №1(3), февраля-март*)

◆ В южной части Балтийского моря осталось уже всего 200 тюленей. Ученые с морской станции на Хельском полуострове начали создавать стадо воспроизводства в 1997 г. и надеются на восстановление численности этого вида. Об успехе можно будет говорить лишь через 20-30 лет, разумеется, если не случится какой-нибудь экологической катастрофы. Тюлени не выносят спускаемых в Балтийское море сточных вод, загрязненных отравляющими инсектицидами. Канцерогенное воздействие соединений тяжелых металлов вызывает врожденные пороки у зародышей и убивает взрослых тюленей. (*«Ньюсуик-Польша», 10 марта*)

Ежи Редлих

ОПЫТ ПОЛЬСКОГО «КРУГЛОГО СТОЛА»

Польский опыт общественно-политического диалога между оппозицией и властью заслуживает внимания и за пределами Польши. Хотя бы потому, что Польша — единственная из бывших коммунистических стран, где смена общественного строя произошла с помощью диалога. Своеобразие Польши состоит в том, что за много лет до преобразований в стране возникла довольно сильная и представительная оппозиция, а репрессии против нее были не слишком острыми, а стало быть, и не слишком эффективными.

В 1980 г. на почве бунта против коммунистического режима выросло общественное движение в форме профобъединения «Солидарность». С самого начала оно преследовало не только экономические, но и политические цели. Это стало возможно в силу того, что у руля движения наряду с рабочими вожаками оказались интеллигенты, которые до этого вели широкую — как открытую, так и полуподпольную — правозащитную и просветительную деятельность. После жестокого подавления властями демонстраций протеста рабочих в Радоме и других городах, взбунтовавшихся против повышения цен, был создан Комитет защиты рабочих (КОР), а вслед за ним Движение прав человека и гражданина, Товарищество научных курсов, проводившее занятия Летучего университета, первые свободные профсоюзы, независимые издательства и периодика и многое другое. Они вели организационную и издательскую деятельность в рабочей, крестьянской, студенческой среде. Нигде самиздат не был так распространен, как в Польше: произведения запрещенной художественной литературы и публицистики, неподцензурные газеты и журналы выходили многотысячными тиражами.

Власти, разумеется, препятствовали всем этим видам оппозиционной деятельности — постоянно задерживали лидеров, разгоняли собрания, громили подпольные типографии, изымали тиражи. Однако делалось это без особого рвения — в частности, аресты были редкостью (а десятки рабочих, осужденных в 1976 г., к концу 70-х были досрочно освобождены). Оппозиционеры (их число во второй половине 70-х можно оценить в десятки тысяч) не дали себя запугать. Поэтому, когда на волне забастовок лета 1980 г. стала формироваться «Солидарность», у нового движения были почти готовые кадры и организационные структуры. Под его натиском власть капитулировала, и «Солидарность» была узаконена. Вскоре она насчитывала 10 миллионов членов. С такой силой власти вынуждены были считаться, тем более что в ряды «Солидарности» вступили даже многие члены ПОРП.

«Солидарность» не ставила себе целью свергнуть власть силой, однако, выдвигала ряд требований и добивалась, чтобы правительство их выполняло. Власти то отказывались, то обещали, но не выполняли; велись мучительные переговоры, которые трудно назвать конструктивным диалогом. Отчасти требования были неадекватны экономическому положению страны, но главное — у властей не было желания идти на уступки. Таким образом, в стране созрел кризис, который «Солидарность» требовала разрешить добровольной отставкой власти имущих, а те желали сделать это путем подавления оппозиционных сил.

Так и произошло: генеральный секретарь ЦК ПОРП, премьер-министр и министр обороны генерал Войцех Ярузельский ввел военное положение. Все организации, кроме ПОРП, были запрещены, лидеры оппозиции интернированы, многие из ушедших в подполье — приговорены к тюремному заключению. На массовый террор власти все же не решились — из-за слабости, но также из-за того, что в конце концов начали понимать: рано или поздно придется наладить какой-то вид сосуществования с силами оппозиции. Тем более что оппозиция не сдавалась, профсоюзная, издательская и прочая деятельность продолжалась в подполье.

Как в кругах власти, так и в кругах демократической оппозиции сторонники экстремизма сталкивались со сторонниками компромисса и диалога. После амнистии 1986 г. с обеих сторон все чаще раздавались слова о необходимости «круглого стола», чтобы обсудить судьбы страны. Года два шла подготовительная работа. Представители власти неформально, «закулисно» встречались с лидерами оппозиции, и постепенно с обеих сторон над «ястребами» стали преобладать «голуби», то есть сторонники диалога. У партийно-правительственной стороны противников диалога было определить легче. Сложнее — у противоположной. Демократическая оппозиция отнюдь не была (и не могла быть) единой. Радикалы вовсе не желали садиться за круглый стол с «коммуной», они считали, что те и так должны сдаться и без всяких условий согласиться на свободные выборы. Были еще и вызванные личными амбициями перепалки: кто представительнее, кому сесть за «круглый стол»? Последствия этих споров ощутимы и в наше время и во многом определяют нынешнее отношение к «круглому столу» и разных политических сил друг к другу.

Так или иначе, «круглый стол» состоялся. Он продолжался почти три месяца (с февраля по апрель 1989). Обсуждались разнообразные вопросы: государственного устройства, экономических реформ, законодательства, деятельности профсоюзов, народного образования и т.п. Договоренности были довольно туманными, во всяком случае — мало конкретными. Партийному аппарату хотелось переложить на плечи оппозиции часть ответственности за состояние государства, не дав при этом «Солидарности» полномочий для управления страной. Все-таки была достигнута одна конкретная договоренность: провести полусвободные выборы. Избирателям предлагалось свободно выбрать треть депутатов Сейма (и всех сенаторов — до этого коммунистический «парламент» был однопалатным), остальные депутатские мандаты ПОРП забронировала для себя и марионеточных партий-сателлитов.

Сокрушительная победа оппозиции на выборах 4 июня 1989 г. повергла партийно-правительственную сторону в шоковое состояние. В числе гарантированных двух третей «партийной стороны» избранными оказались немало кандидатов, сочувствующих оппозиции. Вместо того, чтобы власти спокойно получили гарантированные им соглашениями «круглого стола» 65% мандатов, оппозиция заняла 60% мест в Сейме и 99% — в Сенате. Сформировалось правительство во главе с видным лидером оппозиции Тадеушем Мазовецким. Его заместителем стал экономист Лешек Бальцеревич — он провозгласил радикальный переход к рыночной экономике (названный позже «шоковой терапией») и на волне радостно-возбужденного настроения общества, схоронившего коммунизм, начал ее осуществлять.

Следующие, уже вполне демократические и по-настоящему свободные выборы прошли в Польше год спустя. Победили, конечно, антикоммунисты, хотя уже разделившиеся на десятки партий. Создавались неустойчивые коалиции, управление государством осуществлялось со скрипом. Одно лишь осталось неизменным: страна пошла в направлении рыночной экономики — со всеми положительными и отрицательными (безработица, сильное расслоение общества по доходам и т.д.) последствиями этого пути. Неотъемлемыми атрибутами стали также свобода слова и (хотя уже не столь несомненная) независимость правосудия.

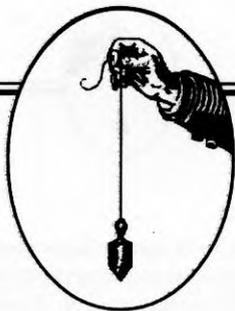
В 1993 г. на выборах победили социал-демократы («Союз демократических левых сил», наследник ПОРП). Экс-коммунисты в коалиции с крестьянской партией продолжали (хотя без энтузиазма и непоследовательно) демократические преобразования. Со временем, однако, все сильнее замечалось тяготение к старым коммунистическим порядкам. Это и оттолкнуло от них часть общества — на выборах 1997 г. СДЛС потерпел поражение, хотя и остался крупнейшей оппозиционной партией. Состряпанное наспех, без тщательной программной подготовки, правоцентристское правящее большинство оказалось неспособным успешно продолжать экономические и социальные реформы. На очередных выборах (сентябрь 2001) коалиция «Избирательное действие Солидарность» потерпела сокрушительное поражение — даже не вошла в парламент. Победу, причем убедительную, вновь одержали социал-демократы, которые и правят в коалиции с крестьянской партией. Их рейтинг пока что не снижается.

А как обстоит в Польше дело с общественным диалогом, первой попыткой которого был «круглый стол»? Этот диалог ведется теперь в парламенте, местных органах власти, в трехсторонней комиссии (представители предпринимателей, наемных работников и правительства), на многих неправительственных форумах.

С перспективы лет «круглый стол» оценивают по-разному, особенно в рядах преемников тогдашней антикоммунистической оппозиции. Некоторые из них считают, что «круглый стол» — это символ неиспользованных шансов, связанных с падением коммунизма: не была проведена последовательная декоммунизация и люстрация, не осуждены преступления коммунистических времен. Поэтому исторические предубеждения так и не ушли в прошлое. Историческое противостояние, считают приверженцы антикоммунизма, играло и продолжает играть существенную роль.

Преемники партийно-правительственной стороны «круглого стола» в большинстве положительно оценивают наследие тогдашнего диалога, причем подчеркивают, что коммунисты (которыми они, дескать, тогда уже не были — уже, мол, были реформистами) добровольно отдали власть, уважая демократическое волеизъявление. Но как они могли не «уважить» его, если коммунизм был уже обречен, а его экономическая несостоятельность окончательно доказана? При этом надо, конечно, признать, что начало международному крушению коммунизма положило польское общество.

При всех оговорках относительно «круглого стола» трудно не согласиться с тем, что такая идея общественного диалога, как польский «круглый стол», оправдала себя. Без него процесс демократических преобразований был бы куда более затруднительным и, главное, затяжным. Польша, какая она есть, со всеми ее ошибками и просчетами, представляет собой своеобразную лабораторию, в которой моделируется будущее стран Центральной и Восточной Европы.

Мария Грачик

КАЛИТКА В РОССИЮ

В КАЛИНИНГРАДЕ ДЕЛА ДЕЛАЕТ ТОЛЬКО ОДИН ПОЛЬСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Калининград должен был стать Гонконгом бассейна Балтийского моря. Теперь, однако, его чаще называют «Шмугельланд» («Земля контрабанды», нем.). Отсюда на Запад перебрасывают все — от янтаря до спиртного и людей. За последние десять лет в Кремле не возникло практически никаких идей относительно российского прибалтийского анклава. Постоянные изменения законов успешно отпугивали зарубежных инвесторов. И вдруг в России осознали, что в 2004 г Калининград может превратиться в остров, окруженный странами Евросоюза. Поэтому президент Путин громогласно заявил, что Россия делает ставку на развитие области, что это будет международный хозяйственный бастион, которым страна сможет гордиться.

СКУДОСТЬ «ВИТРИНЫ»

Может сложиться такое положение, что Калининградская область получит статус федеральной территории, то есть станет частью Российской Федерации, управляемой непосредственно из Москвы. Об этом говорится в отчете Совета по внешней и оборонной политике РФ. Это значит, что эксперты Совета опасаются сепаратистских тенденций. На практике это потребует назначения президентом заместника, чтобы управлять областью. К такому мнению следует отнестись вполне серьезно, хотя бы по той причине, что во главе Совета стоит Евгений Примаков, гуру российской внешней политики, а за подготовкой отчета наблюдал Сергей Караганов, один из самых влиятельных российских политологов. Впервые они довольно ясно присоединились к лозунгу националистов: «Сегодня — Курилы, завтра — Калининград». Политологи Совета считают, что в Калининградской области, разумеется, должны появиться инвесторы из Европы, но их партнером на переговорах может быть только Москва.

Российские политики согласны друг с другом только в одном: деятельность области как особой экономической зоны завершилась полным провалом. Несмотря на налоговые льготы, пропорция инвестиций в Калининграде ниже, чем в среднем по России. По мнению Андрея Иларионова, советника президента, Калининград — это перевалочный порт, куда зарубежные фирмы привозят свои товары, переупаковывают их и отправляют дальше в Россию, благодаря чему избегают налогообложения. Он считает, что Калининград должен стать «витриной» российских товаров. Частично освобожденные от налогов российские фирмы должны продавать отсюда свои товары на Запад. Но какие? И кто их купит?

ПОСАДКА В КАЛИНИНГРАДЕ

Европейский союз, опасаясь Калининграда (зоны коррупции, преступности и СПИДа), решил несколько... цивилизовать область. Крис Паттен, последний губернатор Гонконга, а теперь комиссар ЕС по внешним сношениям, в прошлом году объявил план финансирования инвестиций в калининградские пути сообщения, урегулирования движения через границу и строительства новых контрольно-пропускных пунктов. Недавно Польша внесла пакет из 30 экономических предложений для Калинин-

града. «В ближайшее время мы подготовим также проект дорожно-транспортной сети, соединяющей северо-восточные районы Польши с Калининградской областью», — сообщил Мечислав Мушинский, замминистра инфраструктуры Польши. В этом году начнется реконструкция автодороги №21, которая когда-то соединяла Эльблонг с Кенигсбергом. К 2005 г. она должна быть готова для движения легковых и грузовых машин. В будущем году откроется КПП в Мамонове. Вскоре в Калининграде будут садиться самолеты польской авиакомпании «ЛОТ».

ПОСОЛ АДАМЧИК

В прошлом году в Москве премьер-министры Миллер и Касьянов заявили, что Калининградская область станет образцом регионального сотрудничества и полигоном польско-российского экономического сотрудничества. Но в настоящее время на этом «полигоне» действует лишь один польский предприниматель — Ян Адамчик, совладелец торгового дома «Адамчик & Адамчик». Он продает обувь и кожгалантерею.

По словам Аркадия Вольского, президента Российского союза промышленников и предпринимателей, Россия ежегодно нуждается в 10-12 тыс. новых автобусов и троллейбусов. Польские фирмы «Автосан» и «Бас трейдинг» уже представили свои предложения калининградскому заводу «Автотор». С производственного конвейера завода будет съезжать 1000 машин в год. И фирма Адамчика налаживает производство кожаных и меховых изделий в Калининграде, благодаря чему она снизила свои производственные затраты на 40%. Свое место на калининградском рынке нашла и фирма братьев Милевских из Старгарда-Гданьского торгующая кистями и красками

Адамчик хотел создать Союз польских купцов, но ждет поддержки польских властей. А время подгоняет. Наступили последние минуты войны за влияние в Калининграде. Россияне, например, собираются на очень выгодных условиях предоставить землю голландским фермерам. Несмотря на предыдущие поражения, к очередному сражению за Калининград готовится Германия. «Отказаться от использования Калининграда, этих естественных ворот в Россию, — это не только экономическая или политическая ошибка. Это было бы такой глупостью, счет за которую нам выставят будущие поколения», — бьет в набат Анджей Арендарский, президент Польской экономической палаты.

Wprost

Польские предложения мероприятий для Калининградской области

■ Реконструкция дороги Эльблонг – Калининград ■ Открытие погранперехода Гжсхотки – Мамоново II ■ Реконструкция погранперехода Голдап – Гусев ■ Строительство линии электропередачи высокого напряжения (вместе с оптоволоконным кабелем) на трассе Брансво – Мамоново ■ Строительство линии электропередачи высокого напряжения Эльблонг – Калининград ■ Строительство газовой ТЭЦ мощностью в 900 МВт и участие польских фирм в модернизации энергетических объектов ■ Строительство подземных газохранилищ ■ Участие в освоении калининградских залежей нефти ■ Поставки в Калининград польского природного газа ■ Сборка автобусов «Автосан» ■ Создание совместного предприятия по производству мебели ■ Создание совместного завода по сборке газометров ■ Совместное производство сейфов, несгораемых и металлических шкафов ■ Совместное производство яхт ■ Создание совместного мясокомбината и предприятия по производству подсолнечного масла ■ Создание совместного пищевого предприятия ■ Строительство вино-водочного завода ■ Создание совместного предприятия по хранению фруктов и разливу фруктовых соков ■ Строительство совместного завода по производству макарон ■ Строительство совместной кондитерской фабрики ■ Строительство совместного завода по разливу газированной воды и безалкогольных напитков ■ Реконструкция и укрупнение водоочистой станции ■ Строительство и ремонт портовых набережных и причалов ■ Создание совместного предприятия жилищного строительства ■ Создание совместного предприятия по производству строительной столярки ■ Установка регулярного авиасообщения Варшава – Калининград ■ Увеличение числа морских, автобусных и железнодорожных сообщений между Польшей и Калининградом.

СЕНАТОР ОЛЬГА КШИЖАНОВСКАЯ

— *Вы в парламенте уже двенадцатый год, пятый созыв.*

— На сей раз — в Сенате. На последних выборах мне уже не хотелось выдвигать свою кандидатуру. Настало время молодых, а у меня уже внуки.

Мой муж — профессор, работает в Польской Академии наук в Гданьске. Я сказала ему: «Юрек, с меня хватит». А он мне ответил, что теперь я не вправе отказываться, что свою партию не бросают, когда дела у нее пошли хуже.

Конечно, он был прав, я сама это понимала. У меня в «Унии» [«Уния свободы»] много друзей, я от них только добро видела, и когда у «Унии» дела пошли не самым лучшим образом, я не имела права сказать им:

«Забираю свои игрушки, спасибо за доверие и до свидания». Хотя с меня, действительно, хватит.

— *Чего хватает?*

— Ох, польской склочности, без конца кто-то с кем-то ссорится.

Сколько раз я себе повторяла: «Помни, что натворили эти левые в Польше». Знаете, из-за чего я больше всего страдала все эти годы: из-за того, что эмоционально я реагировала на правых — быть может, не на всех, но на значительную их часть — гораздо хуже, чем на левых. Скажем, кто-то из левых порочит в своем выступлении Церковь или нашу историю, а я говорю себе: «Ничего, я выдержу». А потом выступает кто-нибудь из правых и говорит что-нибудь еще похуже. Меня поражает, что спустя двенадцать лет, в течение которых было больше ссор, чем побед, неудачи ничему не научили людей из прежней «Солидарности». На кого они нападают, встречаясь с общественностью? На самих же себя и нападают. Видно, у них ум за разум заходит.

— *Но о чем они думают?*

— О борьбе за главенство. Они рассчитывают, как бы посильнее достать «Право и справедливость», чтобы извлечь из этого какую-то выгоду. Потому что в этой конкуренции речь идет не о «Союзе демократических левых сил», не о крестьянской партии или о партии «Самооборона», которые должны быть — если рассуждать рационально — естественным политическим противником. Идут нападки, ведется борьба со своими собственными товарищами, даже друзьями.

Знаете, незадолго до смерти отец прислал мне из тюрьмы записку. Он не дожидаясь судебного процесса, умер в тюрьме до суда. Думаю, умер потому, что хотел умереть. Ему было 50 лет, и он не был смертельно болен. Но он знал, что его приговорят к смертной казни и убьют. Он умирал с сознанием поражения — своего собственного и Польши, — умирал, униженный обвинениями в сотрудничестве с немцами и в измене родине. В той записке он написал мне, единственному своему ребенку: «Я ничего тебе не оставил, единственное, что мог, — это доброе имя, но и его оплевали». А дальше — что он был солдатом, которого жизнь втянула в политику, и: «Помни, доченька, политика — грязное дело». Это была длинная записка драматического содержания, а я не знала, что она была прощальной. Тогда, в 1951 г., мне казалось, что его оценка политики была продиктована выпавшими ему чудовищными испытаниями: он же кроме тюрем польской госбезопасности побывал еще и в советском лагере. Но когда я стала депутатом, то убедилась, что он был прав.

— *В чем прав?*

— В политике, действительно, есть нечто, от чего портится характер у людей.

— *По вас не видно.*

— Потому что я была врачом, любила свою профессию, и меня в политику вынесло на волне свободы. Польша получила свободу, и надо было делать конкретную работу. Многие попали в политику таким вот образом, и было бы неплохо, если бы мы иногда напоминали сами себе, что же именно тогда было важным для нас.

— *А вы как попали?*

**В политике ...
есть нечто,
от чего портится
характер у людей**

— В Гданьске был создан Гражданский комитет, его возглавил Богдан Борусевич, искали кандидатов в депутаты, нужна была женщина. Следовало бы выбрать жену Богдана Алину Пеньковскую: все ее в Гданьске знали и уважали, она возглавляла медслужбу «Солидарности», но Богдан решил (обратите внимание на тогдашний стиль мышления — сегодня мне этого так не хватает), что жена председателя комитета не может быть кандидатом в депутаты. «Не положено», — сказал он. И вместе с Алиной они придумали, что буду я, потому что в медслужбе я была ее заместителем.

Борусевич позвонил мне в мае 1989-го: «Ольга, мы хотим выставить твою кандидатуру». Господи Боже мой! Муж сказал: «Попробуй». Я пришла на заседание Гражданского комитета. Были Халль, Меркель — известные в Гданьске общественные деятели, и была я — какая-то Кшижановская, врач.

— *Не какая-то, а дочь генерала «Волка», командира АК на Виленщине, разве они не знали?*

— Разумеется, знали. Все в Гданьске знали.

— *Откуда? Не из уроков же истории.*

— Из дому. Ведь тогда дома говорили: о Польше, о патриотизме, об утраченной независимости. И, наверно, не только в семейном кругу. Псевдоним моего отца служил хорошей рекомендацией и для коммунистов.

— *Они же его убили.*

— Но так оно было. В 1982 г. арестовали моего двоюродного брата Здислава за участие в забастовке на Гданьской судовой верфи.

Он просидел 12 лет в советских лагерях за деятельность в АК, вернулся в Польшу в 1982 году. Солженицынский ГУЛАГ как в капле воды: Колыма, золотые прииски... Я была в ярости, приехала в Варшаву и пошла

к мужу моей родственницы, который от «Пакса» заседал в Госсовете. Он тоже прошел советские лагеря. «Если вы Здислава не выпустите, — сказала я ему, — то я тебя убью вместе с этим твоим Ярузельским». И вы знаете, что он сделал? Он при мне позвонил Кишаку. «У меня сидит, — сказал он, — дочь генерала «Волка»». Понимаете, одно слово. И оказалось достаточно одного этого звонка, чтобы Здислав и задержанные вместе с ним трое его товарищей быстренько получили по шесть месяцев, то есть столько, сколько они уже просидели под следствием, а ведь это было время, когда в Гданьске всем давали не меньше пяти лет, а Эва Кубасевич из Высшего морского училища получила все десять.

Мою кандидатуру выставили в избирательном округе Тчева. Денег на предвыборную кампанию не было никаких, и каждый проводил ее как умел. Моя кампания выглядела так: я садилась в машину с тем самым своим двоюродным братом Здиславом, и мы ехали в какую-нибудь деревню или городишко, останавливались на рыночной площади и объясняли, что только мы одни правы и поэтому надо голосовать за нас.

— *А о чем конкретно вы говорили?*

— О самом простом и главном — о свободе, о родине. Это были не пустые слова — на них эмоционально реагировали.

— *Не о капитализме и деньгах?*

Моя бабушка сказала мне когда-то: «Принципы, деточка, надо иметь для себя, а не для того, чтобы других оценивать»

— Нет, нет. И посмотрите, что произошло спустя годы. Теперь если кто и начнет говорить о родине, то сразу оговаривается: «Ох, извините, за возвышенные слова». За что извиняться? В моей семье говорили:

«Ради тебя, Польша, и ради твоей славы», — именно так высокопарно. Когда моя мать уходила, чтобы принять участие в Варшавском восстании и сказала: «До свидания, доченька, позаботься о бабушке», — то я, хоть мне было тогда 14 лет, совершенно точно понимала, что она приняла правильное решение. Что прежде надо было участвовать в подполье, а потом — в восстании, что таков долг. А теперь «Бог, честь и родина» воспринимаются как патриотический пафос, и молодые люди смеются, что честь у них ассоциируется с г-ном Вшодаком, родина — с г-ном Лопушанским, а Бог — с г-ном Мацеревичем. Боже мой, да ведь они эти прекрасные слова, эти ценности своим же поведением осмеяли, они их втоптали в демагогическую грязь.

— *Не желая этого.*

— Но вышло-то так, правда? А все из-за ожесточенности, из-за взаимных беспощадных нападок и осуждения: кто не с нами, тот, деликатно выражаясь, достоин высшей меры.

Моя бабушка сказала мне когда-то: «Принципы, деточка, надо иметь для себя, а не для того, чтобы других оценивать». Я помню этот момент: мы шли к вечерне — бабушка была очень религиозная, спокойная, теплая, совершенно не такая, как моя мать. Мать либо училась и работала, либо занималась подпольной работой и сидела в тюрьме, либо разводилась и снова выходила за-

муж. Она была чудесная, но по тем временам безумная: самостоятельная, с профессиональными амбициями, жалела время на то, чтобы стоять у плиты. Вы знаете, мне иногда бывает обидно, что все говорят о моем отце, ставшем историческим персонажем, но если посмотреть на биографию моей матери, то она была не менее героической, чем у отца. В 1940 г. мама была курьером лондонского правительства на восточных землях, сидела в тюрьме Павяк. Думаю, что Польша выжила именно благодаря таким женщинам, как моя мать или бабка, которая, потеряв мужа, прорвалась с пятью детьми через революционную Россию и потом в Польше их одна воспитала.

— На этих избирательных собраниях о них спрашивали?

— Прежде всего об отце. С таким подтекстом, что этой Кшижановской можно доверять, раз она его дочь. Но я им говорила обо всей нашей семье, о тетке Магдалене, которая укрывала курьеров из Англии, о дяде, погибшем во время Варшавского восстания, о двоюродном брате Казике из батальона «Зоська» — узнике сталинских лагерей, о нашей варшавской квартире, в которой располагалась штаб-квартира Союза вооруженной борьбы [будущей Армии Крайовой] и бывал генерал Токажевский. Все это для того, чтобы объяснить, почему я оказалась в «Солидарности».

Мы тогда со Здиславом с глубоким внутренним убеждением говорили, что любой нации, чтобы выжить, необходима независимость и что на этот раз все должно получиться, не может не получиться. Слушателям передавался наш энтузиазм, хотя у нас не было никакого опыта публичных выступлений.

Я много лет работала в воеводской поликлинике, находившейся в здании Гданьской судоверфи. Так что с самого начала история «Солидарности» разворачивалась на моих глазах: я принимала участие во всех забастовках, раза два меня задерживали, но все это не особые заслуги.

— Над кем вы одержали победу на тех выборах?

— Я это обнаружила в Боровцах. Мы со Здиславом выступали на стадионе и были очень увлечены. С одной стороны — ворота, с другой — ворота, посередине — трава, группа людей и я в летнем платьице. И тут вдруг приезжают четыре пожарные машины, и из них высаживаются пожарники в касках. Моим конкурентом оказался начальник пожарной части в Тчеве. «Это конец, — подумала я, — я пропала».

Месяц продолжалась эта избирательная кампания, и ее результаты стали сюрпризом и для нас. Не только для коммунистов, иронизировавших, что если на корову наклеить значок «Солидарности», то и она бы выиграла. Господи, насколько они ничего не понимали из того, что происходило!

— Сегодня, пожалуй, тоже не все понимают.

— Наверняка. Когда я теперь слушаю их в Сейме, мне иногда начинает казаться, что не мы, а они в Польше совершали переворот и боролись

с коммунистическим злом — впрочем, неизвестно зачем, ибо дальше в их выступлениях начинают проскальзывать такие нотки, будто в ПНР все было не так уж и плохо, никого не преследовали, а тюрьмы были совсем не страшные.

...Я не разделяю того мнения, что если в Польше приходят к власти коммунисты, то лучше уж пусть погибнет это государство

Но я не разделяю того мнения, что если в Польше приходят к власти коммунисты, то лучше уж пусть погибнет это государство. Отец сказал мне перед арестом: «Помни, что важна не политика, а Польша, и что бы в ней ни происходило — это твоя страна».

Хотя я понимаю, откуда берется эта запальчивость. Одной из характерных черт оппозиционеров из «Солидарности», особенно высоко ценившейся во время военного положения, была верность убеждениям. Пусть меня на куски режут, а я не изменю своим убеждениям. Пусть выгоняют с работы, сажают в тюрьму, избивают, а я стою на своем. И во многих из них это сидит до сих пор. Они не могут понять, что эта черта в свободной Польше перестала быть ценной, что политика — это игра компромиссов и для демонстрации неизменности взглядов в ней не только нет места, но зачастую это наносит вред стране.

Потом я стала вице-маршалом Сейма. Вышло это довольно смешно. На первом заседании Гражданской парламентской фракции мы говорили о том, какие законы надо готовить, а на следующий день должны были рассматриваться кадровые вопросы. Это меня не очень интересовало, так как я никогда не знала, так что я просто сбежала в нашу деревенскую хату. Она находится на Кашубах, тридцать лет тому назад мы сняли ее в аренду. Хата живописная, ей лет сто, построена она из глины и дерева, и там мы проводим свободные дни. В воскресенье возвращаемся домой, я включаю телевизор, муж как раз был в ванной, и вдруг слышу, что ГПФ на пост вице-маршала Сейма выдвинула кандидатуру Ольги Кшижановской. «Юрек, — бегу я к мужу, — ты слышал?» А он мне вопросом на вопрос: «Как это, а ты не знала?» «Да нет, никто со мной об этом не говорил», — отвечаю я. И тогда он очень здраво заметил: «Хорошо же вы начинаете».

— *Он был прав?*

— На сей раз нет. Ведь они меня искали, а сотовых телефонов тогда не было, и они звонили домой. Всю ночь я мучилась тревожной мыслью: Господи, как же мне со всем этим справиться?

И тогда моя мать сказала: «Принимайся за работу — раз уж что-то начала, надо быть последовательной».

Она умерла четыре года назад, мне ее очень не хватает. И знаете, почему? Потому что она обладала чудесной чертой мудрых матерей: когда я приезжала из Сейма усталая, раздраженная, часто в ярости — фракция уже начала распадаться, уже началась «партизанская война», — она мне говорила: «Деточка моя, ты очень хорошо это сказала, умно это сделала, я горжусь тобой». Она действительно очень мной гордилась (как я сегодня горжусь своей Магдой, работающей юристом в Совете Европы) и умела свой восторг проявить. А мой муж относится ко мне гораздо требовательнее и любит слегка покритиковать мои публичные выступления.

— *За что?*

— Слишком спокойные.

— *А почему вы, действительно, не кричите?*

— Не умею. Это, наверное, какая-то интеллигентская черта, которая сегодня совершенно не популярна, и против хамства мы оказываемся бессильны. Но что же делать? Если он врет и орет, то и мне заорать? Не знаешь, что и делать. Врать, как этот человек?

— *Я говорю «извините» и ухожу.*

— А я бросаю ироническое вежливое замечание, которого никто не понимает. Впрочем, я вообще не умею быть агрессивной — поэтому, мне кажется, и сама не вызы-

ваю агрессии. Максимум неприязнь, хотя я точно не знаю, относится ли эта неприязнь лично ко мне или к партии, которую я представляю.

Если за все эти годы мне и приходилось сталкиваться — пусть даже не столько с враждебностью, сколько с бестактностью, — то вовсе не со стороны левых (они-то всегда были со мной обходительны), но как раз с «нашей», казалось бы, стороны. Например, вчера я встретила одного депутата от «Солидарности» — сначала в аэропортовском автобусе, а затем в самолете, и он со мной не поздоровался. Другой, как увидит меня на улочке возле Сейма, прячется за машинами.

— *Почему?*

— Мне жаль тратить время на поиски ответа, но я думаю, что с этими людьми действительно происходит что-то драматическое. Слишком много амбиций и эмоций вкладывают они в политику.

— *А вы — нет?*

— У меня есть лыжи зимой и яхта летом. Когда мы с мужем скатываемся с Монблана, а это нам за последнее время удалось сделать дважды, то я не думаю о политике. Когда мне надо тянуть за шкоты, у меня нет времени на раздумья, с кем мне разыграть очередную политическую партию. Когда в наш сельский дом на выходные съезжаются друзья — а это всё наши старинные друзья, и ни один из них не занимается профессионально политикой, — то не могу же я, готовя салаты, мысленно перерабатывать старую партийную программу, так чтобы она пригодилась для других целей в другой партии. У меня, знаете ли, кроме политики, есть

— возможно, немного ненормальный, но все-таки дом, муж, семья. Иногда я задаюсь вопросом, много ли на свете браков, которые выдержали такой долгий период политической напряженности и обычной повседневной разлуки. А мой выдержал. Мой муж — человек благородный, ответственный, хорошо организованный. Он встает в шесть утра, отправляется в институт, возвращается в пять вечера.

— *В пустой дом?*

— Увы. Хотя раньше меня тоже частенько не бывало дома: то выпадало дежурство в поликлинике, то надо было сдавать экзамен по специализации, но все же всегда был горячий общий обед, семейное тепло. Я часто прошу его: «Приезжай в Варшаву, будет чудесный концерт», — но он не хочет. Он очень неохотно сопровождает меня на официальные мероприятия. В Гданьске — иногда, а в Варшаву, пожалуй, раза два только я его уговорила. Один раз, помню, когда приезжала английская королева и давали обед в ее честь в «Бристоле», а второй раз — когда я была крестной матерью корабля «Армия Крайова», мой муж позволил вытащить себя на церемонию спуска корабля на воду в Копенгагене.

Он совсем не такой, как я. Любит упорядоченную жизнь. Приходит домой и очень много читает: ему всегда не хватает времени на то, чтобы прочесть все, что ему хочется. Я же, влетев домой в Гданьске, готовлю ему еду, делаю покупки, заготавливаю впрок еду в банки. Он мне ни разу не сказал: «Останься дома, брось ты этот Сейм, не делай того или этого».

Беседу вела Тереса Торанская

wysokie obcasy

**Владислав
Бартошевский**

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ЗЕРКАЛЕ ДОНОСОВ

**19 февраля
Владиславу Бартошевскому
исполнилось 80 лет**

Первый документ в моих «досье» относится к сентябрю 1945 г., последний — к концу 1989-го. 44 года я был объектом внимания коммунистических спецслужб. Сначала — министерства общественной безопасности, затем — разных управлений МВД: II — разведывательного, III — по делам оппозиции и IV — по делам Церкви. Или по очереди, или одновременно. И на протяжении всех этих лет, вплоть до крушения системы в 1989 г., я был врагом первой категории.

Институт национальной памяти к настоящему времени располагает 15 погонными метрами — такова длина по корешкам папок, поставленных одна за другой, — дел с надписью «Бартошевский». Из этих запасов директор ИНП проф. Леон Керес передал мне пока что один метр. Десятки мест в ксерокопиях, в соответствии с требованиями закона, замазаны. Зачернены фамилии лиц, так или иначе проходивших в делах против меня, гебистов, которые вели эти дела, тех, кто на меня доносил, судей, выносивших мне приговор. Естественно, во многих случаях эти имена и так известны.

На доступ к досье, т.е. к материалам слежки, провокаций и террора против тех, кого коммунистическая власть считала врагами, я смотрю как один из очевидцев и одновременно многочисленных жертв этой системы, притом как жертва отнюдь не исключительная. Многих лишили жизни — вот это особые жертвы. Другие от избиений или психического террора потеряли здоровье.

От многих жертв меня отличает, во-первых, то, что время коммунизма я прожил в неплохой физической и психической форме. Во-вторых, на протяжении всех этих лет я знал, что власти неустанно меня преследуют. Это сознание было небольшим козырем в поединке с гонителями. Человек, представляющий себе опасность, ведет себя иначе, нежели тот, кто ничего такого не ожидает. В-третьих, я десятки лет профессионально занимался новейшей историей Польши. Это давало мне специфическую установку: я мог профес-

сионально регистрировать факты, оценивать их и делать выводы. И это давало мне перевес над теми, кто вел за мной слежку. Помогало мне, конечно, и то, в какой среде я рос, и люди, которых посчастливилось встретить. Мы были воспитаны в привязанности к польскому государству — великой ценности, в ощущении общественных интересов, хотя и в отрыве от всякого кудахтанья об отечестве. Не припомню такого случая, чтобы в школьные годы я в разго-

воре с кем-то из одноклассников употребил слово «отечество». Он бы в ответ покрутил пальцем у виска. Об этом не говорили — отечество было очевидностью. Даром судьбы было то, что моими учителями в гимназии были такие священники, как Роман Архутовский или Юлиан Хрустицкий, а потом — тоже учителем, но уже не в школе — Ян Зея. Ибо они не только научили меня понимать, что в жизни ценно, но и помогли в том смысле, что в трудные минуты, когда надо было принять серьезное решение, достаточно было подумать: а что сделали бы в этих обстоятельствах они?

И, наконец, что важнее всего, у меня был опыт военных лет. Семь месяцев я пробыл в Освенциме, где только трезвое поведение давало хотя бы минимальный шанс выжить. Потом я пошел в подполье и знал, что, если попадусь немцам в руки, с меня шкуру сдерут. А единственным способом спасти эту шкуру было соблюдать все правила конспирации.

Во время войны я служил в довольно элитарном формировании — в отделе информации Бюро информации и пропаганды Главного штаба АК. Он занимался так называемой белой разведкой, т.е. деятельностью, до сих недооцененной в разведывательной работе. Разумеется, в АК была и традиционная разведка — 2-й отдел Главного штаба; там работали профессионалы из довоенной «двойки». В противоположность им, мы собирали не военные, а политические сведения. Анализировали общественные настроения, взгляды отдельных подпольных группировок, как левых, так и правых, их отношение к АК и лондонскому командованию [Польскими вооруженными силами], фракционные расколы, публицистику подпольной печати и т.п.

Тогда я был основательно переобучен не только на предмет правил, действующих в подполье: меня научили находить толкование фактов и мыслить в политических и исторических категориях.

Более того, с зимы 1942/43 гг. я одновременно занимался в управлении внутренних дел Делегатуры правительства на родине [польского правительства в лондонском изгнании] другой специальной областью: вопросом об уничтожении евреев и терроре оккупантов против

поляков. И по этим вопросам я прошел обучение, получая доступ к свидетельствам очевидцев и жертв. Таким образом, я хорошо знал и приемы, используемые на следствии, и как вести себя в лагере и тюрьме. Это мне пригодилось, когда подобные методы начала применять другая вражеская власть — так я относился к команде, представлявшей советские интересы в Польше. Меня не удивляло, что можно без оснований производить обыски, бить на следствии, использовать провокации. Не удивляло и то, что человек, случайно вошедший в подозрительную квартиру, может на многие месяцы попасть в тюрьму и ему предъявят обвинения в чем угодно. Разумеется, одно дело — знать о чем-то, другое — самому испытать. Однако судьба захотела, чтобы я сам очень скоро стал объектом таких методов.

Был июнь 1945 года. Недавно, в конце февраля, я вернулся в Варшаву из Кракова, где пережил смену гитлеровской власти советской, а затем «народно-польской». В Кракове я работал в центральном печатном органе АК «Информационном бюллетене», возобновленном здесь после Варшавского восстания. Приехав в Варшаву, я начал работать в учрежденной в начале апреля Делегатуре вооруженных сил [лондонского правительства] на родине. Но петля начала сжиматься. В конце июня я попался в первый раз: пришел на ул. Мицкевича, 27, в один из больших корпусов в Жолибоже [район Варшавы], и попал в засаду. Там, как выражались, «колхозом» жили несколько семей, в том числе и я. Гебуха искала кого-то другого, и хотя несколько дней меня продержали, но мне удалось затуманить им мозги. Когда у меня спросили биографию, я сказал, что во время войны был в Варшаве. — А в АК не были? — Нет. — Почему? — Боялся. — Ну, так вы не патриот, а трус. — Наверное...

Меня отпустили. В сентябре пришли снова — теперь уже за мной. По счастью, я был тогда у отца в Лодзи и как раз возвращался оттуда, а какая-то женщина во дворе мне шепнула, что в подъезде, где я живу, что-то происходит. Я сделал поворот кругом. Они дождались меня несколько дней, после чего конфисковали письменный стол, книжный шкаф, пианино (кстати, мебель была не моя, а хозяйки квартиры, у

меня самого никакого имущества не было), а также столик, буфет, стол и вешалку. Нашли и тайник под кушеткой, а в нем — материалы, свидетельствующие о моей деятельности в АК как во время войны, так и в 1945 году. Там, в частности, была бумажка о присвоении мне оcherдного воинского звания и о награждении.

Протокол этого обыска от 5 сентября 1945 г — это и есть первый документ в моих досье.

В январе 1946 г. я начал работать в «Газете людовой», органе Польского стронництва людового [крестьянской партии]. В феврале вступил в ПСЛ. До сих пор у меня не было связей с крестьянским движением, но мой отец родился в крестьянской семье, а в ПСЛ у меня было много знакомых. Кроме того, я считал ПСЛ единственным местом, где можно попробовать делать что-то разумное для Польши, тем более что партия обладала массовой поддержкой. Народники из ПСЛ Витоса и Миколайчика¹ стояли на демократических, антитоталитарных, но реалистических позициях — реализм всегда был характерной чертой польских крестьян. Они были противниками подпольной деятельности, зато сторонниками органического построения самоуправляющегося общества, приверженцами традиций идейной общественной деятельности, самообразования, народных университетов и т.п. Я знал, что встречу в ПСЛ людей, которые не хотят подчиняться марксистско-ленинской власти, присланной из Моск-

¹ **Винценты Витос** (1874-1945) — крупнейший деятель крестьянского движения в Польше первой половины XX в., основатель и председатель крестьянской (народной, «людовой») партии. **Станислав Миколайчик** (1901-1966) — ближайший соратник Витоса, с 1931 заместитель председателя партии; во время войны — в изгнании, заместитель премьер-министра, затем премьер-министр лондонского правительства; в 1944 в первые дни Варшавского восстания вел безуспешные переговоры со Сталиным о советской помощи восставшим; в 1945 вернулся в Польшу, возглавил ПСЛ, был заместителем премьер-министра ПНР. В 1947, после массовой фальсификации результатов парламентских выборов и развязанной против ПСЛ и ее сторонников (начатой еще до выборов) кампании устрашения и террора, бежал за границу. Зная это, можно заметить, что Бартошевский попал в тюрьму, когда ПСЛ еще готовилась к выборам, а вышел — когда ее остатки начали превращаться в марионеточную партию, придаток коммунистической власти. — *Пер.*

вы. Эта партийная принадлежность не противоречила и моему католическому мировоззрению.

Однако несмотря на то, что я был активистом легальной партии, которую возглавлял заместитель премьер-министра, 15 ноября 1946 г. я был арестован и просидел полтора года. Все это время для меня старались найти статью, которая не была бы связана с моей работой в ПСЛ — это им было не с руки, — но позволяла бы оставить меня за решеткой. Из этого ничего не вышло: я был политически настолько хорошо воспитан, что всегда воздерживался и не говорил ничего лишнего.

Тем не менее, как вытекает из переданных мне папок госбезопасности, власти интересовались именно моей партийной деятельностью. В досье лежат документы не только о моей деятельности в Главном штабе АК во время войны, но и о моей работе в «Газете людовой» и аппарате ПСЛ. Об этом спрашивали на допросах — нашлись все протоколы моих показаний того времени и протоколы различных показаний обо мне (эти последние сохранились не полностью: мне известно еще о нескольких людях, подвергшихся допросам).

Через полтора года дело прекратили, и в апреле 1948 г. я вышел на волю. Мне вручили только «справку об освобождении подследственного заключенного», так до конца и не предъявив обвинений в письменной форме и не дав никакого заключительного документа на чтение и подпись.

Из досье следует, что после освобождения госбезопасность продолжала слежку за мной. За этот период документов немного: лишь какие-то обрывочные наблюдения.

14 декабря 1949 г. я был опять арестован и на этот раз просидел пять лет. Документация за этот период в высшей степени обширна: документы относятся и к следствию, продолжавшемуся полтора года, и к отсидке в тюрьме, куда меня отправили за мнимый шпионаж.

Главным виновником моего несчастья был Адам Г. из Познани, тогда студент-медик, который дал обширные ложные показания против меня. Вероятно, он рассчитывал, что его за это освободят. Мне отказали в очной ставке с ним, тем не менее я получил 8 лет тюрьмы «за шпио-

наж» главным образом на основе его показаний. В досье записаны его рассказы — часть из них я уже знал, так как читал их во время судебного процесса.

Есть в досье и немало документов о заключенном Бартошевском. Некоторыми я горд. Вот, например, в одном из рапортов о беседах с заключенным Бартошевским опер отмечает: «Бартошевский живо интересуется X корпусом [корпус в Мокотовской тюрьме госбезопасности, где держали подследственных по политическим делам. — *К.Б.*] и методах обращения, принятых в этом корпусе. Это свидетельствует о том, что хотя замеченного он никогда не записывает, но живет с мыслью, что, как только изменятся условия, ему будет о чем писать». Или донос из камеры от 17 марта 1953 г., вскоре после смерти Сталина: «Бартошевский с ненавистью выражается о сотрудниках аппарата госбезопасности, он ходячая энциклопедия многих дел, говорит о ряде людей, с которыми сидел. Подробно рассказывает о методах следствия, о том, что после публикации за границей книги о X корпусе методы изменились, и т.п. Интересуется всеми событиями (...) в тюрьме (...). Недавно я слышал обрывок одного разговора, в котором вышеназванный размышлял о переменах советской политики после смерти И.В.Сталина и возможностях ускорения войны, в которой он видит свое спасение. В разговоре со мной Бартошевский сказал, что рассчитывает на помощь председателя окружного суда [фамилия зачернена. — *К.Б.*], которой он во время оккупации сделал немало добра и которая обещала жене Бартошевского, что поддержит ее заявление о помиловании. Как Бартошевский, так и [фамилия зачернена. — *К.Б.*] рассказывают об условиях во Вронках и Равиче как о чудовищном мучительстве, что там существуют истребительные отделения, где постоянно открывают окна, чтобы простудить людей. Информатор [фамилия зачернена. — *К.Б.*».

В тюрьмах — Мокотове, Равиче, Рацибоже — я находился до 16 августа 1954 г., и тут, спустя год с лишним после смерти Сталина и Берии, меня временно освободили от отбывания наказания по причине туберкулеза. Во время этой увольнительной адвокат добился пересмотра моего дела, и в результате 2 марта 1955 г.

Судейская коллегия Верховного военного трибунала объявила меня осужденным несправедливо. Коллегия констатировала, что против меня нельзя выдвинуть никакого обвинения, отменила приговоры обеих инстанций и сняла с меня судимость. Теоретически я имел право говорить, что судимости не имею. Тем не менее, как вытекает из досье, госбезопасность продолжала относиться ко мне как к виновному по всем выдвинутым во время следствия обвинениям: контакты с подпольем, с ВиНом², деятельность в ПСЛ. Этим они обосновывали необходимость дальнейшей слежки и гонений.

Уже 12 сентября 1955 г., т.е. всего лишь через пять месяцев после моей официальной реабилитации, 2-й отдел III управления министерства общественной безопасности (управления, осуществлявшего надзор и слежку за оппозицией) постановил, о чем свидетельствует находящийся в досье документ об открытии на меня «учетно-наблюдательного» дела.

С 1955 г. различные управления МОБ, а затем МВД (II, III и IV) систематически занимаются моей персоной. По очереди, но чаще параллельно. Однако всегда с использованием полного набора средств: постоянной перлюстрации писем, прослушивания телефона, установки подслушивающих устройств в квартирах, где я жил, вербовки секретных сотрудников в моем окружении, в частности среди прислуги. Они пытались завербовать по очереди двух домработниц, но те оказались хитрее: обе просто ушли от меня. Простые девушки, и неполной средней школы не кончили, а оказались благородней и умней многих интеллигентов, которые сдались и стали доносить.

Слежка в это время касалась разных сторон моей деятельности. То за мной следили как за бывшим членом ПСЛ, то как за бывшим аковцем, который теперь пописывает исторические тексты о Польском подпольном государстве и движении за независимость, особенно в «Тыгоднике повсехном». А то как за личностью, поддерживающей контакты с польской

²ВиН («Вольность и незавилость» — «Свобода и независимость») — часть подразделений Армии Крайовой, которые не вышли из подполья и, некоторые, продолжали даже вооруженную борьбу — кое-где вплоть до 1950 года. — *Пер.*

политэмиграцией, с давними коллегами, начальниками и подчиненными времен подполья: многие из них тогда еще были живы и находились главным образом в Лондоне и США. Иногда слежка касалась и моей деятельности в католических кругах. Сотрудничество с «Тыгодником повшехным» я начал летом 1957 года. И что самое смешное: гебуха сочла меня самым крайним в редакции, радикализующим весь круг. Поэтому слежка была особенно интенсивной. К этому прибавились мои связи с клубами католической интеллигенции [КИК] в нескольких городах.

Моя работа в «Тыгоднике» и связи с КИК совпали с началом сбора документации по польско-еврейским отношениям во время оккупации. Это опять-таки обратило на меня внимание гебистов, занимавшихся слежкой за посольством Израиля. С 1961 г. в досье встречаются обширные рапорты обо мне в роли агента мирового сионизма и Тель-Авива. Лежат многочисленные фотографии, на которых видно, как я вхожу в посольство. Есть сообщения с приемов у посла и целые страницы стенограмм моих разговоров с послом Авигдором Даганом, писателем и публицистом родом из Чехии, бывшим секретарем Яна Масарика в лондонской эмиграции, — он и по сей день живет в Иерусалиме. Источником была установленная в посольстве подслушка. Ничего преступного из подслушанных разговоров не вытекало.

В конце 1966 г. госбезопасность начала подозревать, что я один из тех, кто поставляет сведения из Польши на радио «Свободная Европа». Я изучил досье на эту тему и с горьким удовлетворением могу сказать, что основания для этой гипотезы дала им не моя неосторожность.

Еще в Мокотовской тюрьме я подружился с адвокатом Витольдом Лисом-Ольшевским. Он был родом из Львова, сидел тоже за политику, мы пробыли с ним много месяцев в одной камере, вместе работали в тюремной типографии. Выйдя из тюрьмы, он вернулся в адвокатуру, в частности был, что требовало немалой отваги, защитником на многих политических и скрыто-политических процессах — например, защищал свидетелей Иеговы, которых

тогда сажали за отказ от военной службы. Я к нему относился с полным доверием. Мы с ним принимали меры предосторожности, не разговаривали там, где могла стоять подслушка, — только на улице или в заведениях, где близко от нас никто не сидел.

Однако теперь — из этих досье — выясняется, что в близкое окружение покойного Витольда был внедрен сексот. Он и доносил о том, что говорил обо мне Лис-Ольшевский. А тот рассказывал, что я такой человек, через которого он все может устроить и которому доверяет безгранично. Ручался, что если он мне сообщит о том или ином деле, то можно быть уверенным, что оно найдет надлежащий отголосок. И складывалось так, что речь шла как раз о делах, о которых недавно вещала «Свободная Европа», и госбезопасность это сопоставила. Аналитики МВД несколько месяцев изучали даты моих встреч с Ольшевским, информацию от сексота об интересах адвоката на данный момент, дела, которые он вел, и передачи «Свободной Европы». Сопоставив все это, они пришли к выводу, что сведения в Мюнхен идут через меня. Разумеется, на Ольшевского эта история не кладет никакого пятна. В досье нет фамилии сексота — можно только вывести, что это был интеллигент, к которому Лис относился с доверием. Но адвоката уже нет в живых, и опознать этого Иуду, вероятно, не удастся...

Со «Свободной Европой» я начал сотрудничать в ноябре 1963 года. Об этом знали только три человека: директор польской редакции Ян Новак-Езёранский, его заместитель, мой друг Тадеуш Женчиковский и капеллан радиостанции о. Тадеуш Киршке. И больше ни одна душа. Не знали об этом и друзья из «Тыгодника повшехного».

Интересно, что ни в моих досье, ни в досье, которые ИНП предоставил Новаку, нет никаких следов попыток ГБ проверить мои контакты с радио через своих мюнхенских агентов. А ведь если они вели расследование на предмет моих контактов с радио, то, должно быть, и это делали.

1 октября 1970 г. в мою варшавскую квартиру вошли 18 гебистов и перетрясали ее 27 часов.

Теперь передо мной документы этого дела. Несколько сот листов. Они показывают, как запускали дело, какой ему дали ход, кто какие давал показания, что госбезопасность действительно знала и какую диверсионную операцию с использованием фальшивок проводила. Имеются директивы о том, как ссорить между собой замешанных в дело лиц и как подмачивать мою репутацию в общественном мнении

Из досье вытекает, что «врагом №1» был я, а не те, кто был арестован по делу. Еще смешнее: одно из управлений МВД, ведя за мной слежку, дало мне кличку «Сатана».

Меня не посадили, так как это им было невыгодно: я был членом редакции «Тыгодника повсехного» и членом правления, а затем генеральным секретарем Польского ПЕН-клуба. Но идея такая у них появлялась. Есть следы внутренней партийно-гепбешной переписки: некоторые управления МВД жаждут меня арестовать, но партия колеблется. В конце концов было принято решение: не сажать, но скомпрометировать. Пошли в ход фальшивки, что я-де раскололся и покаялся. Запустили также слухи о якобы существующих острых конфликтах между мной и другими людьми. Посылали анонимки, вызывали людей на беседы, намекая им, что я пошел на сотрудничество.

Теперь у меня есть протоколы этой операции.

Я располагаю также некоторыми показаниями, данными по делу — как моими, так и теми, которые дали арестованные: доцент С.С. и две женщины с университетскими дипломами, — Э.Д. и Д.Б. Фамилий называть не буду: двое из них живы — они знают, о ком идет речь. Следствие пустило в ход коварные, но старые методы: использовали различия в том, что арестованные говорили, знали, в их настроениях и психическом состоянии. Старались создать впечатление, которое пытается вызвать любой следователь: власть и так всё знает — уж лучше признаться. Оперировали обрывками сведений, материалов, доносов.

В моих показаниях нет ни слова, которое можно было бы использовать против кого бы то ни было. Двое из арестованных говорили. К счастью, С.С. и Э.Д. (ныне уже покойная) знали о моих фактических связях со «Свободной Европой» всего ничего: вроде бы, мол, какие-то контакты существуют.

Между тем до самого конца госбезопасности остались неизвестными те, кто действительно играл роль в передаче сведений в Мюнхен, — связные, те, кто занимался проверкой данных, и т.п. О них знал я один — и, к счастью, больше никто. Это были в основном иностранцы, реже поляки. Например, один раз эту важную роль исполнила Мария Страшевская, профессор польской филологии Варшавского университета (ныне на пенсии), которая во время войны была секретарем редакции «Информационного бюллетеня» АК.

В свою очередь одним из моих главных источников передаваемых в Мюнхен сведений о событиях в стране был Веслав Хшановский. Мы встречались в городе, чаще всего в кафе, в такое время, когда было мало народу. В наших разговорах никогда не раздавалось слово «радио». Я спрашивал: «Ну, что слышно, Весек, в адвокатуре?» Он рассказывал. Потом я только спрашивал, можно ли это рассказывать дальше. Он, конечно, догадывался, но признался мне в этом только в 90-е годы. Достаточно откровенно, хотя без точек над «і», разговаривал я и с адвокатами Казимежем Островским и Анджеем Розмарыновичем. Разумеется, передавал мне информацию и Ян Юзеф Липский, с 60-х вошедший в число моих ближайших друзей. Кроме того, я никогда не передавал на радио сведений о «Тыгоднике», потому что обнаружить их источник было бы нетрудно. Разве что если возникала необходимость что-то опровергнуть.

Материалы этого дела могут стать для всех предостережением. Разумеется, трудно себе представить, чтобы в Польше когда-либо снова воцарилась авторитарная система. Однако никогда нельзя исключить возможность, что та или иная власть захочет использовать против граждан незаконные методы.

Как С.С., так и Э.Д. сидели в камерах с наседками. В результате гепбисты располагали — а теперь располагаю я — десятками страниц донесений о том, что они изо дня в день рассказывали в камере о своем деле, о себе и обо мне. В какой-то момент было сказано, что только в этом следствии набралось 7 томов, 900 страниц. Следует добавить, что С.С. был намного разумней и сдержанней, а Э.Д. —

мене, хотя была юристом, вдобавок бывшим судьей, и ей следовало бы быть в курсе таких приемов.

Гебисты потом могли сколько угодно сравнивать все эти сведения, оценки, подозрения, предположения; в том, что сегодня читать приятно, лестны высказывания о том, что я наверняка не расколуюсь и не скажу им всю правду. К сожалению, в деле есть также полная запись разговора доцента после его выхода из тюрьмы с одним заслуженным борцом за независимость: оба наперегонки высказывают подозрения в том, что я сотрудничаю с ГБ.

Интересно, кстати, что если первоначально с доцентом в камере сидел один человек, то потом к ним посадили третьего (значащегося в досье как С.Н.). И тот, что был наседкой, жаловался своему начальству, что третий сокамерник усложняет дело: доцент стал осторожнее и меньше рассказывает, потому что наседке он доверял, а третьему — не доверяет.

Можно себе представить, предметом какого интереса властей стала моя деятельность в демократической оппозиции 70-х: многочисленные контакты с КОРОм [Комитетом защиты рабочих], письма протеста, лекции в рамках Товарищества научных курсов. Между тем материалы за этот период довольно скудны. Я не нашел ни слова о «Польском соглашении сторонников независимости». Но это была небольшая и фактически тайная организация. О моем участии в ней знали всего несколько человек.

Не много материалов и о моем секретарстве в ПЕН-клубе и преподавании в Люблинской католическом университете — есть только сведения о том, какие студенты ходят ко мне на занятия, и рекомендация вести за ними наблюдение, причем и по месту жительства, так как некоторые были не из Люблина. Гебуха собирала также копии доносов, которые один из священников-профессоров университета писал на меня Примаду Польши и ректору. Не знаю, откуда они их получали.

В целом же из документации IV управления МВД, которое должно было заниматься моими контактами с церковными кругами, мне передали жалкие остатки. Дела этого управления, по-видимому, действительно были в большой

степени уничтожены. У меня есть только запись моих лекций у познанских доминиканцев, лекции в рамках Недели христианской культуры во Вроцлаве, дискуссии в Краковском КИК, а также сообщение сексота о том, что заместитель председателя Краковского КИК недоволен тем, что я подвергаю клуб опасности, и обещает, что этого больше не повторится.

Многие документы — это донесения филеров о том, как я отрывался от слежки. А я это делал внаглую. Машины у меня не было, и я чаще всего ходил пешком. А хожу я быстро. Иногда, когда мне долго наступали на пятки, я поворачивался, подходил к филеру и говорил: «Простите, вы не знаете, который час?» Сколько он после этого мог дальше за мной идти? Есть многочисленные оперативные фотографии, снятые на улице. Есть упоминания о прослушивании телефона у меня дома — они записывали, в частности, мои разговоры с Киселем [Стефаном Киселевским], но, к сожалению, сами записи не сохранились. Подслушка была установлена не только у нас в квартире, но и в номерах 11 и 12 гостиницы «Харама» в Закопане, где мы обычно проводили отпуск.

Мало материалов и в досье 80-х гг., — есть лишь отдельные документы, связанные с интернированием. Есть, в частности, отказ отменить решение о моем интернировании, так как «нет позитивного прогноза на дальнейшее поведение по выходе из места изоляции».

Единственное исключение за этот период — материалы, связанные с моим пребыванием в Германии. Я там с 1983 г. преподавал в трех университетах. И вот что снова трудно объяснить: о моих предшествующих частых контактах с немцами — католическими иерархами или организациями типа «Pax Christi», «Maksimilian Kolbe-Werk», «Акцией знаков покаяния» и Центральным комитетом немецких католиков — сохранились лишь обрывки. Зато за 80-е — практически полностью. Могу выразиться анекдотически: под конец жизни я получил почти «полное собрание сочинений» Владислава Бартошевского, составленное разведкой и контрразведкой ПНР. Я получил, в частности, записанные на магнитофон и переведенные с немецкого на польский, все мои важнейшие пуб-

личные выступления во многих немецких городах на протяжении нескольких лет. К этому прибавлена профессиональная оценка аудиторией, записи происходивших дискуссий. Все это записывали сотрудники или «секретные сотрудники» разведки МВД.

Важно отметить следующее: сейчас многие люди доброй воли в Польше считают, что деятельность разведки ПНР принципиально отличалась от деятельности госбезопасности и что тот, кто сотрудничал с разведкой, помогал государству. Оказывается, однако, что эта разведывательная деятельность состояла и в том, чтобы заниматься, к примеру, таким врагом государства, как Бартошевский (и ясно, что не мной одним, но наверняка и сотнями дру-

гих). С этой целью десятки людей годами ездили за ним по Германии, записывали его открытые встречи с общественностью, писали оценки, переводили тексты и отправляли в Польшу. На этих документах стоят также многочисленные расписки людей в генеральских чинах и директорских должностях. Эти фамилии на моих копиях замазаны, но в некоторых случаях известно, о ком идет речь. Видно, что эту бессмысленную слежку одобряли высшие чиновники аппарата ПНР.

*Рассказы Владислава Бартошевского выслушал
и записал Кишиштоф Бурнетко
«Тыгодник повшехный», 17 февраля 2002*

TYGODNIK POWSZECHNY

Владислав Бартошевский родился 19 февраля 1922 в Варшаве. С сентября 1940 — заключенный лагеря в Освенциме Освобожден в апреле 1941. Студент факультета польской филологии тайного Варшавского университета. С 1942 — боец Армии Крайовой: работает в Бюро информации и пропаганды Главного штаба. Член Временного комитета помощи евреям, один из учредителей совета помощи евреям «Жегота». В 1943-1944 работает в управлении внутренних дел Делегатуры правительства на родине (Тюремная ячейка и Еврейский отдел). Участник Варшавского восстания. На рубеже 1944/45 — секретарь редакции «Информационного бюллетеня» АК. Член антикоммунистической организации «Нет», затем работает в Делегатуре вооруженных сил на родине. С 1946 — в Польском строннишве людовом. Дважды сидел: в 1946-1948 и в 1949-1954. С 1955 — редактор в Ассоциации польских библиотекарей. В 1957-1960 — редактор в «Столице». С 1961 — сотрудник, а затем член редакции «Тыгодника повшехного». В 1972-1984 — генеральный секретарь Польского ПЕН-клуба. В 1973-1985 — преподаватель Люблинского католического университета.

Автор ряда трудов по новейшей истории Польши: «Тот из моей отчизны» (с Зофьей Левиной, 1967), «Варшавское кольцо смерти. 1939-1944» (1967), «1859 дней Варшавы» (1974), «Польское подпольное государство» (1979), «Синдикат преступлений. Страницы из истории служб госбезопасности к сорокалетию ПНР» (1986), «На пути к независимости» (1987) — и книги воспоминаний «Быть порядочным стоит» (1986).

Активный деятель оппозиции: подписант множества писем протеста, сотрудник радио «Свободная Европа», преподаватель Летучего университета, один из учредителей Товарищества научных курсов, соавтор аналитических докладов «Польского соглашения сторонников независимости» и т.п. 13 декабря 1981 интернирован. В 1983-1990 преподавал в Мюнхенском, Аугсбургском и Айхштетском университетах.

В 1990-1995 — посол Польши в Австрии. Сенатор (1997-2001). Дважды министр иностранных дел: март-декабрь 1995 и июль 2000 — октябрь 2001. При уходе с этого поста получил, в частности, письмо от министра иностранных дел России. Игорь Иванов пишет: «Отношения между нашими странами в последнее время достигли качественно нового уровня. Явно активизировался двусторонний политический диалог, новый импульс был дан экономическому сотрудничеству, а также сотрудничеству в культурной и гуманитарной области. Я убежден, что эта радующая тенденция — в большой мере заслуга Ваших личных усилий» [обратный перевод с польского]. А Гюнтер Ферхойген, комиссар Евросоюза по делам его расширения, констатировал: «Я уверен, что Ваша личная заинтересованность в большой степени содействовала тому, что Польша выглядит серьезным кандидатом и к 2004 г. имеет хорошие шансы участвовать в углублении европейской интеграции в качестве члена ЕС».

С 1990 возглавляет Международный совет Государственного музея в Освенциме, с 2001 — председатель Совета охраны памяти борьбы и мученичества и Польского ПЕН-клуба. В 1966 одним из первых поляков получил звание «Праведного среди народов мира», а в 1991 — почетное гражданство Израиля. Кавалер ордена Белого орла (1995). В 2001 награжден Большим крестом ордена ФРГ «За заслуги» — за вклад в дело примирения немцев, поляков и евреев.

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИИ

1968 ГОД ХРОНИКА СОБЫТИЙ

В июне 1967 г., когда началась война на Ближнем Востоке, правительство ПНР разорвало дипломатические отношения с Израилем; на партийных собраниях осуждали как агрессию Израиля против арабских государств, так и польских «сионистов», поддерживавших Израиль. Первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка в своей речи на VI съезде профсоюзов использовал термин «пятая колонна» по отношению к польским гражданам еврейского происхождения, что дало сигнал к развязыванию грубой антисемитской кампании. Одновременно внутри самой партии усиливалась борьба за власть, где атакующей стороной были националисты во главе с генералом Мечиславом Мочаром, министром внутренних дел.

25 ноября 1967 г. в варшавском «Театре народovém» состоялась премьера «Дзядов» Адама Мицкевича в постановке Казимежа Деймека; власти восприняли спектакль как антисоветский, и партия объявила войну «Дзядам».

Культура в ПНР во второй половине 60-х была успешно парализована всемогущей цензурой. Среди интеллигенции нарастали бунтарские настроения. Молодые «коммандос» (так их прозвали) под предводительством Яцека Куроня и Кароля Моджеевского формировали активный круг людей, стремившихся к реформам и демократизации существующей системы.

Польское общество второй половины 60-х не отличалось сплоченностью. Март 68-го — это бунт студентов и старших школьников, к которому рабочие не присоединились.

Мы публикуем фрагменты свидетельств участников варшавских студенческих волнений в марте 1968 г. и их сторонников. Свидетельства эти вошли в документальный фильм Анджея Титкова «И действительно не знали мы», снятый в 1993 г. киностудией «Контра» по заказу II программы Польского телевидения.

*Может, мы были детьми, у нас не было опыта.
Мы знали только одно: нас заставляют верить в ложь.
И действительно не знали мы, чего хотим,
кроме уважения к человеческим правам и правдам,
когда, собравшись на маленькой площади у памятника великому поэту,
который прожил молодость в поработанной стране, а остаток
жизни в изгнании,*

*дымили папиросами и лживыми газетами.
Мы дымили папиросами, хоть они отравляли нам тело,
мы дымили кострами газет, ибо они отравляли нам ум.
Мы читали Конституцию и Декларацию прав человека
и действительно не знали, что права человека
могут противоречить интересам гражданина.*

Рышард Криницкий

Ян Литынский, политик («Уния свобод»):

Для моего поколения, для меня стало экзистенциальным открытием то, что между газетной действительностью, школьной, из учебников, действительностью и действительностью частной нет никакой связи. Крик «Пресса лжет» стал экзистенциальным открытием того, что в общественной жизни правда тоже должна быть законом.

Рышард Бугай, экономист, политик:

В университете было чувство такой абсолютной общности. Тут огромный комфорт состоял в том, что зло было вне нас.

Северин Блюмштайн, журналист:

Быть польским евреем — это... это интересное и временами нелегкое приключение. Тут каждый должен сам с собой разобраться. Одни с этим еврейством больше себя отождествляют, другие меньше. Из-за фамилии я был довольно заметной фигурой во всех этих еврейских делах.

Ян Литынский:

Мы тогда сознавали, что мы творим историю... вообще — что-то делаем...

Из выступления Владислава Гомулки, первого секретаря ЦК ПОРП:

«3 марта текущего года на квартире у Яцека Куроня собралась группа в полтора десятка человек, главным образом студентов еврейского происхождения, известных своими ревизионистскими выступлениями и взглядами. Во время этой встречи обсуждался вопрос организации 8 марта демонстрации в Варшавском университете».

Северин Блюмштайн:

У меня было такое ощущение, что еще до марта все было предreshено. Это должно было плохо кончиться. У меня было фаталистическое отношение ко всему этому делу. Я просто считал, что придет каких-нибудь сто студентов, а власти скрутят их, и дело с концом. А тут вдруг общественный бунт... Ну, ребята, значит — успех.

Ирена Грудзинская-Гросс, историк общественной мысли:

У меня не было ощущения, что я творю историю; скорее я чувствовала, что совершаю какую-то ужасную ошибку, что сделала нечто... нечто легкомысленное, очень легкомысленное. Особенно остро я чувствовала это в августе, во время вторжения в Чехословакию.

Ян Литынский:

Если посмотреть на это в широком, всемирном контексте, возникает образ поколения, которое вдруг захотело что-то сказать. Независимо от того, живем ли мы в тоталитарной системе, где март был серьезным делом, или же это французский май, где все было игрой, карнавальным праздником. В определенный момент это поколение, не знавшее войны, но выросшее в ее тени, начинает что-то говорить. Нечто совершенно иное, чем поколение их родителей. И это был голос 68-го года.

Януш Шпотанский, поэт, переводчик:

Я пошел сидеть, будучи... ну, широко известным в очень узких кругах, а вышел из тюрьмы человеком... в некотором смысле знаменитым: этот идиот Гомулка сделал мне какую-то совершенно чудовищную рекламу.

30 января:

— последнее представление «Дзядов» в постановке Казимежа Деймека; спектакль снят с репертуара по распоряжению министерства культуры;

— после спектакля студенты провели демонстрацию перед театром и у памятника Мицкевичу, милиция арестовала 35 человек по обвинению в «нарушении общественного порядка».

6-19 февраля:

— суд над Янушем Шпотанским, автором политической сатиры «Тихони и гоготуны, или Бал у президента»; Варшавский воеводский суд приговорил его к 3 годам тюрьмы за «изготовление и хранение с целью распространения» «заведомо ложных материалов, наносящих ущерб интересам ПНР»

16 февраля:

— протест против запрещения спектакля «Дзяды» с подписями более 3000 человек (главным образом студентов Варшавского университета) передан маршалу Сейма.

29 февраля:

— чрезвычайное заседание Варшавского отделения Союза польских писателей по делу «Дзядов»; Антоний Слонимский, Павел Ясеница, Лешек Колаковский и другие выступают с резкой критикой решения министерства культуры; собрание принимает резолюцию, осуждающую это решение.

3-4 марта:

— на встрече «ветеранов» по случаю дня рождения Яцека Куроня принято решение провести студенческий митинг в Варшавском университете; на следующий день составлен подробный план митинга.

4 марта:

— официально объявлено решение об исключении из Варшавского университета студентов исторического факультета Адама Михника и Генрика Шлайфера за участие в демонстрации 30 января.

6 марта:

— письмо писателей ректору Варшавского университета с просьбой отменить дисциплинарное наказание участников демонстрации 30 января.

8 марта:

— в 12 часов начинается митинг студентов во дворе Варшавского университета: Ирена Лясота зачитывает резолюцию с протестом против репрессий по отношению к студентам, выступившим в защиту «Дзядов», и требованием отмены исключения из университета Михника и Шлайфера; зачитана также резолюция солидарности с писателями по делу «Дзядов». Студенческая делегация представила свои требования проректору Варшавского университета Зигмунту Рыбицкому. Во время митинга во двор университета въезжают автобусы с «рабочим активом, заранее мобилизованным руководством варшавской партийной организации». Вооруженные резиновыми дубинками активисты начинают разгонять студентов 14.30 — к операции подключаются отряды милиции, жестоко избивая дубинками студентов, в том числе девушек, а также случайных зевак. Арестованы участники митинга и ребята из числа «коммандос» (среди них Шлайфер).

9 марта:

— в газетах «Жиче Варшавы» и «Штандар млодых» появляются заметки о «нарушениях уличного движения и связи в районе улиц Новый Свят и Краковское Предместье», вызванных группами «золотой молодежи» (т.е. детей партийных сановников);

— студенты Варшавского политехнического института собрались на митинг, а затем организовали марш к зданию газеты «Жиче Варшавы», но были разогнаны милицией;

— в университете проходят собрания студентов, где принимаются резолюции в основном с требованием дать в печати правдивую информацию о происходящем. Во второй половине дня несколько сот студентов предприняли попытку пройти по улице Новый Свят к зданию ЦК ПОРП, но были разогнаны милицией, применившей дубинки и слезоточивый газ;

— продолжают аресты среди студентов, особенно среди «коммандос» (в частности, арестован Адам Михник) — к 11 марта почти все они были арестованы.

Из выступления Владислава Гомулки:

«На этом собрании [Союза польских литераторов] Стефан Киселевский взялся также защищать некоего Шпотанского, приговоренного к трем годам заключения за реакционный паршивиль, сочащийся садистическим ядом ненависти к нашей партии и органам государственной власти. Одновременно это сочинение содержит порнографические мерзости, на которые может быть способен только человек, погрязший в гнили сточной канавы, человек с моралью альфонса».

Януш Шпотанский:

Формально это был процесс о «распространении заведомо ложных сведений» и т.д. и т.п., в действительности же речь шла об оскорблении величества. Делались попытки выяснить... кто в этой моей «опере» изображен, кто есть кто. Так вот, только об одном, только об одном они не спрашивали: кто такой Гном [карикатура на Гомулку].

Знал я и таких старых довоенных коммунистов, уже полных маразматиков, которые, когда я вышел из тюрьмы, вдруг начали относиться ко мне с огромным почтением... Кормились они главным образом при Клубах международной книги и прессы, вгрызались там в газеты. И вот в один прекрасный день пришел я туда что-нибудь почитать и смотрю: сидит один такой старый коммунист. Он тут же подошел ко мне и спрашивает таинственным шепотом: «Вас как, очень мучили в этой тюрьме? Пойдемте погуляем, тут наверняка подслушка». Ну, вышли мы, гуляем, гуляем, а он все треплется, треплется. А потом и говорит мне: «Знаете, я теперь, спустя многие годы, осознал, что мы совершили ужасную ошибку: надо было делать ставку на Розу Люксембург».

Из выступления Владислава Гомулки:

«В июле 1948 года в Кракове был арестован Павел Ясеница. В ходе следствия была доказана его принадлежность к банде Лупашко¹».

Март 1968 г.
Милиция и парамилитарные формирования разгоняют студенческую демонстрацию перед зданием Варшавского университета

¹ В самом конце войны и некоторое время после ее окончания Павел Ясеница был членом вооруженного антикоммунистического подполья.

Януш Шпотанский:

Неожиданно я оказался в одной камере с Аликсом Смоляром и еще одним по фамилии Хальмин. И на Первое мая мы устроили торжественное заседание, где я прочел «Балладу о Лупашко». Про то, как мартовскими вечерами у памятника поэту встречался Даян с неким Михником.

У меня совсем не было ощущения, что «красные» одержали какую-то победу. Как раз наоборот, я считал, что они на многом... страшно обожглись. И на этот антисемитизм никто не купился, кроме каких-то склеротических старых идиотов, и на этот их мнимый большевистский патриотизм никто не клюнул. Когда мы уже вышли из тюрьмы (а вышли мы все более или менее одновременно)... только тогда я познакомился с ними, сдружился. То, что они были из «аристократии» [семей, связанных с послевоенной властью], за что их теперь страшно осуждают, тоже имело невероятно положительное значение, так как они не боялись. Они вносили в это революционное движение какую-то свежесть, у них не было того прошлого, когда людям отбивали почки. Именно поэтому Михник сыграл такую важную роль: он был способен на невероятно смелые шаги, которые никому другому просто не пришли бы в голову.

Адам Михник, главный редактор «Газеты wyborчей»:

Представь себе мальчишку, который вдруг случайно становится свидетелем произвола, жестокого насилия, царящей лжи. Это был шок. Спасительный шок. Я очень благодарен этим... корешам генерала Мочара за урок, который они мне тогда преподали. Они раз и навсегда выбили у меня из головы всякие иллюзии относительно режима, на который работали. То, что они бьют, что моих приятелей, ровесников очень жестоко бьют (а сообщения о неслыханной жестокости этой полицейской, палочной операции повторялись в каждом рассказе), было для меня шоком. С другой стороны, я чувствовал, что произошло нечто невероятно важное, что вот значительная часть нашего поколения как бы отказалась повиноваться и решила хоть на минуту, хоть на время этого митинга, жить на свой страх и риск и говорить своим голосом, от своего имени. И это было для меня чем-то необыкновенным, чем-то, что (я тогда это чувствовал) должно изменить историю Польши. В тюрьме был чудовищный шок, когда я получил газеты, — прочитал и вижу вдруг, что польская пресса говорит на языке гитлеровского «Штюрмера», на языке эпохи московских процессов. В тюрьме я пережил такой момент, когда следователи на допросах унижали меня, обращаясь ко мне на языке антисемитизма. Однажды мне задали такой вопрос: «Ну, господин Михник, когда же вы эмигрируете в Израиль? Вы ведь еврей, а евреям место в Израиле». Я вышел из себя и сказал: «Знаете, не вам и не господину Мочару решать, кто я такой, а если вас интересует, когда я эмигрирую, то я вам отвечу: на следующий

11 марта:

— студенческие митинги в варшавских вузах, во второй половине дня дело доходит до бурных уличных беспорядков — ранены около 300 человек;

— в Кракове студенты Ягеллонского университета организовали митинг на Рыночной площади; в Люблине в митинге приняли участие студенты Университета им. Марии Кюри-Склодовской и Люблинского католического университета;

— депутатская группа «Знак» (представители независимой католической интеллигенции) направила запрос премьер-министру, требуя, чтобы правительство установило лиц, ответственных за жестокости сил охраны порядка, прекратило действия милиции и дало ответ на требования молодежи;

— на собрании актива варшавской организации ПОРП секретарь воеводского комитета Юзеф Кемпа называет «ревизионистские» и «сионистские» круги вдохновителями «уличных скандалов»;

— на варшавских предприятиях проводятся первые митинги рабочих коллективов с осуждением «хулиганства» участников уличных происшествий. На митинге на заводе легковых автомобилей прозвучал лозунг: «Студенты — за учебу, писатели — за перо»;

— в газете «Слово повсехне» (органе прорежимной католической организации «Пакс») появился анонимный текст, «разоблачающий сионистскую родословную» участников мартовских событий.

12 марта:

— создан Студенческий комитет факультетских делегатов Варшавского университета (действовал до 29 марта);

— студенческие митинги и демонстрации во Вроцлаве, Гданьске, Познани и Лодзи;

— газета «Курьер польский» печатает статью Рышарда Гонтажа «Вдохновители», где лидеры студенческого движения представлены как дети сионистов и политических банкротов, ответственных за извращения сталинского периода. Пресса по всей стране использует ту же самую грубую и примитивную, антисемитскую и антиинтеллигентскую стилистику.

13 марта:

— студенческие митинги и уличные демонстрации в Кракове, Люблине и Познани жестоко разогнаны милицией;

— в Варшаве распространяется листовка «Союза борцов за свободу и демократию» (центральная организация ветеранов войны), где вдохновителями событий названы американский империализм, западногерманский реваншизм и международный сионизм;

— агентство ПАП сообщает об освобождении с высоких постов в государственной администрации родителей участников студенческих демонстраций; в списках уволенных преобладают еврейские фамилии.

14 марта:

— демонстрации в Кракове, Торуне, Катовице и Щецине; студенты Вроцлавского университета начинают забастовку, поддержанную университетским руководством во главе с ректором Альфредом Яном.

15 марта:

— продолжается частичный бойкот занятий в варшавских вузах;

— в Катовице и Гданьске дело доходит до уличных столкновений и жестокой милицейской расправы.

16 марта:

— завершение 48-часовой забастовки (с захватом помещений) студентов вроцлавских вузов.

18 марта:

— на комбинате «Урсус» рабочих согнали на митинг под лозунгами: «Сионисты — к Даяну» и «Антисемитизму — нет, антисионизму — да»;

— завершение предупредительной забастовки в Варшавском университете.

19 марта:

— студенческий митинг и уличные демонстрации в Лодзи.

— на встрече с варшавским партийным активом в Зале съездов Гомулка возлагает ответственность за последние события на ревизионистов и антисоциалистически настроенных писателей и интеллигенцию.

день после того, как вы эмигрируете в Москву». Я не хотел позволить им заткнуть мне рот. Пожалуйста, меня можно отдубасить, посадить в тюрьму, но только за то, что я сделал, а не за то, в какую категорию меня определили эти бандиты из госбезопасности. Я считал, что наши доморощенные фашиствующие коммунисты вроде генерала Мочара и его дружков уже держат в руке кнут, что они уже выиграли. И, знаешь, я чувствовал себя человеком окончательно решившимся. Ладно, они выиграли, но я не сдамся. У них власть, сила, наручники, а у меня моя правота.

После выхода из тюрьмы я пошел в бюро по трудоустройству и получил место рабочего на электроламповом заводе им. Розы Люксембург. Как ты помнишь, тогда был социализм, а при социализме правящий класс — рабочие... Короче говоря, я тогда впервые дорвался до власти. А ведь я был ребенком из интеллигентской семьи, вращался в интеллигентских кругах, потом был студентом. Там люди не знают рабочей среды, я же познал ее. Мне кажется, что впоследствии я многое неплохо понимал и имел неплохой контакт с людьми, когда приезжал на митинги и собрания на предприятиях. Это как раз благодаря тому, что за два года меня в наказание наградили такими знаниями, каких я не почерпнул бы ни из одной книги.

Кшиштоф Топольский, бизнесмен:

Сознание того, что я еврей, пробудил во мне март. Внезапно я оказался главным польским сионистом. У меня был, пожалуй, самый антисемитский процесс во всей Польше. Когда меня впервые привели в карцер, представь себе, как я был напуган: тут какой-то хулиган рядом воет, холодно, черт-те что творится. Ты приходишь с воли, тебе жаль твоей молодости, ни черта не понятно. В эту первую ночь в карцере я был так перепуган, что вызови меня какой-нибудь разумный следователь на допрос, пообещай мне свободу и вообще... что он вернет меня к папе с мамой и что мне будет хорошо и тепло, то я с перепугу... не хочу и думать, что было бы дальше. А потом человек укрепляется, потом оказывается, что все это — раз плюнуть. Потом они меня могли бы хоть год в этом карцере держать и... пошли они куда подальше. Я познал какую-то другую сторону жизни, понял, где дно, а где верхушка...

Позднее, в Стшельцах-Опольских, я вместе с двумя другими заключенными занимался производством спиртного, и дело у нас шло хоть куда. Никогда в жизни мне не пилося так хорошо, как в тюрьме в Стшельцах. Там я и профессию получил: написал экзамены на аттестат зрелости нескольким вертухаям и был назначен мастером контроля за производством обуви — мы там обувь делали...

Ирена Грудзинская-Гросс:

Я была этим демонстрациям очень рада и психологически подготовилась... спать не могла. А в ту ночь не спала, потому что боялась: боялась, что будет, если мой отец узнает о демонстрации. И где-то около пяти... или шести утра... я хотела выйти из дому и не успела. Потому что приблизительно в четверть седьмого отцу позвонил кто-то из ЦК и рассказал обо всем. А я все слышала.. лежала в постели и слышала, как отец разговаривает по телефону. Отец ужаснулся и решил не выпускать меня из дому. Я была в состоянии полного отчаяния... такого отчаяния, что... до сих пор это одна из вещей, которые мне снятся. И, что любопытно, в снах я воспринимаю все это не как вину отца (хотя, когда я размышляю об этом, мне кажется, что он совершил ужасную ошибку), а как свою собственную вину. Так, будто я могла выйти и не вышла.

10-го меня арестовали, и с тех пор во мне осталась страшная горечь, потому что потом демонстраций в Варшаве уже не было... Меня арестовали 10-го, т.е. до того, как начались следующие манифестации. Так что в принципе этот март я пропустила.

Ян Литынский:

В тюрьме человека охватывает чувство потери времени — ведь там, снаружи, что-то происходит. А тут ты не встречаешься с друзьями, нет женщин, девушек. Но меня это чувство мобилизовало. На свободе я никогда не мог заставить себя работать так, как в тюрьме. После освобождения... было ощущение поражения, полного краха. Да еще эти уезжающие, эмиграция. Я еще встретил нескольких людей, сидевших на чемоданах. Такое сиротливое чувство... После марта очень быстро образовалась пустота. Но в каком-то смысле она заполнилась. Домартовскую среду удалось восстановить, но как бы на более высоком уровне. До тюрьмы интеллектуальные круги Варшавы смотрели на нас как на молокососов, лезущих не в свое дело. После марта наша позиция в обществе вдруг сильно упрочилась.

Виктор Ворошильский, поэт:

Начала возникать новая оппозиционная среда, в которой были и литераторы, и студенты или бывшие студенты. И дальше.. в начале 70-х, году в 72-73-м, мы уже многое делали вместе. Например, из этого выросла независимая печать и издательства. Так что без марта оппозиция 70-х выглядела бы иначе. Сейчас это очевидно. А без оппозиции 70-х не было бы и 80-го года.

Листовка бастующих студентов
с призывом варшавянам:
«Не покидайте нас ночью»

KARZĄCZYSTKI III
POLITYCZNIKA WSTĘPA NA PODROŻNI
W ramach Strajkowania Wykazano obywateli państwa, którzy, w celu, iż
mógłby wyrażać się w ten sposób, w celu obywateli, którzy obywateli
wykazano, a o obywateli, którzy w ten sposób wyrażają się.

NIE OPISZCZAJCIE NAS W NOCY

21 марта:

— начинается забастовка с захватом помещений в Варшавском политехническом институте; жители Варшавы демонстративно оказывают поддержку студентам, приносят им еду и цветы;

— заседание епископата Польши; в письме, направленном премьер-министру Циранкевичу, участники заседания требуют освободить арестованных студентов, прекратить жестокости при разгонах демонстраций и во время следствия, оказать влияние на прессу, чтобы дезинформация не раздражала молодежь и общественность.

22-23 марта:

— под угрозой насильственного усмирения и закрытия Варшавского политехнического института забастовка здесь прекращена.

23 марта:

— студенты, собравшиеся в Большой аудитории Варшавского университета, направили Гомулке письмо, добиваясь выполнения требований, сформулированных студентами всех вузов.

24 марта:

— уличные столкновения в Новой Гуте, милиция применила дубинки и использовала собак;

— статьи официальных публицистов Махеека, Кура и Конколя, доказывающих, что в стране готовился «сионистский государственный переворот».

25 марта:

— из Варшавского университета уволены преподаватели, ставшие на сторону студентов.

30 марта:

— ректор Варшавского университета закрыл особо строптивые факультеты, в частности философский и экономический; митинг во дворе Варшавского университета с участием около двух тысяч человек, протестующих против увольнения преподавателей

10 апреля:

— на заседании Сейма премьер-министр Циранкевич ответил на запрос депутатской католической группы «Знак» от 11 марта, обвинив «Знак» в том, что тот стал «на сторону тех сионистских и ревизионистских элементов, которые вдохновили и организовали провокацию, направленную на нарушение спокойствия нашей родины».

26 июня:

— из вроцлавских вузов исключены 47 студентов и уволены 30 преподавателей (в том числе ректор университета Альфред Ян) за «участие в мартовских событиях».

27 июня:

— отчет замминистра просвещения и высшего образования о выводах, сделанных в отношении участников студенческих протестов: в частности, задержано 2730 человек, прокуратура открыла дела на 900 человек, дисциплинарные меры приняты в отношении 424 студентов.

Июль:

— усилилась волна эмиграции из Польши (начавшаяся после июня 1967 г.) тех, кому приписали еврейское происхождение, не давая возможности нормально существовать;

— 8-10 июля состоялся XII пленум ЦК ПОРП, который принято считать завершившим этап резкой антисемитской и антиинтеллигентской кампании.

7 ноября:

— варшавская пресса сообщает об исключении из партии более 230 тысяч человек.

14 ноября:

— первый приговор по делу участников мартовских событий: Юзеф Дайчгеванд приговорен к двум с половиной, Славомир Кретковский — к полутора годам лишения свободы.

Декабрь:

— приговоры на процессах студентов: Ян Литынский приговорен к двум с половиной годам, Северин Блумштайн — к двум. Дальнейшие приговоры в «мартовских» процессах были вынесены в 1969 году.

*Материал подготовила
Катажина Мадонь*

Март 1968 г.
Отряды милиции
возле здания
Варшавского
университета

Христиан Скшипощек, писатель:

Пожалуй, мой личный опыт можно было бы свести к образу ребенка, который... хоть и знает, что отец добродушен, и грубоват, и вообще не очень-то умен, но принимает слишком близко к сердцу общепринятое понимание сыновней любви. В один прекрасный день этот ребенок внезапно срывает с отца забрало, а оттуда щерится лицо бандита. Когда произошли эти события, я должен был все внутри себя переиначить, потому что события эти были так радикальны, что невозможно было поддерживать в себе тот образ мира, который вбивали нам в голову с детства вплоть до студенческих лет. Для меня, например, это означало, что я должен распрощаться со всеми своими литературными мечтаньями, по существу расположенными в метафизической плоскости, и обратиться к политической литературе. Март можно рассматривать, ограничиваясь национальной культурой: и здесь, и, скажем, во Франции, и в Калифорнии, и во многих других странах, — и тогда в нем выходят на первый план эти политические акценты. А можно взглянуть на него с перспективы более глобальной, где он становится проводником сознания. Этот год ознаменовался выступлением против устоявшихся авторитетов, узурпировавших право выносить приговор на основании культурных традиций, причем так, что это как бы ограничивает свободу каждой личности.

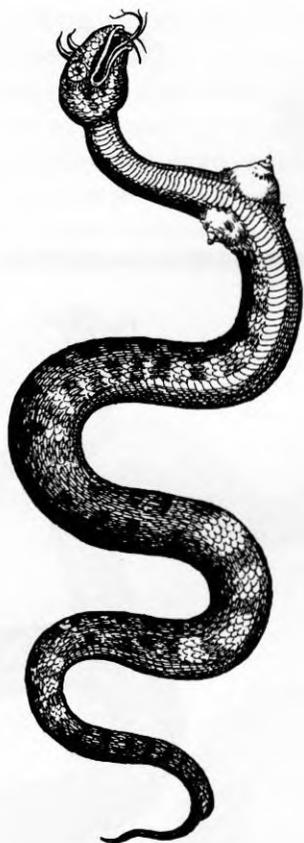
11 марта 1968 г.
Милиция разгоняет
участников
демонстрации перед
зданием
варшавского
Политехнического
института

Марцин Баран

Перевод
Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

СМИРЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Равнины, полные рек и ветра,
сосен, рыжих от солнца, выгоревшей травы,
колдовские просторы земного изгнания,
превращённые в тюрьмы без решёток и стен.

Жестокость прошлого становится ничем,
насилие мягко уходит и возвращается
следуя ритму времён года,
расплетая морщины на стареющих лицах.

Лешек Шаруга

МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ИДЕЕЙ

Одним из главных упреков молодой поэзии на переломе 80-90-х было отсутствие у нее «ангажированности» в злободневные дела. Это, однако, было правдой лишь частично — поэзия эта изначально была «ангажирована», только не традиционным способом. Самая активная группировка дебютантов второй половины 80-х, которая была связана с краков-

1986

ским подпольным журналом «бруЛьон» («черНовик»), оказалась в чрезвычайно невыгодном положении: с одной стороны, она отвергала язык официальной идеологии, с другой — не умела и не хотела согласиться с языком антикоммунистической оппозиции, считая его своего рода «негативом» языка властей. Эти поэты отвергли оба «больших повествовательных стиля» прошлого — тоталитарный и возникавший в противостоянии ему оппозиционный.

Позиция «между», а скорее даже «над» этими двумя монологами была причиной того, что литература круга «бруЛьона» и других групп этого поколения была полна иронии и сарказма. Как раз тогда Марцин Светлицкий (которого мы уже представляли на наших страницах) писал, что мир, каким он оказывается после 1989-го, — это «концентрационный сад».

Может быть, наиболее характерным высказыванием того времени было общее стихотворение Марцина Барана, Марцина Сендецкого и Марцина Светлицкого, обращенное к дружественному им критику и поэту старшего поколения Юлиану Корнхаузеру: *«Написали б мы стихи / Полные неплохих идей / Или хоть каких-нибудь. / Но, дорогой Юлиан, / Ни одна не стоит за окном. / Да, за окном идей ни хрена»*. Это была, разумеется, провокация, направленная как против прямого адресата стиха, так

А ВОТ И ЗАВТРА

А вот и завтра —
просыпается бодрячком,
хоть и чуток с похмелья

А вот и завтра —
бреется, принимает душ,
чтоб расправить лицо

А вот и завтра —
жарит яичницу с ветчиной,
варит дьявольски крепкий кофе

(Вчера,
как безумное, вскакивает в одежде,
не понимая, куда его занесло)

А вот и завтра —
небрежно повязывает галстук,
подобранный под цвет ресниц и белья

А вот и завтра —
осматривает новый офис, проверяет
форму кубиков льда в морозилке

А вот и завтра —
откинувшись в кресле, с удовольствием
смотрится в зеркальце молитвы, ещё не бывшей
в употреблении

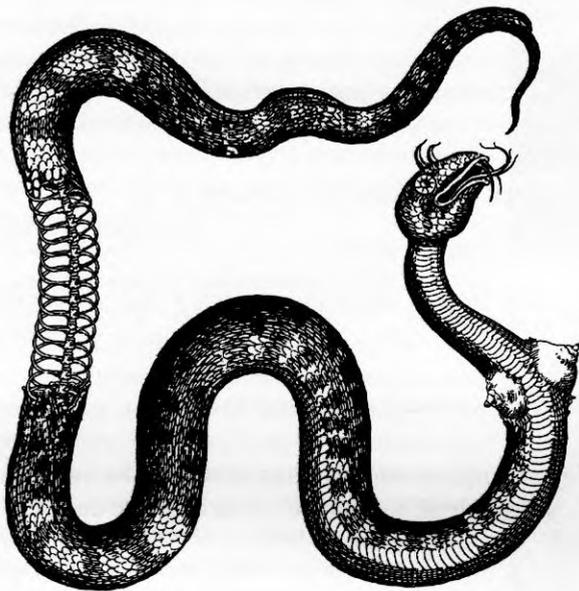

(Вчера
кряхтя сползает с лежанки, суёт голову
под кран с холодной водой — крана с горячей нету)

А вот и завтра —
соображает, как бы ему задобрить вчера,
но вчера,
содрогаясь в холодном поту,
уже взбирается по лестнице, вытаскивает ствол
тридцать восьмого калибра, входит,
стреляет не помня себя
и убивает завтра —
кто знает, может, и насмерть

1996

КОПТСКАЯ НАДПИСЬ

Да будет благословенно убывание плоти;
то, что несовершенно, благодаря ему — гибнет.
А то, что существует над скалой времени — вечно
подвергается пробе бездействия и деянья.

1995

и против читательской публики, особенно той, которой была близка господствующая в Польше — хотя уже в то время, в начале 90-х, подвергнутая сомнению — романтическая парадигма.

Марцин Баран (р.1963) — несомненно, один из самых значительных поэтов того поколения. Он дебютировал сборником «Замешательство» (1990). В своих произведениях он принимает мир таким, каков он есть, — в стихотворении «Вместо» мы читаем:

«Принять враждебность сердец, недоброжелательность улиц. / Мир таков, каким должен быть, ибо он есть».

Именно этот мир он выбирает предметом своего изучения:

«подглядыванье было моим намерением / и трудом», — пишет он в «Плаче». Но одновременно в пространной поэме «Бог знает что» (2000) он вступает в поэтическую игру с миром, не чуждающуюся выдумок и приемов *pure-nonsense*, построенных на лингвистических парадоксах:

«Ведь это все от мышления. / Я мыслю, следовательно, я выдумываю? / Бог знает что». Языковая энергия равно использует здесь поэтику как афоризма («Кто за смертную казнь — руки вверх!»), так и литературоведческого трактата. Калам-

бур, гротеск, парадокс, автоирония, нагроможденные и смешанные друг с другом, создают динамику повествования, заводящего в мир преобразенных цитат, пародий и пастишей.

Его ритм изломан произвольными выкриками. Но это не только поэтическая шалость — это попытка помериться силами с миром и литературой, с миром литературы и мировой литературой. Баран компрометирует устойчивые точки отсчета, он строит повествование, смешивающее сиюминутность с тем, что универсально, сталкивающее друг с другом разные, до некоторой степени равноправные порядки познания. Без сомнения, это поэзия, вопрошающая устоявшиеся основы, призывающая к постоянно обновляемому усилию переистолкования традиционного образа мира и литературы.

Уважение к подробности, забота о детали не заслоняют панорамы целостного человеческого опыта. Вместе с тем это всегда опыт индивидуальный, отмеченный личной восприимчивостью, — стихи компрометируют «видимость неизменности жизни». Эта поэзия отбрасывает «идеи» в пользу «реалий», что, однако, не означает, что она подвергает сомнению трансцендентный мир ценностей. Она смиряется перед опытом, но остается постоянно обновляемым уроком познания.

СОСНОВЕЦ — КАК ЖЕНЩИНА

В городах наших нет строителей, нет высоченных
башен, нет садов с цветниками.

Их едва подымает над тлеющим снегом гонимая ветром
пыль.

Зато они на удивление прочны, и их населяют созданья
яростной жизни.

По берегам каналов пыль въедается в стекла разбитых
бутылок.

На огородных участках, в свинцовом тепле произрастают
морковь и осот.

Надо же нам любить — вот мы и любим свои города.
(Даже их жирных котов.)

Трудно любить, хоть мы и не знаем чудных
римских рассветов.

Не потому мы любим заурядность, что у нас утончённый
вкус, а потому что она — под рукой.

Ведь любить — значит соприкоснуться.

Как любят женщину, которой для того, чтобы быть
женщиной, не нужно ничего кроме самой себя.

1990

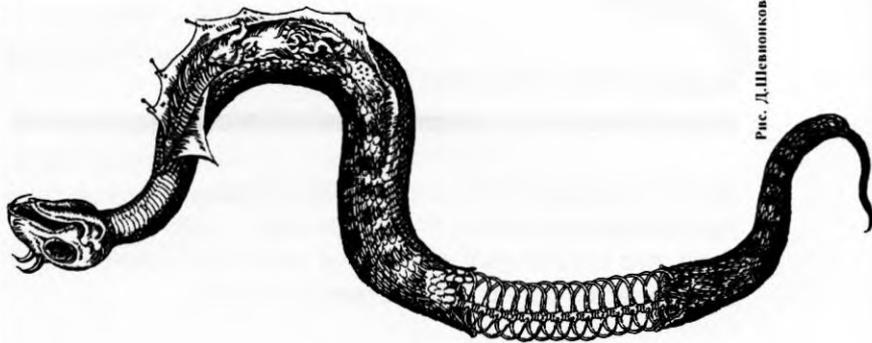

Рис. Д. Шевченко-Киевчелов

Збигнев Флорчак

Я ВЫШЕЛ ИЗ «ЗАХЕНТЫ»* ПОТЯСЕННЫЙ

Однажды я подслушал разговор, в котором был поставлен вопрос: а так ли уж хороши поляки в изобразительных искусствах — не брала ли у нас всегда верх литература? Возможно, в такой постановке вопроса есть что-то ошибочное, но задуматься он заставляет.

В 1857 г. в эмигрантских «Вядомостях польских» Юлиан Клячко, знаменитый публицист того времени, печатавшийся в Париже, неосторожно написал: «Дар ваяния и живописи есть счастливый и почти исключительный удел Эллады и Италии, мы же, славяне, — мы мастера слова и только таковыми можем быть». Эти слова вызвали бурю. Лишь в 1880-х на них откликнулся пользовавшийся величайшим авторитетом Станислав Виткевич, художник, но в первую очередь писатель и критик; а тогда в польском искусстве, особенно на территории Австро-Венгрии, где угнетение поляков было мягче всего, происходило все больше интересных вещей. «У всех рас и на всех ступенях развития, — писал Виткевич, — искусство существует как искреннее, непосредственное, самостоятельное умственное проявление, как совершенно необходимый элемент человеческой жизни». Дискуссия была страстной, никого не оставляла безучастным, ибо затрагивала вопрос национального самосознания, столь чувствительный в условиях национального угнетения.

И вот теперь обширную панораму искусства, выставленную в «Захенте», можно счесть неумышленным отголоском давнего спора. Полтораста с лишним работ (одних только картин — 120) самых выдающихся художников последних десятилетий XIX века и начала XX-го представляют по крайней мере два поколения. Экспозиция горизонтальная и просторная. Ее смотришь, словно пейзаж с лесом, постройками, сетью дорог между полями и горным хребтом на горизонте. Как пересказать пейзаж? Невозможно. Однако и в пейзаже есть какое-то господствующее выражение. Доминанта выставки — очевидная сила изобразительных талантов, их разнородность, суммирующаяся гениальность этих поколений. Клячко получил выразительный ответ.

Подлинная аристократия живописцев выступает в салонах здания «Захенты» (Товарищества поощрения изящных искусств), которое насчитывает 102 года. Визитная карточка этого форума — воспроизведенная на пригласительных билетах знаменитая картина Яцека Мальчевского «Заколдованный круг» (1897), эпиграфический синтез национальной судьбы. На верхушке

Витольд Войткевич. «Разорванные оковы», 1905

* «Захента» («Поощрение») - название государственной картинной галереи в Варшаве

Витольд Войткевич. «Двое детей», 1904

двойной лестницы сидит задумавшийся юноша, вокруг него кружится хоровод весьма телесных привидений. Глядя на картину, не думаешь об аллегории — поражает мощь безумного воображения. Эту картину во многом упрекали — в частности, что она живописно замучена, слишком программна. Это не меняет ощущения, что никто так, как Мальчевский, не умел изобразить человеческое тело, охваченное движением. Страстное звучание красок: коричневых с седыми тонами вплоть до подавленного темно-серого — в сочетании с

динамикой общей выразительности складывается в сюиту «*affettuoso e con agitazione*». «Заколдованный круг» отлично выполняет роль увертюры ко всей выставке, богатство которой, не только живописное, но и идейное, брызжет через край. Картина позволяет понять и те произведения, которым не нашлось места в этом «избранном», носящем характер квинтэссенции.

От Мальчевского одновременно идет одна из ведущих линий выставки — линия пейзажа. На моем факультете изящных искусств в довоенном Виленском университете профессор Александр Штурман, уже старичок, полурусский, полунемец и целиком поляк, поучал меня в личной беседе: «К Яцеку прицепляются: он, мол, этакий символистский болтун. Но посмотри внимательней хотя бы на так называемые дальние планы, где блуждают его химеры. Какая нежность сельского пейзажа! Тянется лирическая пряжа по белизне преломленных коричневых красок, по зелени, по седым и лиловым тонам. По ржаным нивам проскальзывает дымка розового... Легкое живописное мастерство, поддерживаемое великой любовью к земле, где он жил и без передышки работал».

От себя я добавил бы, что и в пейзажном фоне, и в своих театрально позирующих фигурах Мальчевский применял краски абстрактно, что подтверждает его масштаб. Тогдашние художники, еще не до конца избавившиеся от иерархии тем («великих» и «малых»), сравнительно редко решались признать в том, что пейзаж — их призвание. Юзеф Хелмонский, который в Париже восхищал своими разогнавшимися упряжками, был не в меньшей степени певцом разливов, лугов, затянутых туманом мазовецких равнин. Леон Вычулковский, всесторонний мастер, жадно писал Татры. В противоположность своим коллегам, Вычулковский жил долго, работая до конца, экспериментируя (под конец он оставил роскошную цветовую гамму ради «черно-белого изображения»); он говорил, что хочет умереть, как чайка, подстреленная в лет, и сдержал слово. У Войцеха Вейса, обращавшего свою восприимчивость и любопытство в самые разные стороны, в том числе и к экзистенциальным мотивам, почти в каждой композиции есть глубоко прочувствованный пейзаж. В отборе этих эпических синтезов земли и неба с клубящимися тучами не хватило места самому выдающемуся живописцу восточных окраин Польши — Фердинанду Рушицу. Программным и тотальным пейзажистом в то время был один только Ян Станиславский, виртуоз малого формата. Не имея гроша за душой, он послал свои картинки в Париж, наклеив их на упаковочную бумагу, — и получил золотую медаль. Поэт Зенон Пшесмыцкий, издатель модернистской «Химеры», назвал потом эти картинки Станиславского «большими окнами в природу».

Это было время, когда импрессионизм уже правил во Франции и начинал свое господство во всей Европе (и Америке). А у нас? В одном радиointerview, уже после войны, престарелый ректор Академии Войцех Вейс сказал: «Импрессионизм возник бы у нас и без Франции — эти идеи носились в

воздухе. Еще в студенческие годы мы грезил о солнечном свете. Один из наших коллег, Яроцкий, ходил по Кракову с этюдником и регистрировал солнце. Мы шутили, что он ловит свет в решето». Вычулковский на склонах дней, особенно в картинах, написанных на Украине, тоже ловил импрессионистски проанализированный свет, используя резкие розовые и желтые

Тадеш Рибекер. «Вороны», 1906

цветами, синим подчеркивая богатство теней. Но только Юзеф Панкевич и Владислав Подковинский вернулись в Польшу, всерьез освоив импрессионизм во Франции. Подковинский недолго держался французского «камертона». На выставке люди толпятся перед его огромным «чувственным» холстом «Безумие»: обнаженная женщина на вороном коне, подымаемая на дыбы. Картина хорошо вводит в декадентские настроения, как пишут историки, но между нами говоря — это совершенный китч.

Все, что вмещается в понятие декадентства, нашло свое положенное место в польском модернизме. «Конец века» возносил искусство на трон, наделял его метафизическими полномочиями. Это видно даже в пейзажах: «Лучистый закат» — вопреки радостному названию, катастрофический образ мира пустого, без Бога. Драматические небеса интриговали не только у Рушица, но и у образцового пейзажиста Станиславского. Виды Татр Вычулковского, несмотря на его подлинную влюбленность в тревожную красоту гор, выражали — как бы мимоходом — меланхолию, их называли «пейзажами души». Мода управляет нами в любую эпоху, на любой стадии культуры. Тогда это соответствовало формулировке Амьеля «l'état d'âme», немецким «Gemütszustand» и «Stimmung». Из Вены распространяется Сецессион [венский стиль модерн], в Петербурге создается «Мир искусства» (хотя одновременно Толстой выступает со скептическим «Что такое искусство?»).

Термин «Stimmung» в значении настроения употреблялся до злоупотребления, в соответствии со своей бурной природой, Александр Герымский, большой талант в оправе угнетенной психики. Ему насильственно приклеили школьную этикетку «реалиста». Его реализм — это привидение для запугивания старых бабок и манна небесная для бюрократов. Истинная, то есть хорошая, живопись, всегда озаменована, а по-своему и извращена индивидуальностью художника. Депрессивные склонности Герымского повелевали ему неустанно поправлять, переписывать, перемещать детали и замучивать холст. «Оттуда торчали сосульки красок, истинные сталагмиты, Герымский смеялся: придется, мол, вызывать столяров с рубанками, одалживать утюг». Я при-

POLNISCHE AUSSTELLUNG
"SZTVKA"

HAGENBÜND: 9.6VHR.1.K

Плакат берлинской выставки Товарищества краковских художников «Штука» («Искусство»)

вою фрагмент из длинного и необыкновенно прекрасного эссе Станислава Виткевича. Много мелких, но неоценимых заметок о своих коллегах рассеивал в разговорах Леон Вычулковский. Например, о Герымском он говорил: «Необычайные краски в «Беседке» Герымского, солнечный свет скользит по

Станислав Вышнянский. «Растения на рассвете», 1894

ней. Лакей на этой картине слишком маленький, и я сказал об этом Герымскому. А он отвечает: «Слуга и должен быть меньше!» Он все анализировал, каждую работу писал с пеной на губах. Говорил, говорил и говорил. Истерзанные картины!»

Ничего себе «реалист»! На выставке нет лучших вещей Герымского, таких, как знаменитая «Беседка», как «Трубы». Есть парижский ночной пейзаж,

выразительно свидетельствующий о классе его создателя.

Я говорил о генеральных линиях связанных друг с другом художников, о векторах, проходящих внутри экспозиции — скажем: в ее сути. Одним из этих векторов будет портретная живопись. Почти каждый из вышеназванных художников мастерски писал портреты: и Яцек Мальчевский (например, поразительный «Автопортрет в белом»), и тот же Вычулковский, в этом жанре экстраординарный. Но что в таком случае остается сказать о портретистах как таковых — по программной установке или скорее по порыву души, — какими были, возьмем два крупных примера, Конрад Кшижановский и

Станислав Вышнянский. иллюстрация к «Падению», 1896

работавшая в Париже Ольга Бознанская. Многие ее полотна хранятся в Польской библиотеке в Париже (где сейчас происходит давно необходимый ремонт). Отшельница, она достигала несравненных красочных гармоний в гамме серого, при этом применяла что-то вроде туманной завесы, как бы замазанного оконного стекла, извлекая тем самым с самого дна душевную правду модели Кшижановский был портретистом резким, нацеленным как бы на гротескную экспрессию, например, в портрете жены.

Об Адаме Хмелевском, брате Альберте, давно следовало бы написать книгу, достойную этой личности. Это опознавательный знак целой эпохи. Во время восстания [1863 года] 18-летний юноша потерял ногу, ему отнимали ее без обезболивания. В эмиграции он все время странствовал: Париж, Гент (где он учился на инженера), Мюнхен, где обучался живо-

писи. Замечания Вычулковского о нем выразительны как моментальные снимки: «Это был изящный человек: при простоте — во всем очарование ума!.. Об искусстве у него было понятие широкое. Он поучал: «Человек, нагруженный формой, идет как цирковой конь. Только искренность и простота важны». А в картинах — великая гармония и чрезвычайный цвет». И вот в один прекрасный день, в 1883 г., он бросил искусство и вступил в орден иезуитов, а потом сам основал нищенствующий орден альбертинцев. Канонизирован в 1989 году. Жеромский с любовью показывает его в эпилоге «Обращения Иуды». Теперь в «Захенте», кажется, выставлена только одна картина Хмелевского — «Кладбище в Италии» с кровавым закатом.

Недуг меланхолии — неизбежный мотив модернизма. Но в это включается насмешка, ирония, юмор — без этого жизнь общества никогда не обходится. Тогда в Кракове до упаду смешило литературное кабаре «Зеленый воздушный шарик», с ним охотно сотрудничали живописцы и карикатуристы, в том числе замечательный Казимеж Сихульский. Смех, смешанный с трагическим, дает опасную форму высказывания — гротеск. Здесь-то и лежит область такой особой личности, как Витольд Войткевич, принадлежавший к младшему поколению (родился в 1879 г.). Он автор проникновенных рисунков пером и картин малого формата. Руководимый инстинктом открывателя, он воспользовался формами мнимо-наивного мира детей. Его «Крестовые походы детей», «Похищения», куклы, кони на колесиках и рыцари в бумажных шлемах производят сенсационное впечатление. Мир сказки, горькой как полынь! Ибо это творчество располагается на одной из главных конструктивных линий выставки — там, где отражена горечь коллективного сознания в «клубах» трех держав-захватчиц. Обстоятельство, с точки зрения современной эстетики, пожалуй, неприемлемое, а для тех поколений — само собой разумеющееся. На Всемирной выставке 1900 г. в Париже девять художников (Аксентович, Бознанская, Вейс, Выспанский, Мальчевский, Мехоффер, Панкевич, Станиславский, Тетмайер) были выставлены в четырех разных павильонах: Австрии, Германии, России и Франции!

Войткевич, настроенный на спор со всеми, иначе толковал этот идейный груз, доказательством чему служит все его творчество: например, маски из «Шествия» или «Порванные кандалы». Он вступает в резкий диалектический спор с патриотической приподнятостью Матейко или Артура Гротгера (картины из «Литуании» Гротгера открывают выставку в «Захенте»).

Станислав Выспянский, «Аполлон и Мельпомена», 1896

Здзишув Яндзейевич, «Абсент», 1890

Яцек Мальчевский. «Художник и химера», центральная часть триптиха «Искусство», 1906

Однако это не пародия — слишком горьким был весь этот вопрос, — у Войткевича это художественно прекрасный контрапункт. Но вопрос далеко не исчерпан.

Станислав Выспянский, который был старше его на десять лет, с жизненно обновленной силой поднял патриотическую идею Польши. Она кристаллизуется в поразительно разнородном творчестве: драмах и рапсодиях, проектах и витражах, фресках, картинах и чудесных пастелях. Безмерное сожаление охватывает нас при мысли, что этому богатству, этой беспрецедентной творческой энергии предстояло осуществляться всего десять лет: в 38 лет Выспянский умер. В своем великом театре, соединяя слово и образ (он сам делал эскизы костюмов и декораций), Выспянский производит своего рода повторение, регенерированное современными ему художественными средствами, проповед-

ничества своего учителя Матейко и романтических поэтов — Мицкевича и Словацкого. В «Свадьбе» и «Освобождении» (всего он написал 17 драм) он вновь встревожил национальную совесть и память. Он находил время и на то, чтобы реформаторски заниматься типографским делом, проектировать мебель, преподавать в Академии декоративную и церковную живопись. А из окна своей мастерской — писать воистину чудесные пастельные пейзажи и портреты, в том числе трогательные изображения детей. В его пастелях, в иллюстрациях к «Илиаде» ярко виден дух Сецессиона и урок синтетизма парижских «набидов»; но и здесь эту орнаментальную извилистую линию Выспянский обновлял в своем собственном стиле. Его мощное воображение все превращало в зрительный образ, и всю сферу искусств, включая поэзию, он охватывал зрительным синтезом...

Выставка носит название загадочное (особенно для иностранцев, а до «Захенты» она несколько месяцев экспонировалась в брюссельском Дворце изящных искусств), заимствованное у Жеромского, — «Канун весны», как называется его роман. Это название внушает предположение, что вместе с уже недалеким обретением своего государства искусство будет освобождено от обязанности рассматривать судьбы нации. И что оно сможет овладеть языком нескованных форм, издавна функционирующим на Западе. Зал, посвященный Станиславу Игнацию Виткевичу — Виткацию, в рамках этого замысла составляет как бы «прихожую» к следующей фазе. Столь же всесторонний, как Выспянский, живописец, фотограф-экспериментатор, писатель, философ, теоретик искусства, Виткаций выглядит демонстративной антитезой автору «Освобождения». Я не уверен, так ли оно было на самом деле. Наверное, он был противоположностью Выспянскому на уровне используемых средств и тональности. Он ненавидел всякую возвышенность, измывался над любым канонем. Его ведущей идеей была Чистая Форма. Он писал картины и коварные портреты, писал необычайные по форме и содержанию театральные пьесы... Шутействовал перед объективом фотоаппарата. Все это правда, но под этой цирковой пародийной оболочкой была онтологическая почва, в высшей степени глубоко и серьезно страдальческая. Настоящая **НЕНАСЫТИМОСТЬ**, пользуясь заглавием его романа. Выспянский и Виткаций — это противоположность тональности и средств, но та же сердечная кровь одной культуры.

Быть может, в этих заметках я не сумел рассказать обо всем поровну... В «Захенте» есть еще и скульптуры, в том числе самые выдающиеся — работы Ксаверия Дуниковского. Они пополняют наше представление о размахе и жанре гения того периода. У меня есть на этот счет мнение, которого критики обычно не разделяют. Думаю, что именно комплексы — и жажда их удовлетворения — вознесли это творчество на такую высоту, которая никогда после у нас уже не была достигнута.

Дорота Ярецкая

НОВОЕ РУССКОЕ ИСКУССТВО В ВАРШАВСКОЙ «ЗАХЕНТЕ»

**Насмешливое отношение
к собственной культуре сталкивается со странной
академической живописью**

Новейшее русское искусство показывают в Польше не впервые, но на каждой выставке нам открывается ее новый облик. Центр современного искусства в Варшаве в последнее десятилетие приглашал в Польшу художников со славными именами, чьи позиции в России и во всем мире уже давно прочны.

Нам посчастливилось увидеть, например, выставки Ильи Кабакова, Комара и Меламида, Олега Кулика.

НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛИСТЫ

В «Захенте» мы не встречаемся с этими художниками, и очень хорошо — выставка скорее открывает нам новые земли (рядом с художниками из Москвы и Петербурга выступают и многочисленные сибиряки), делает попытку обратиться к художникам младшего поколения, еще не таким громким, хотя, как говорит автор замысла выставки Магдалена Кардаш, все уже проложили свои тропинки в художественном мире Запада. Например, Ольга Чернышева, которая показывает в «Захенте» цикл фотографий подмосковных дач под названием «Улица сна», в прошлом году участвовала в венецианском Бьеннале.

Образ русского искусства, представленный в «Захенте» — многоцветный, неоднородный, однако, доминирующая стилистика — это концептуализм. Он имеет прочные традиции в русском искусстве, особенно московском: вышеназванные Кабаков, Комар и Меламид были уже в 70-е годы главными протагонистами этого направления в России.

Концептуализм пережил свое возрождение в начале 90-х, когда политические перемены и конфронтация с Западом вдохновили русских художников на новые темы. А поскольку как в России, так и на Западе концептуализм связан с критикой общества или с критикой культуры — при произвольности изобразительных средств, — то он великолепно подходит для комментирования злободневных тем.

В этом направлении работают, например, Анатолий Осмоловский из Москвы или же Андрей Хлобыстин из Петербурга, который показал в «Захенте» коллекцию бытовых предметов (от детских ползунков до кофейных сервизов), красных в белый горошек — популярный в советском и русском декоративном искусстве узор, вдохновленный шапкой мухомора.

КРИТИКА СВОЕГО

В новейшем русском художественном самовыражении можно заметить две позиции. Первая — это насмешливый, ироничный или критичный диалог с собственной культурой. Представляет ее не только Хлобыстин, но и другие петербургские художники. Ольга и Александр Флоренские создали дадаистический манекен, перекликающийся с традицией кунсткамер, так ценимых, скажем, Петром I. Сергей Денисов и Кирилл Шувалов представили фотографии фигурок, установленных на детских площадках.

Взятые в кадр на большом приближении, фигурки с двориков и скверов приобретают чудовищное выражение. Скорее пугая, чем забавляя, они дают представление об оборотной стороне советского и постсоветского эталона, сермяжного, дешевого и безвкусного.

В подобном духе творит и Антон Ольшванг: он роется в разных фотоателье, чтобы из отвергнутых клиентами нежеланных или неудачных отпечатков сложить портрет анонимного обывателя, живущего в специфической, деградировавшей постсоветской эстетике.

РОССИЯ И ЗАПАД

Другая позиция заключается в конфронтации собственной эстетики с произведениями искусства Запада. Из такой конфронтации возникают работы, которые в точности воспроизводят черты российской действительности. Петербургский автор Дмитрий Шубин показывает на фотографиях молодых девушек в их комнатах: девушки запечатлены за повседневными занятиями, в минуты задумчивости, размышления, с сигаретой или книжкой. Цикл фотографий называется «Extra Body». Этим «чужеродным телом», вкраплением, является видимая в каждом интерьере висящая на стене репродукция образчика современного американского искусства феминистического характера (Барбара Крюгер, Синди Шерман). Тема — стремление этих молодых женщин создать собственный образ женственности по образцу массовой культуры Запада (в круге их чтения виднеется русское издание журнала «Космополитен»), иной, нежели представленный в элитарном искусстве Запада, критически относящемся к популярной эстетике.

Подобный диалог можно найти в фотографиях Люды Горловой или Владислава Марнышева под псевдонимом Монро (нетрудно догадаться, какая американская актриса — излюбленная героиня его инсценированной фотографии).

АКАДЕМИЗМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Явление, которому нет аналога на Западе, — это петербургский неоклассицизм, оригинальное направление живописи, сформировавшееся в 90-е среди таких авторов, как Тимур Новиков, Олег Маслов или Виктор Кузнецов. Их картины апеллируют к академизму и фотографии, стилизованной под античные пасторали. Этот неоклассицизм пробивает брешь в довольно однородной постконцептуальной эстетике, представленной на выставке, и свидетельствует о том, что неумирающей чертой русского искусства остается также защита родного наследия любой ценой, даже ценой, как это происходит в случае с петербургским неоклассицизмом, обвинений в крайнем консерватизме.

Кшиштоф Бурнетко

ПОЛЬСКИЙ «НЬЮСУИК»

Newsweek

POLSKA

Слова «наш отечественный «Ньюсуик»» приобрели в польских средствах массовой информации характер мифа. Этот американский журнал брали (в той или иной мере) за образец серьезного и при этом интересного журнала почти все журналисты и издатели, намеревавшиеся после 1989 г. создать на польском рынке прессы новый информационно-аналитический еженедельник. Попыток было много. Одни издания так и не пошли дальше стадии подготовки, другие лопнули после выхода в свет нескольких номеров. Свои материальные очертания этот лозунг приобрел только тогда, когда за его осуществление взялся издатель американского «Ньюсуика» и известный концерн печати Акселя Шпрингера.

«Мы замахиваемся высоко, но наша цель предельно проста, — говорил Ричард М. Смит, главный редактор американского еженедельника, — как можно лучше сочетать то, что «Ньюсуик» пишет о мире, с высококачественным описанием событий, новых тенденций, направлений развития и людей, которые формируют сегодняшний облик Польши».

Осуществление проекта возглавил Томаш Врублевский, до этого многолетний корреспондент крупнейшей польской коммерческой радиостанции RMF FM в Вашингтоне и журналист еженедельника «Впрост», для которого «Ньюсуик» мог стать смертельно опасным конкурентом. Деятельность Врублевского породила целую бурю споров, так как он собрал вокруг себя шесть десятков журналистов, многих, в частности, переманив из лучших польских изданий (в том числе из «Газеты wyborczej», самой популярной ежедневной газеты). Их соблазнили, наверное, и марка издания, и крупные — даже по сравнению с головокружительными окладами на государственном телевидении и в женских журналах — заработки. «Ньюсуик-Польша» («Ньюсуик-Польска») — пятое иностранное детище американского журнала.

Подготовка продолжалась многие месяцы, одних только «нулевых номеров» (в Польше называемых «сухими») было подготовлено несколько десятков. Наконец в начале сентября прошлого года, после гигантской рекламной кампании, первый номер нового журнала вышел в свет. Наряду с интервью президента Квасневского в нем были, в частности, напечатаны воспоминания проработавшего много лет корреспондентом «Ньюсуика» в Варшаве (а потом в Москве) Эндрю Нагорского. Он вспоминает, как американское посольство в 70-80-е годы, когда доступа к западным изданиям практически не было, с помощью курьеров распространяло 500 экземпляров «Ньюсуика» среди представителей как оппозиции, так и коммунистической партийно-правительственной верхушки. И каждый из этих экземпляров уходил потом к следующим жаждущим свободного слова читателям. Подводя итог, Нагорский пишет: «Теперь «Ньюсуик-Польша» станет доступен куда более широкому кругу читателей, кото-

рых обслуживает весьма конкурентоспособная, динамичная журналистская среда. Этот шаг, как и все, что происходит в Польше, просчитан и редакционно, и с точки зрения маркетинга, как это происходит в любой свободной стране. Не надо забывать, что о подобного рода предприятии еще не так давно и помыслить было невозможно, и стоит задуматься над теми невероятными переменами, выразителем которых стал «Ньюсуик-Польша»».

Хотя часть коллег-журналистов и сочла дебют несколько разочаровывающим (возникало впечатление, что слишком много материалов взято из редакционных портфелей прошлых лет, отмечались также промахи при редактировании текстов), но журнал все равно сразу приобрел огромное для польских условий число читателей — 340 тысяч, пришлось даже допечатывать тираж.

Вскоре и этот рекорд был побит: когда после терактов 11 сентября в киосках уже 12 сентября появился (единственным из польских аналитических журналов) специальный номер «Ньюсуика», он разошелся тиражом больше 400 тысяч.

Потом в Польше прошли парламентские выборы. В «Ньюсуике» уже на следующий день можно было найти предварительные результаты, а репортажи с выборов заняли почти полномера. Это стало возможным не только благодаря тому, что работу над номером закончили далеко за полночь, но и потому, что заранее было подготовлено несколько вариантов текстов (на случай разных результатов и разной явки на выборы). И нет ничего удивительного, что продано было около 350 тыс. экземпляров.

Успех был достигнут не только за счет знаменитого названия, но и благодаря использованию испытанных методов. Например, «Ньюсуик-Польша» выходит, как и многие западные еженедельники, в понедельник, то есть на день-два раньше конкурентов (знаменательно, что вскоре и «Впрост» передвинул день своего выхода в свет). Журнал почти демонстративно заботится о том, чтобы не выглядеть связанным ни с каким политическим лагерем (в Польше это редкость, особенно ценная перед лицом нарастающей неприязни к политикам). В «Ньюсуике» вообще политика настолько, насколько это в Польше возможно, уступает место общественной тематике: журнал пишет на темы, которые, по мнению редакции, сегодня волнуют потенциальных читателей. Отсюда — подборки материалов о нравах, социальных тенденциях и проблемах, о здоровье, науке, спорте, о событиях в культуре (обычно — массовой). А если уж «Ньюсуик» пишет о политике, то вместо анализа перетасовок на партийной сцене, о чем так много говорится в других изданиях, он описывает истоки патологических явлений в жизни государства (коррупции, блага, кумовства), слабые места демократических механизмов (низкий уровень законодательства, демагогию и т.п.) или — в сфере экономики — закономерности, управляющие свободным рынком. Если говорить об освещении международной арены, тут, конечно, главный козырь журнала — то, что, кроме собственных репортеров, он может использовать корреспондентскую сеть и аналитиков американского «Ньюсуика». А это зачастую имена такого уровня, как Сэмюэль Хантингтон или Фрэнсис Фукуяма. В результате международные события освещаются с иной точки зрения, нежели в других изданиях, где Польша стоит в центре мироздания. Например, благодаря тому, что о политике Владимира Путина в «Ньюсуике» пишут американские комментаторы, польский читатель знакомится с иерархией целей, господствующей на международной арене, убеждается, что Польша не занимает на ней ключевого места, и получает суровый урок политического реализма.

К этому, естественно, прибавляется забота об оформлении журнала (фотографии, диаграммы, современная игра заголовками и другие приемы, хотя иногда журнал в этом перебирает).

Не приходится удивляться, что конкуренты испугались «Ньюсуика» — так, в двух самых влиятельных еженедельниках, «Политике» и «Впросте», была объявлена редакционная мобилизация: модернизировали оформление и перепрофилировали тематику. И правильно сделали: по продаже тиража новое издание уже на старте победило прежних «тяжеловесов». Правда, со временем разница сократилась (по последним данным, тиражи всех трех журналов сегодня сопоставимы), но борьба, несомненно, продолжается. Пока что «Ньюсуик» уступает конкурентам по крайней мере в одном: у него меньше прибыли от рекламы. Причина — в более низких ставках за рекламные объявления. Однако это стратегия столь же умышленная, сколь и временная. Так или иначе, а среди рекламодателей «Ньюсуика» уже появились богатые фирмы с известной маркой.

Об успехе польского издания «Ньюсуика» косвенным образом свидетельствует и то, что опытный и богатый концерн печати Х.Бауэра отказался от планов издавать в Польше свой общественно-политический еженедельник. Очевидно, немцы сочли, что «Ньюсуик» уже занял вакантное место в читательском спросе.

Разумеется, за полгода существования журнала в нем можно отыскать немало промахов. Вопреки заявлениям о том, что главное внимание придается качеству текстов, случаются статьи, плохо написанные или содержащие фактические ошибки. Заметна также разница между уровнем публицистики, перепечатываемой из американского «Ньюсуика», и плодами мысли некоторых отечественных авторов. Портит репутацию журнала и частая смена журналистов (причины ухода с работы вроде бы состоят, как сообщает отраслевой ежемесячный журнал «Пресс», в «тяжелой атмосфере в редакции, высоких темпах работы, частом вмешательстве главного редактора в тексты»). Появились и первые судебные иски к «Ньюсуику», что, правда, вообще профессиональный риск журналистики: журнал опубликовал доклад о распроданных в Польше трех миллионах бутылок водки с примесью метилового спирта (говорят, за операцией стояла мафия), и продажа подозрительных, а прежде весьма популярных марок немедленно упала, после чего владельцы подали в суд на редакцию.

«Есть ли в Польше место для еще одного еженедельника?» — спрашивал в первом номере журнала его главный редактор и признавался, что он вовсе в этом не уверен. Через полгода ясно, что место есть. И что знаменательно: исследования специалистов по прессе свидетельствуют, что новый еженедельник отнюдь не отобрал значительного числа читателей у своих конкурентов. Оказывается, основная масса читателей «Ньюсуика» — это люди, которые до сих пор разве что время от времени покупали информационно-аналитические журналы: главным образом студенты, средний класс, техническая интеллигенция, но прежде всего — молодые женщины. Может быть, это и есть самый большой успех польского «Ньюсуика».

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Публикация «Богословского трактата» Чеслава Милоша, по-видимому, указала одну из тех проблем, которые в последнее время начинают занимать главное место в польском мышлении о литературе и искусстве. Это вопрос взаимоотношений между искусством и религией, а также искусства и его отношения к традициям, к сформированной этими традициями системе ценностей. Дискуссия по этому вопросу многотемна и рассеяна по страницам разных изданий, однако в последнее время она, кажется, расширяется, причем одновременно повышается ее «градус». Один из важных в ней голосов — эссе Стефана Хвина, писателя и литературоведа, ставшего в последнее время широко известным, автора, в частности, романов «Ханеманн» и «Эстер». Эссе «Писатель и соблазны богословия» напечатано в «Плюс-минусе» (2002, №10), еженедельном культурном приложении к газете «Жечпосполита». В нем мы читаем:

«Когда несколько лет назад в беседе с журналисткой из швейцарской «Вельтвохе» я сказал, что, на мой взгляд, связь литературы с богословием повышает уровень литературы, моя собеседница почти не удивилась: «Мы на Западе это давно уже прошли. Бога нет, и все дела. Но не думаете ли вы в связи с этим, что наша литература, литература Запада, хуже вашей, не перестающей вертеться вокруг Бога?» Признаюсь, я не сумел дать на этот вопрос стопроцентно положительного ответа, который, понятное дело, должен был дать почти не задумываясь. Западная литература, например, проза таких писателей, как Воннегут, Грасс или Набоков, это, увы (?), очень хорошая литература, хотя вопрос бытия Божия в ней не поднимается. Таким образом, связь с богословием ничего в литературе не решает, не дает никаких гарантий. Но эта связь долгое время составляла силу польской романтической литературы, и, более того, эта связь, связь творческого воображения с более или менее утонченной богословской мыслью, когда-то (да и не так уж давно) лежала в основе мировоззрения многих поляков, твердо веривших, что Господь Бог принимает прямое участие в польской истории, а также — и это было, пожалуй, еще важнее — глубоко заинтересован в том, чтобы Польша, которая с конца XVIII века проявляла упорную (хоть и не по своей вине) склонность к дематериализации, прочно вернулась на карту мира как нерушимое эмпирическое бытие».

Спорными кажутся уже эти слова Хвина. Не до конца верно, а уж особенно в отношении последних десятилетий, что польская литература считала столь существенным вопрос связей с богословием. Не случайно же недавно на страницах быдгощского «Квартальника артистичного» (2001, №3) Чеслав Милош писал:

«Польша — вроде бы католическая страна, иногда это проявляется мощно, особенно в приезды Папы, но следы этого в литературе заметны слабо — судя по ней, можно даже прийти к выводу, что это страна агностиков. Писатели не любят поднимать религиозные темы, и это свидетельствует о том, что им недостает такого рода опыта, а также доказывает всеобщее равнодушие к этой сфере».

В этом диагнозе мало что меняет тот факт, что небольшая группа молодых писателей (Юзеф Курьяляк, Кшиштоф Келер, Войцех Венцель и некоторые другие) иногда прямо-таки демонстративно ищет религиозные корни словесности; это остается маргинальным явлением. Более распространенным выглядит то, о чем пишет далее в своем эссе Хвин:

«Недавно, однако, от знакомого старшеклассника я услышал (...): «Господу Богу совершенно наплевать, есть Польша или нет ее. Если Господь Бог вообще чем-то из наших земных дел занимается, то лишь судьбой отдельных человеческих душ. Нации для Него — тьфу. Они Его ничуть не интересуют». (...) Сегодня распад романтических форм мышления, которые формировали польский подход к идее нации, в просвещенных кругах зашел еще дальше. Многие считают, что не только нации, но и все человечество — лишь переходные формы существования белка на Земле (...). Такие мысли наверняка вызвали бы подавленность у Мицкевича, который сделал все для того, чтобы изгнать их из своего сердца, ибо, вопреки видимости и, учитывая его вольтерьянскую молодость, они отнюдь не были неведомы ни ему, ни другим писателям-романтикам — совсем наоборот; например, Байрон, который в свое время весьма увлекся знаменитой тогда теорией катастроф Кювье, очень много размышлял о небытии, поглотившем динозавров: а может быть — такую догадку мы находим в его метафизических мистериях, — в положенное время оно поглотит и человечество, так что от нас не останется и косточки, не говоря уже о вечно

живых картинах, написанных маслом, пирамидах и соборах, которые рассеются в космическом вакууме, словно голубой табачный дымок».

Рассматривая произведения богоборца-автора «Манфреда», Хвин пишет:

«Что за разнузданные, мрачные, взывающие о мщении к небесам идеи! Ничего удивительного, что Достоевский не мог избавиться от восхищения богословской смелостью Байрона, которая его столь же ужасала, сколь и захватывала, и поэтому написал «Преступление и наказание», «Бесов» и «Братьев Карамазовых», романы-эксцентризмы, чтобы очистить свою душу от романтической отравы, угрожающей, как он считал, всему миру, а прежде всего России, будущей спасительнице мира. Но без парадоксов романтического богословия не был бы написан ни один его роман, и этот православный антизападный гений хорошо знал, что Байрон «прав». И вот именно потому, что он был прав, нам ни за что нельзя с ним согласиться — один из ключевых парадоксов современности, без которого, вероятно, не был бы написан хотя бы «Богословский трактат» Милоша, не говоря уже о произведениях Гомбровича и Альбера Камю, которые выросли на той же богословской почве».

Рассмотрение этого романтического по духу «парадокса современности» формировало и писательское посвящение самого Хвина:

«Это вторжение в пространство «нехороших вопросов», открытое мне романтическим богословием, вопросов, которые, несомненно, грозили душе опасностью, а то и смертью, ибо связи между мыслью и смертью запутанней и тесней, чем мы думаем, — не отсюда ли пошло мое предчувствие, что без этого яда литература наверняка может быть очень хорошей, но не будет достаточно глубокой, т.е. достаточно «чувствительной» во всех сложных значениях этого слова? Но прав ли я был, пускаясь позднее в подобные эскапады в моих романах и эссе? Многие ли в Польше терзались подобными духовными вопросами и радовались им (я подозревал, что немногие)? Так какую же пользу я мог от всего этого получить? (...) А сегодня? Польский дух, дух польской литературы свободно парит, пожалуй, в другую сторону: какие-то чешские шалости, мягкие юнгизмы, утешительные феминизмы, — хотя, может быть, это и не столь достоверно, ибо если взять, например, прозу Пильха, Стасюка, Тулли или Токарчук и чуть сильнее поскрести, то под поверхностью можно было бы обнаружить те еще богословские потемки».

Параллельно тому типу размышлений, какие мы находим в эссеистике Стефана Хвина, в последнее время появляется и критика своеобразного художественного консерватизма в Польше. Об этом пишет Петр Пётровский в статье «Образ эмоций» на страницах журнала «Республика нова» (2002, №3). Точкой отсчета для него становится выставка фотографий Петра Уклянского «Нацисты» — галерея портретов из кинофильмов о войне, где в мундирах нацистов появлялись выдающиеся актеры. Выставка стала знаменитой, так как популярный актер Даниэль Ольбрыхский с саблей кинулся на развешанные в галерее фотографии (об этой истории и ее последствиях «Новая Польша» сообщила на протяжении нескольких номеров). Этот жест Петровский считает образцом подхода, отвергающего поиски «критического искусства»:

«Под термином «критическое искусство» я понимаю такую художественную деятельность, цель которой — в частности, критический анализ, раскрытие социальных, политических и идеологических механизмов, управляющих окружением, в том числе визуальной культурой, деятельность, направленная на демифологизацию, иногда и деконструкцию, на раскрытие проблем в том, что на вид кажется беспроblemным. (...) Идея Уклянского была относительно проста. Простой была и та суть, которую он стремился передать. Показывая лица привлекательных актеров, художник желал обратить наше внимание на то, что развлекательная культура смазывает границы между добром и злом, соблазняя зрителя своей привлекательностью, разоружает память о преступлениях и нейтрализует ужас гитлеризма».

Часть общественности, в том числе и часть художественных кругов, не одобрила ни идею выставки, ни ее суть. Задумываясь над причинами такого положения вещей, Пётровский пишет:

«С тех пор как критика модернизма стала массовой, в качестве контрпредложения выдвигается творчество, как писал Виктор Бургин, делающее выводы из «конца теории искусства», конца теории автономных социальных методов, т.е. творчество, которое вдохновляется разнообразными дисциплинами критической мысли и интересуется политикой, сферой развлечений, экономикой, идеологией. Большинство кругов, с мнением которых в Польше считаются, не одобряет такую концепцию произведения искусства. Почему так происходит? Почему намерение затронуть наше воображение и задать критические вопросы об окружающей действительности, выбить нас из автоматизма взгляда и мысли вызвало такое резкое сопротивление?»

Чтобы понять это, нужно отдать себе отчет в том, что в польском искусстве десятилетиями царил идея «историко-художественного воспитания»:

«Поляки веками, защищая свой национальный облик, были вынуждены скорее «консервировать» традиции, чем преодолевать их и деконструировать. Исторические условия развивали в них подозрительность к критическим дискурсам и одновременно чрезмерное доверие к национальным мифам. По той же причине в истории польского искусства вообще по существу не появлялось альтернативных художественных моделей. Не было ни урока дадаизма, критического крыла авангарда, ни — за немногими исключениями — традиции творчества, оперирующего выходом за свои границы, и это обостряет консервативную модель польской истории искусства. По той же причине художественная деятельность, укрепляющая наши национальные мифы (...), т.е. наследие «проклятых вопрошателей», ближе сердцам и умам поляков, чем такая, которая деконструирует наш угол зрения и визуальные традиции. Искусство, льстящее нашей национальной гордости и уверенности в нашей исторической исключительности, — ближе, чем критическое искусство».

Такое положение дел автор считает неблагоприятным, уводящим Польшу далеко от предъявляемых ей современностью требований:

«Сейчас, когда Польша переживает период цивилизационных преобразований, когда на весах — форма и система ценностей нашего общества, когда сталкиваются друг с другом идеи открытого и авторитарного общества, мы, подчеркиваю, как в кислороде нуждаемся в искусстве, которое выбьет нас из автоматизма взгляда и мысли. Теперь, когда мир оказался на краю глобального конфликта и будущее гражданских свобод неясно даже в западных демократических странах — во всяком случае свободе личности угрожает забота о якобы повышающейся безопасности, — мы нуждаемся в искусстве, которое обнажит механизм ограничения свободы. И в Польше мы в нем нуждаемся. Возможно, однако, проблема негативного отклика на выставку Уклянского лежит глубже, чем только в неприязни польских кругов, создающих общественное мнение, к критическому искусству (...). Думаю, что так оно и есть, что эстетическое сопротивление такому типу творчества — это лишь поверхность, под которой таится куда более серьезная проблематика. Напомню, что основной проблемой этой выставки был вопрос о критике памяти или, точнее, о манипуляции памятью в развлекательной культуре. Поэтому, повторяя вопрос о неприязни, с которой в Варшаве встретили «Нацистов» Уклянского, спросим: а не можем ли мы обнаружить в этой области какие-то типы напряженности, которые могут бросить свет на восприятие?»

Пытаясь ответить на этот вопрос, Петровский подчеркивает:

«Нет сомнения, что критического художественного ответа требуют не только настоящее и будущее, но и прошлое, то, как мы его видим, особенно в нашей стране, где прошлое было и остается предметом манипуляций. Прошлое — или наше отношение к нему — в первую очередь требует критического анализа, именно потому, что мы так легко поддаемся национальной мифологии. В прошлом году в центре современного искусства «Уяздовский замок» состоялась выставка Кристиана Болтанского, одного из ведущих художников, заинтересованных проблемой памяти, критическим отношением к забвению и к заметанию следов. Ходя по Варшаве, художник (...) был потрясен отсутствием памяти гетто в структуре города. (...) Проблема прошлого, т.е. вопрос следа Катастрофы еврейского народа в структуре польских городов, а не в специально отведенных местах, занимаемых памятниками, мемориальными досками и тому подобными мероприятиями по случаю, может стать предметом различных видов художественной стратегии. Если принять предложенное Фрэнком Энкерсмитом и опирающееся на фрейдовское различие меланхолии и траура истолкование памяти о Катастрофе как своего рода необходимости «психического недуга, страдать которым мы никогда не можем перестать», т.е. меланхолии, то можно сказать, что искусство Болтанского связано именно с таким (основанным на «меланхолии») отношением к прошлому. Однако память может составить предмет интереса и для более критических художественных методов. На этом основана попытка Петра Уклянского. (...) Речь идет не столько об иллюзорной борьбе за устранение методов манипуляции памятью, сколько о понимании механизмов их функционирования и того влияния, которое эти методы оказывают на восприятие действительности».

Оба цитированных текста, эссе Хвина и статья Петровского, составляют существенный вклад в дискуссию об отношении польского искусства и литературы к традициям, в особенности тем, что развивают рефлексию о кризисе романтической парадигмы, господствующей в польской мысли вот уже двести лет, или даже о прямой необходимости отказаться от этой парадигмы, как предлагала в начале 90-х Мария Янион [литературовед, крупнейший исследователь польского романтизма. — *Пер.*]. Одновременно они показывают, какой отпор вызывает этот кризис не только среди широкой публики, но и среди интеллектуальной элиты. Однако если для Петровского этот романтический стиль мышления составляет всего лишь балласт, не позволяющий национальной культуре избавиться от действующих в ней стереотипов, то для Хвина кризис романтизма — это, видимо, прежде всего призыв к переоценке его образцов, а не к отказу от них.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

► В пятый раз вручена премия им. Дариуша Фикуса — основателя и главного редактора газеты «Жечпополита», скончавшегося шесть лет назад. В этом году премия присуждалась по двум категориям: тем, кто творит СМИ, и тем, кто творит в СМИ. Лауреатами премии стали: в первой категории — главный редактор еженедельника «Политика» Ежи Бачинский, во второй — Ирена и Ежи Моравские за показанный по телевидению документальный сериал «Сердце из угля».

► В марте отмечалось сто лет со дня рождения Тадеуша Мантойфеля (†1970) — выдающегося медиевиста, основателя и многолетнего директора сначала Исторического института при Варшавском университете, а затем — Института истории Польской Академии наук. В самые тяжелые времена он отстаивал достоинство ученого. Как написал в своих воспоминаниях о нем Бронислав Геремек, один из его учеников: «Он требовал от историка соблюдения ясного нравственного кодекса поведения, предостерегал перед забвением прошлого и искажением истории».

► Не все польские женщины забыли, что некогда и в Польше 8 марта праздновалось как Международный женский день. На демонстрации в Варшаве ярые феминистки провозглашали, в частности, такие лозунги: «Слава свободному выбору», «Детей хотите — рожайте сами, ксендзы, ходите вы с животами». Навстречу им вышла куда более скромная группа старушек, представлявших «Форум польских женщин» и протестовавших против абортов, противозачаточных средств и полового просвещения в школах.

► Как мы уже неоднократно сообщали, женское творчество на протяжении длительного времени занимает в Польше первые места в списках бестселлеров. На этой волне издательство «Зыск и К^о» объявило конкурс на роман о польской Бриджет Джонс, то есть, проще говоря, на беллетризованную биографию польской эмансипированной женщины. На конкурс было подано более ста работ. Самые интересные из них будут изданы в ближайшие годы. Первая премия присуждена Барбаре Космовской за книгу «Частная территория», вышли уже также «Жизнь с блондинкой» Эвы Монастерской и, пожалуй, расхваленная в прессе больше всех книга Изабеллы Совы «Вкус свежей малины». Несколько ранее фуор на рынке произвела Катажина Грохоля А вот

что пишет, подводя итоги конкурса, одна из ведущих польских феминисток, писательница Кинга Дуни: «Так как же обстоят дела с феминизмом у польских последовательниц Бриджет Джонс? Несомненно, они обязаны ему гораздо более, чем готовы это признать. Сражаясь за право быть «нормальными женщинами», они не помнят, что эту «нормальность» для них кто-то отвоевал... Однако прежде всего эти романы... создали... популярное повествование, упорядочившее женский опыт. Прелестная сумасбродка ищет мужа. Но если она полька, ей сперва надо развестись».

► В этом году премию им. Яна Парандовского, присуждаемую польским ПЕН-Клубом, получил Ян Щепанский, романист, эссеист и переводчик. «Кажется, — сказал при торжественном вручении премии проф. Здислав Найдер, — что это писатель анахроничный, идущий наперекор моде, а он просто воздает дань справедливости тому миру, каким он его видит».

► Чеслав Милош, 90-летний поэт, лауреат Нобелевской премии, по-прежнему пишет и публикуется, оставаясь одним из самых видных моральных авторитетов в жизни польской культуры. В его последнем поэтическом сборнике «Другое пространство» среди новых стихотворений опубликован также «Богословский трактат» (см. «Новую Польшу», 2002, №2), ставший предметом бурной дискуссии в телепрограмме «Автограф», участники которой припирали престарелого поэта к стенке, требуя от него представить свой символ веры. Сам Милош объяснял, что «некоторые вопросы поставлены чересчур логично, а духовная реальность настолько сложнее, что тут ничего не решить простым «да» или «нет»». Для критика «Газеты выборчей» новый сборник Милоша — «мучительная исповедь, волнующая запись борьбы с самим собой, с Богом и с дьяволом».

► Интересным материалом к новейшей истории Польши стала выпущенная во Вроцлаве издательством «Осolineум» избранная переписка двух выдающихся деятелей польской эмиграции — Яна Новака-Езёранского, в течение многих лет возглавлявшего польскую редакцию радио «Свободная Европа» в Мюнхене, и Ежи Гедройца, главного редактора парижской «Культуры». Казимеж Козневский красноречиво озаглавил рецензию на эту книгу: «Диктаторы польского вопроса».

► Вскоре в Варшаве откроется букинистический магазин на основе собрания книг скончавшегося год назад Эдмунда Нойштейна. Букинистический магазин Нойштейна с 1958 г. размещался в центре Тель-Авива — для приехавших туда на жительство поляков этот адрес имел огромное значение: это был объединявший их культурный центр и место встречи. Часть книг из его собрания попала в Польский институт в Тель-Авиве, часть находится в библиотеке Общества польско-израильской дружбы «Эйлат» и весной займет свое место в новом варшавском букинистическом магазине.

► Посвященный вопросам искусства польский журнал «Арт & бизнес» организовал конкурс на лучшую картину 2001 года. Главная премия составляла ни много ни мало 100 тыс. злотых, так что в конкурсе пожелали принять участие многие известные художники и большая группа еще совершенно неизвестных живописцев. Победила картина «Монолог» Миколая Каспшика. Каспшик — художник среднего поколения, признанный мастер, давно известный на художественном рынке. Самые интересные картины этого впервые проводившегося конкурса были показаны на выставке в варшавской «Круликарне».

► В марте в Варшаве были открыты две выставки произведений польско-литовского художника Стасиса Эйдригвичюса. В галерее «Соме» на улице Фоксаль была представлена его живопись. А в Музее плаката в Вилиянове — экспозиция под названием «Стасис — 20 лет с плакатом» представляла его творчество в области плаката. Сам автор сказал об этих двух выставках: «В Вилиянове я показал работы «отшлифованные». А в «Соме» выставил вещи «всклокоченные», разные опыты художника, от старых небольших пастелей до больших полотен, написанных в последнее время».

► В галерее «Броварна» в Ловиче, действующей в здании бывшей евангелической кирхи, были выставлены картины Яцека Сеницкого, художника, скончавшегося в 2000 г, чье творчество обращено к декадентскому духу конца XIX — начала XX вв., которому отдавали дань многие представители искусства довоенного авангарда. «Внуком символистов» назвала его Дорота Ярецкая и написала: «Его искусство не могло возникнуть лишь из негативной программы, из отрицания соцреалистической «лакировки»».

► «Такой изобретательности и свободе, такому ощущению цвета и композиции, как у Марии Вненк, могут позавидовать многие художники», — пишет о художнице из Подхалья Катажина Бик, рассказывая в «Газете выборчей» о ее краковской выставке. Мария Вненк пишет портреты и пейзажи. Родом она из деревни под Новым Сончем. Окончила четыре класса средней школы. Сейчас ей 80 лет, и она живет в богадельне в Кобежине. Ее живопись за-

хватывает красочностью и выразительностью, экспрессивно-наивным взглядом на мир.

► Альбрехт Дюрер, Франсиско Гойя и Джованни Баттиста Пиранези недавно покорили Варшаву, а на выставках их графики в Национальном музее (Дюрер) и в залах Большого театра собираются буквально толпы зрителей.

► 80 лет исполняется в этом году Юзефу Шайне — всемирно известному графику, сценографу и директору театров, художнику и узнику Освенцима. Торжественное празднование юбилея художника и 55-летия его творческой деятельности началось в Королевском замке в Варшаве. Посвященные юбилею мероприятия, в том числе выставки, встречи и спектакли будут проходить до конца года. Можно будет также увидеть фильмы, посвященные юбилею.

► Отмечаем мы и еще одну годовщину. На этот раз десятую годовщину со дня смерти великого актера кино, телевидения, но прежде всего театра — Тадеуша Ломницкого. Ломницкий умер на сцене Нового театра в Познани, на одной из последних репетиций шекспировского «Короля Лира», где готовил заглавную роль. Это случилось 22 февраля 1992 года. В связи с этой годовщиной прошло несколько встреч и открылась посвященная Ломницкому выставка. А в Театре ТВ был еще раз показан «Шарлатан», спектакль, в котором он сыграл одну из своих последних великолепных ролей — создателя польского национального театра Войцеха Богуславского. «Он был только там, где чувствовался аромат настоящего театра. (Я думаю, что в ЦК он тоже был потому, что там пахло театром)... Он не выносил тех, кто не умел сходить с ума», — написала в воспоминаниях о нем Иоанна Щепковская.

► «Интерпретации» — это основанный пять лет тому назад Казимежем Куцем фестиваль режиссерского мастерства, ежегодно проходящий в Катовицах. В конкурсе участвуют создатели «живого» и телевизионного театра, дебютировавшие за последние 15 лет. В этом году «Лаврами Конрада», главной премией фестиваля, был увенчан Войтек Сможевский за спектакль Театра ТВ «Курс лечения» по тексту Яцека Глембского. Его герой, молодой врач-психиатр, решает провести несколько недель в больнице в качестве пациента и незаметно из наблюдателя действительно превращается в пациента. Конкурентом Сможевского был, в частности, Петр Цепляк и его ставший уже знаменитым «Король Лир» Шекспира — спектакль варшавского «Театра повзвехного».

► Лауреатом Большой премии Фонда культуры в этом году стала Агнешка Арнольд за кинофильм «Соседи», посвященный событиям в местечке Едвабне и их сегодняшнему восприятию. Кинофильм был признан «ху-

дожественным событием и одновременно важным историческим свидетельством, формирующим общественное сознание». Сопровождавшийся широкой рекламной кампанией кинофильм «Шопен — желание любить» не получил признания критики. Рассказанная в нем история любви Жорж Санд и Фридерика Шопена не удовлетворила рафинированных зрителей, а сам фильм был признан малоинтересным. «Казалось бы, — написала в «Политике» Дорота Шварцман, — о Фридерике Шопене — человеке, личность которого окружена таким пиететом слушателей и вызывает столь большой интерес исследователей... мы должны знать все. Однако он был личностью настолько таинственной, что по-прежнему не позволяет раскрыть себя до конца». Эта констатация относится прежде всего к его личной жизни, в которую попытались проникнуть авторы кинофильма Ядвига Баранская и Ежи Антчак.

► В четвертый раз присуждается польская кинопремия «Орлы» — ее лауреатом стала уже награжденная многим другими премиями (лучший фильм года, премии за режиссуру, сценарий и роль Збигнева Замаховского) картина Роберта Глинского «Привет, Тереска». Премия за лучшее исполнение женской роли получила актриса Кинга Прейс, снявшаяся в кинофильме «Гишина» Михала Росы. Три премии достались кинофильму Ежи Кавалеровича «Quo vadis» («Камо грядеши»), а премия «Орел» за вклад в киноискусство присуждена писателю и кинорежиссеру Тадеушу Конвицкому. Впервые были присуждены две специальные премии — Агнешке Холланд «за пройденный оригинальный творческий путь, начавшийся в Польше и продолженный за рубежом» и Славомиру Идзяку — «за незаурядные достижения в операторском искусстве».

► Славомир Идзяк выдвигнет на «Оскара» за снятый в США кинофильм «Вертолет в огне» режиссера Ридли Скотта. Другие поляки, фигурирующие среди выдвинутых на премию Американской академии киноискусства, — режиссер Славомир Фабицкий и оператор Богумил Годфреев за короткометражный фильм «Мужское дело», созданный как студенческий этюд в Лодзинской киношколе и выдвинутый на так называемый студенческий «Оскар».

► Три с половиной года продолжалась работа Петра Думалы над мультфильмом по «Преступлению и наказанию» Ф.М.Достоевского. В результате создан фильм весьма необычный, в котором, как говорит автор, «остаётся фундаментальная проблема одержимости Раскольникова идеей преступления».

► Прошлый год оказался не самым лучшим для газет на польском рынке. Среди центральных ежедневных газет продажу на прежнем уровне сохранила только «Газета wyborcza», немного потеряли «Жечпосполита» и «Супер-экспресс». «Газета» открыла новый офис — огромное,

современное, многоэтажное здание, в котором разместились все филиалы издания. На торжественное открытие пригласили около тысячи гостей — как правых, так и левых. Для тех, кто помнит первые заседания редколлегии, проходившие в песочнице детского сада, это действительно стало событием.

► Как представляется, ничто не угрожает и ежеквартальному журналу «Зешиты хисторичне» («Исторические тетради»), который издавался некогда наряду с «Культурой» парижским Литературным институтом Ежи Гедройца. Хотя после кончины редактора издательство сознательно перестало издавать «Культуру», все указывает на то, что такая судьба не грозит «Историческим тетрадям», которые все больше ориентируются на новейшую историю.

► «Big Popiel» (Попель — мифический польский князь, предшественник первых польских королей, которого, по преданию, «съели мыши») — так будет называться новый мюзикл, музыку к которому написала Катажина Гертнер, автор популярных хитов (например, «Малгоськи» Марыли Родович) и музыки ко многим спектаклям (напр. «Рисунки на стекле»). Либретто написал Гжегож Вальчак, используя мифы о возникновении государства полян, в которые Катажина Гертнер вплетает самые разнообразные музыкальные сюжеты и мотивы.

► Впервые в Польше состоялась польско-еврейско-немецкая конференция, ставшая продолжением форума, который до сих пор проходил в ФРГ. Приветствуя участников конференции, президент Александр Квасневский, в частности, сказал: «Лес на Аллее Праведников в иерусалимском мемориале Яд-Вашем, где каждое третье дерево носит польское имя, свидетельствует о польской солидарности с евреями, приговоренными к уничтожению. Но нельзя позволить, чтобы за этим лесом скрывались люди, которые помогали преступникам или принимали участие в антисемитской травле».

► Власти Вроцлава, Оломуца, Печа и Прешова подписали соглашение, на основании которого будет проводиться Вышеградский фестиваль, посвященный культуре Польши, Чехии, Венгрии и Словакии. Цель фестиваля — углублять знания о соседях, помочь молодым людям осознать, что и «не наше» тоже может быть интересным. В рамках фестиваля будет представлена прежде всего популярная культура государств-организаторов и ежегодно — культура почетного гостя. В этом году таким гостем будет Украина. Мероприятия фестиваля адресованы прежде всего молодежи в возрасте 20-30 лет, а кроме того программу дополняют мероприятия более серьезного плана.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

А.Новак о геополитике

Р.Яроцкий о Петре Слонимском

Я.Тазбир о «Тарасе Бульбе»

В.Станиславский о русских эмигрантах в довоенной Варшаве

Л.Колаковский: 4 маленьких трактата

Г.Пшебинда о Михаиле Хайфеце

Я.Гослицкий о Станиславе Бжозовском

К.Бурнетко: Газетный киоск

Л.Бальцерович о будущем Европы

М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге

Р.Пшибыльский об И.Бродском и А.Ахматовой

Виктория и Рене Сливовские: Чем нас привлекла русская культура?

Я.Стшалка беседует с Анджеем Вайдой

К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия

Наши люди: Яцек Возняковский

Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, П.Слонимский, З.Рыбчинский,
А.Холланд, В.Скальмовский, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Шимборской, Бялошевского и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой,

Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и
средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации
ПИ № 77-1063 от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ

РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии .

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

руч muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Цена 6 zł w tym VAT 0%